DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Короли российского нуара

Александр и Светлана Порохня

Лист, несущий смерть

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Продолжение приключений Олеси Смирновой, главной героини предыдущего произведения «Приключения сестры милосердия». Что может скрываться в частной перинатальной клинике? С кем придется столкнуться Олесе в этот раз и кто такие «черные трансплантологи»? При создании обложки вдохновлялся изображением использованным в предыдущей публикации.

- Александр и Светлана Порохня
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Эпилог

Александр и Светлана Порохня
Аист, несущий смерть

Пролог

В большой светлой комнате с высокими потолками на больничной кровати (странно, что при такой необычной конструкции медики их называли «функциональными») лежала глубоко беременная измученная болью женщина. На голове у нее была розовая медицинская шапочка, с резинкой по краю, глубоко натянутая на лоб, почти по глаза, так что не было видно бровей. Одета молодая женщина была в такую же розовую полупрозрачную рубашку из непонятной ткани, то ли ткань, то ли бумага, из такой сейчас шьется вся медицинская одноразовая одежда. Женщина лежала на спине неподвижно, и глубоко дышала, видно было, что рожает она в первый раз, по ее робкому и неуверенному выражению лица, слегка искаженного болью и страхом неизвестности. Но, судя по всему ее виду, несмотря на понятный страх первых родов, подготовка ее молодого организма к родам шла хорошо. Большой живот ее еще был неподвижным, схватки и потуги не начались, но сильная боль внизу поясницы уже мучила ее несколько часов. И именно из-за этой боли ей было и страшно, и неудобно двигаться, поэтому она старалась лежать не шевелясь, дышала ритмично, как ей советовала делать ее районный гинеколог. В палату тихо вошла акушерка, и молча сделала молодой будущей маме в локтевой сгиб руки какую-то инъекцию. Так же молча сотрудница роддома из палаты вышла, тихо прикрыв за собой дверь, а минут через 10 роды уже «шли» полным ходом, у будущей мамочки резко взгорбился живот, начались регулярные спазмы — родовые схватки. Еще через два часа у этой молодой женщины в современной родовой палате родился прекрасный, живой малыш, мальчик. Его отрезали от пуповины матери, бережно вытерли опытные руки акушерки, потом взвесили голенького на медицинских весах, и куда-то унесли, так и не сказав новоиспеченной матери ни слова, а когда она хотела что-то спросить, ей снова сделали какой-то укол. После этого укола роженица уснула, спала почти 5 часов, а когда проснулась, ей сказали, что ее сын, ее долгожданный ребенок умер. Задохнулся в родовых путях из-за перевившей его шейку пуповины.

Практически одновременно с родами в этой палате, на этом же этаже медицинского центра шла операция кесарева сечения у другой роженицы. Будущая мамочка после процедуры ЭКО не могла в принципе рожать самостоятельно из-за больших рисков для ее драгоценного здоровья, молодая и очень богатая, она была весьма избалована, и не желала, в принципе, терпеть никакую

боль даже в процессе появления на свет драгоценного наследника высокопоставленной семьи. И хотя сама операция по извлечению младенца через разрез в брюшной стенке матери была довольно грубой и не такой изящной, как методы современной акушерской хирургии, ЭКО-детки в основном именно таким способом появлялись на свет. Причин было много, но одна причина этой тактики была главной, при искусственном оплодотворении, даже при нормально развивающейся беременности, рождалось слишком много детей с отклонениями от нормы. И в случае ВИП-пациенток, требовались некоторые специфические действия врачей, не совсем законные, конечно, чтобы обеспечить жен богатых мужчин, по их деньгам заслуженным, нормальным и здоровеньким потомством. Иначе нарастал немалый риск уже для самих врачей, папочки, не искушенные в медицине, имевшие большие деньги, и немалые связи, могли устроить «веселую жизнь» тем врачам, которыми были по тем, или иным причинам, недовольны. А значит, цель в данном случае оправдывала средства. А значит, оправдывала практически все.

Быстро разрезав скальпелем мышечный слой увеличенной беременностью матки, врач вытянул через разрез в матке ребенка, поднес его почти к самому своему лицу, одетому в хирургическую маску. Так и есть, типичный разрез глаз ребенка выдал в нем признаки врожденной патологии, болезни Дауна. А значит, и в этот раз они не зря решили подстраховаться, игра стоила свеч. Он не ошибся и в этот раз. Впрочем, он никогда не ошибался.

Глава 1

Когда за ней бесшумно захлопнулись двери частного медицинского центра, ей показалось, что городской шум обрушился ей на голову как снежный козырек с крыши в марте. Она стояла посреди шума машин, визга тормозов, хриплых криков дорожных рабочих, разбиравших бордюр у небольшого сквера напротив, и ей было очень плохо. До сих пор ее сознание отказывалось принимать новость, которую полушепотом, аккуратно прикрыв за собой дверь, сообщила ей заведующая гинекологическим отделением центра. Чтобы не сойти с ума от нелепого и страшного сочетания поразивших ее слов, она стала старательно вспоминать все, что знала про этот престижный и достаточно дорогой медицинский центр. Ей сообщил про него знакомый преподаватель, с которым она вместе вела часы в сталелитейном техникуме (вот ведь была идиотка!) лет восемь назад. Ей тогда казалось, что если она будет работать как все, то сможет искупить как-то ту аферу, которую провернул ее муж с руководством одного из городских заводов по списыванию каких-то взаимозачетов. Он тогда заработал на этом большие деньги, и они сразу же их вложили в покупку огромной квартиры на центральной улице их областного, немаленького промышленногогорода. Это была их с мужем старая мечта, иметь квартиру не где-нибудь, а в самом центре, недалеко от набережной, чтобы лениво прогуливаться по пешеходной части улицы, заходить в кафе и свысока кивать знакомым, которые съезжались на центральную улицу по праздникам, традиционно повторяя программу развлечений забытых студенческих лет. Понятно, что их мало интересовали их старые знакомые, и их жизнь, им были интересны только те люди, которые представляли для бизнеса мужа, а значит для материального положения их небедной семьи, какой-то материальный, коммерческий интерес. Но и лишить себя удовольствия в очередной раз взглянуть на старых знакомых свысока они упускать не хотели.

Они с мужем не стразу стали такими — надменными и презирающими всех, кто жил беднее, чем они. Вначале они были обычными студентами не самого престижного ВУЗа, как все их студенческая компания тех лет, ездили в походы на байдарках, дружно и весело пели у костра хором в летнем трудовом лагере на берегу маленькой и грязной речушки Вязьмы. Они даже пару раз брали с собой в поход старшую дочь Алину, когда она родилась. А потом дела у мужа пошли в гору, он умел договариваться с нужными людьми, как-никак бывший

фарцовщик. И постепенно в их сознание с мужем, совершенно не замутненное современной фантастикой, Вебером и Пелевиным, внедрилось и плотно там обосновалось чувство собственной исключительности по отношению к тем, кто продолжал работать за небольшую зарплату на заводах или в институтских лабораториях. Как бы подтверждая их личную исключительность, денежный ручеек в семье не иссякал, он становился все мощнее, шире, значительнее. Конечно, это было не просто так, но она и сейчас ни за что не призналась бы себе в том, что на самом деле было причиной их преуспевания и процветания. Когда ее предупреждали о последствиях, она не верила. И вот сейчас пришла пора расплачиваться за все.

Самое главное, она не могла понять — «за что?» Почему их дочь оказалась бездетна? Ведь все что они делали с мужем, все было для нее… И тут такая страшная трагедия. Вообще она понимала, что совершенно напрасно не обследовала дочь до ее статусного брака, именно с гинекологической стороны. Потому что семья мужа дочери была очень непростой, и как им выходить теперь из этой ситуации, было совершенно непонятно.

* * *

Сегодня с утра мы опять поругались с Денисом. Честное слово, как только он узнал о моей беременности, он стал совершенно невыносимым!

Моилюбимые родители с их вечным вопросом «А чего ты сегодня ела?», на фоне его дотошной, граничащей с маразмом, заботы о моем здоровье казались необыкновенно демократичными персонажами. Мало того, что теперь я не могла даже подумать о том, чтобы надеть мои любимые джинсы — Денис откуда-то с просторов интернета взял непреложный факт, что ношение джинсов на ранних сроках беременности опасно для будущего ребенка. Он просто изводил меня своим контролем, который он объяснял заботой обо мне, и о здоровье нашего будущего малыша.

Новыми правилами, введенными Денисом в обиход после известия о моем «положении», мне запрещалось выходить из дома без толстенной бесформенной старушечьей кофты. Этот ужас со слезами на глазах, как раз по случаю появления будущего наследника мне связала и торжественно вручила полуслепая старенькая тетушка Дениса, Кроме этого, по его распоряжению, с которым спорить было нельзя, я еще должна была всегда таскать с собой этот ужасный огромный зонтик, чтобы не простудиться

под дождем (даже намека на который не было уже третью неделю). Зонтик был уродлив, необыкновенно тяжел, и у меня от его ношения всегда начинала сильно болеть поясница.

И вообще я была далеко не в восторге с того момента. Когда тест на беременность показал две полоски. Не была я готова становиться мамой, со всей проистекающей из этого ответственностью. Деваться конечно было некуда, мой бравый муженек предохраняться категорически отказывался, ну не мне же было гормональные таблетки глотать… Из этого становится понятно, что известие о своей беременности я встретила по принципу «надо, значит надо!» Что в общем не умаляло нудизма и тупизма моего законного муженька.

И теперь еще это его непонятное и скоропалительное решение положить меня в частную клинику на обследование, даже не посоветовавшись со мной заранее. Это было уже чересчур! Я ныла и плакала все утро, но все было бесполезно: Денис был непреклонен. Его железныйхарактер, закаленный в «горячих точках» и в не менее «горячих» ситуациях на милицейской работе за последние и непростые во всех отношениях 10 лет, был непреклонен и не терпел возражений. Муж заставил меня собрать в промежутках между моим нытьем и слезами в большой пакет тапочки, фланелевый халатик, зубную щетку с кусочком душистого мыла, и затрепанный томик любимой Агаты Кристи, последнее мое утешение. Когда я, показательношмыгая носом, села в машину, Денис вдруг обнял меня за плечи и прошептал мне в самое ухо: «Олеська, не обижайся, родная моя! Там какие-то непонятные дела творятся, в этой клинике, присмотрись там, может, что заметишь!».

Я обмерла: мои детективные наклонности мужем всегда пресекались на корню, и вот, на тебе… Что это значит?! Я уже собиралась засыпать моего любимого вопросами, но он прижал палец к губам, включил магнитолу и мы медленно выехали из двора под навязчиво кричащую песню Земфиры «Корабли в моей гавани»…

Частная гинекологическая клиника, в которую меня решили госпитализировать для обследования, находилась в небольшом переулке на высоком откосе, в старинном, хорошо отремонтированном особнячке, дальновидно переданном в лихом семнадцатом году прошлого века новому революционному правительству города его старым владельцем, мелкопоместным купчишкой. Говорили, что именно это и спасло хитрому купчишке жизнь, пока новые хозяева города обследовали его роскошные апартаменты, владелец особнякауспел сбежать, абсолютно и окончательно «растворившись» на широких родных

просторах, и уже никак не мог быть расстрелян новой властью города по законам революционного времени.

Снаружи особнячок не приковывал к себе внимания, наверное из-за того, что место было престижное, и его окружали намного более роскошные здания, от современных «бань из стекла и бетона», до изысканных подделок под староприжимный стиль «ампир».

Изнутри же старинный особнячок выглядел весьма современно: в приемном покое, или как у них называлось «ресепшен» мерцал таинственно зеленоватый керамгранит на полу, светлая фактурная штукатурка поблескивала на стенах, видимо в штукатурку была добавлена слюда, а вместо занавесок на окнах висели строгие современные жалюзи. Мебель была необычной формы, и изготавливалась явно по спецзаказу, офисные стол администратора, шкафы-купе для одежды и стеллажи с мерцающими стеклами вписывались в завитки коридоров старинного здания так органично, что казалось, что именно эта мебель была здесь всегда.

Высокая черноволосая девица, с длинным бледным лицом и модной стрижкой до ушей, скучающая за высокой стойкой, лениво пролистала мои документы, и попросила нас с Денисом подождать несколько минут. Черные волосы в последнее время прочно вошли в моду у молодежи, видимо после сериала о любовных страданиях молодых вампиров. Пожалуй, в облике девицы цвет волос был единственной привязкой к модной тенденции: косметика была дорогой и неброской, вытянутое молодое личико казалось фарфоровым, настолько оно было гладким, правильным и ухоженным. Вот только нос был явно длинноват, мстительно подумала я.

Вообще я чувствовала себя совершенно по-идиотски, поскольку привыкла обслуживать пациентов с «другой стороны» административной стойки. Денис мне так и не дал никаких дополнительных распоряжений, пока мы ехали в центр, и я даже не знала, можно ли было мне афишировать то, что я сама медработник. Несмотря на коммерческую основу здешней больнички, бардака тут было не меньше, чем у нас, мы сидели в приемнике уже минут 5 а к нам пока так никто и не подошел. Повисло неловкое молчание, и я стала внимательно рассматривать фотографии на стенах с разнообразными улыбающимися младенцами — наглядными результатами работы Центра в области искусственного оплодотворения. Младенцы все были неприятные, толстые, и какие-то ненатуральные, как куклы, все на одно лицо, все с вымученными улыбками, больше похожими на гримасы, или мне это только показалось? Скорее

всего, фотографии обработанные, фотошоп рулит, успокоила себя я, каждый хочет казаться красивее, ну а уж если речь идет о собственных детках…

Я посмотрела на Дениса. Мой бравый муж в этой довольно непривычной для него обстановке явно растерялся, сгорбился, сжался, и неподвижно сидел на краешке дорогого офисного стула, всем видом своим показывая, как ему тут не нравится. Когда минут через 10, если не больше, в холл, натянуто улыбаясь, вошла, точнее» вплыла» тучная улыбающаяся докторша с пышной прической вокруг головы, мне стало совсем нехорошо. Тетка по всему ее виду была подозрительной и неприятной, вьющиеся волосыее были зачесаны назад, и уложены в виде не оригинальной прически, напоминавшей знакомую с детства «прическу старушки Шапокляк». При этом докторша так же натянуто и неестественно улыбалась, как и многочисленные фальшивые младенцы на стенах.

Денис так резко вскочил докторше навстречу, что с грохотом уронил стул, случайно зацепившись за него ногой. От неожиданного грохота, непривычного для данного помещения, все как-то вскинулись, зашевелились, и натянутая обстановка сама собой разрядилась.

— Здравствуйте, это так это — Олеся? — ласково подплывала ко мне докторша, вытянув вперед пухлую руку, отдаленно напомнившую мне тупого удава.

— Да, здравствуйте… — я на всякий случай спрятала обе руки назад, вдруг схватити утащит куда?

— Елизавета Максимовна я — нараспев протянула докторша, — Пойдемте со мной в смотровую, а молодой человек пусть вас здесь подождет! — Татьяна, принеси будущему папаше чаю!

— Вам какой чай, черный или зеленый? — фарфоровая девица явно обрадовалась такому повороту событий и поводу с моим мужем пообщаться накоротке.

— Мне кофе. С сахаром. Два куска. — Веско сказал мой Денис, как отрубил, мрачно глядя в пол, покрытый плитками из зеленого, с черными прожилками, керамганита, сделанного с явным намеком на подземное царство хозяйки медной горы, как будто из него, из пола должна была вылететь к нему в руки чашка с горячим кофе.

— А у нас кофе нет, это вредно будущим родителям! Только чай! — нараспев пропела Елизавета Максимовна, все-таки ловко вцепилась в мою рукумертвой хваткой и энергично потащила меня за собой вглубь помещения, как Баба Яга Иванушку к печи.

«Что я здесь делаю?!» — внезапно пришла мне в голову одна-

единственная за весь день здравая мысль. На тесные, но безопасные и уютные стены моей районной женской консультации это помещение походило как дохлая мышь на быка. Я вообще не понимала, зачем я согласилась ложится в это заведение, как любой работник бюджетной больницы, к коммерческим медицинским центрам у меня была подсознательная неприязнь.

С другой стороны — что мне уже остается?

Раз согласилась, не подумав, и не отказалась сюда ехать, пока дома была, так придетсяполежать здесь, осмотреться, хотя в чем я могла помочь Денису, я так и не поняла, поскольку любая больница, частная или нет, секреты свои от пациентов охраняет строго. Но с другой стороны, если бы у мужа моего, на работе не случилось что-то, он бы меня сюда и не потащил, я его знаю. Видно случилось что-то, если он не только притащил меня беременную сюда, на другой конец города, в клинику, в которой у меня даже минимальных знакомств не было, да и не могло быть, но и открыто попросил у меня помощи.

Не буду описывать здесь унизительную процедуру гинекологического осмотра, скажу только что розовую медицинскую кушетку, похожую по очертаниям на космический корабль, я видела впервые в жизни. Одноразовое белье было голубым, кушетка розовой, стены зелеными. Гинекологическое кресло мне напомнило картинки из «Молота ведьм». Вообще, все здесь было таким непривычным, если не сказать, неприятным, мне казалось, что я сплю, это ощущение «дежавю» усугубляла пустая болтовня толстой и неприятной мне Елизаветы Максимовны, которая умудрялась вставить словечко в самое неподходящее время, как необразованный портовый грузчик в первую брачную ночь. Но, наконец, гинекологический осмотр закончился, докторша нацарапала что-то в моей медицинской карте, и мы вместе с ней вернулись в холл клиники.

Когда я туда вошла, Денис выглядел еще более мрачно, он неподвижно смотрел в стену, как будто хотел рассмотреть что-то в изгибах импортной декоративной штукатурки с маленькими вкраплениями кварцевых камешков, до боли напомнивших мне мое раннее детство, а именно игру в песочнице в нежном возрасте в собственном дворе. Девица тоже мрачно молчала, нахохлилась и замерла, «как ворона на заборе» подумала я, тупо уставившись вплоский монитор дорогого компьютера.

«Что тут у них произошло? Поругались что ли?» — об этом мне муж вряд ли бы сказал, даже если бы я его спросила. Хотя я тут же забыла об этом, потому что надо было прощаться. И внезапно у меня из глаз закапали слезы, и Денис и кот Касьян

теперь будут голодными, пока я не приеду домой после этого, в общем-то, никому не нужного обследования… Я постаралась не расплакаться прилюдно, чтобы не доставлять радость мерзкой девице за стойкой, ох, и подозрительно они переглядывались с Денисом! Надо будет у него спросить потом, кто это такая, решила я. Как бы то ни было, я пошла наверх, понимая, что мои приключения вряд ли будут здесь, в этих стенах, милыми и приятными.

По узкой лесенке, петлявшей внутри особнячка, натужно дыша при каждом шаге (вот что значит лишний вес!) Елизавета Максимовна лично препроводила меня в отделение патологии беременных, где мне была приготовлена уже отдельная палата. Вообще, особнячок был каким-то непонятно тесным внутри, видимо, областным чиновникам от здравоохранения пришлось дать немаленькую взятку, чтобы на более чем скромные площади «впихнуть» гинекологическую клинику, санитарные требования к помещениям которой по моим смутным воспоминаниям с медицинского училища, по существующим нормам предполагали несколько другие масштабы. Палата была маленькая, и располагалась первой от лестницы, узкая, как келья средневековой монахини, но уютная: высокая кровать, небольшая прикроватная тумбочка, ничего лишнего, все светло-бежевых тонов, стены, пол и горизонтальные металлические жалюзи, отчетливонапомнившие мне решетки на окнах. В углу приютилась маленькая раковина с диковинным стеклянным смесителем, то есть смеситель был металлический, а вот кран напоминал прозрачную летающую тарелку или блюдце, надо будет спросить, как его поворачивать, чтобы не облиться с ног до головы.

— Обед в полвторого! — пропела мне в спину любезная Елизавета Максимовна. Я кивнула ей, не поворачиваясь, и услышала за спиной шорох прикрываемой двери.

Нужно было осмотреться и все продумать. Что там Денис говорил мне в машине насчет подозрительных дел? Вот характер! Я неожиданно разозлилась. Не мог мне подробно сказать, что я должна здесь найти, все утро ругались дома, вот он гад какой мой муженек! Вообще после того, как мы зарегистрировали брак с Денисом, ох и показал он мне свой паршивый характер! Мой избранник оказался упрямым и негибким, глухим к чужому мнению, возражениям и слезам. Но кто виноват в том, что я не разглядела этого раньше? Как говорится — бегемот в Африке плохо двигается и плохо слышит, но из-за его огромных размеров, это уже совсем не его проблема, атех, кого он встретит на своем пути.

Нужно было настраиваться на обследование и по ходу что-то делать, наблюдать за происходящим, поэтому я решила не расстраиваться, полностью выбросить из головы мысли о моем Денисе, и мстительно подумала при этом — «ничего, поешь пельменей покупных, больше меня ценить будешь», после чего решилась, и вышла в коридор.

Обстановка в отделении была какой-то фальшивой, как будто я присутствовала на плохом спектакле, или была актрисой малобюджетного фильма. Даже наша старенькая больничка смотрелась намного достойнее, и как-то по врачебному, несмотря на скудное финансирование, и декоративный ремонт в отделении «а ля совок». Все равно усилия врачей и среднего медперсонала как-то наполнили неброские интерьеры энергетикой врачевания. А здесь, несмотря на помпезность и роскошество, было полной фуфло. Декорации медицинского учреждения, но никак не больница. Все узко, косо, неровно, несмотря на мебель дорогую как-то душно, я бы даже сказала, пыльно.

Нужно отметить, что все беременные женщины какими бы они не были раньше, становятся в определенном положении все похожи друг на друга как две капли воды. Отсутствие косметики на лицах, осторожные движения и походка, как будто на голове стоит полный кувшин, но главное — этоглупое, даже тупое, выражение лица, характерное для человека, когда тот прислушивается, как у него урчит в животе. Все перечисленные мной признаки в изобилии присутствовали у молодых будущих мам, вперевалочку гуляющих по узенькому коридору отделения патологии беременных. Некоторые будущие мамочки умудрялись поместиться в коридоре вдвоем, показательно держа друг друга под руку. От обилия их сладких улыбочек у меня началось тошнота - мне показалось, что я опять нахожусь в стенах известной «богадельни», психиатрической больницы для неизлечимых психических больных. Вообще, если честно, ситуация была просто дрянь, поскольку я была здесь одна, и никого не знала. Адо обедаследующего дня мне нужно было хоть с кем-то познакомиться, чтобы получить хоть какую-то информацию о весьма странном медицинском учреждении, которым являлась данная частная клиника. Потому что я не собиралась здесь долго торчать, это понятно.

Решив немного схитрить, и прокачать окружающую обстановку, я присела на краешек стула и старательно наморщилась. Я не уверена, как это выглядело со стороны, но буквально через секунду меня уже кто-то тряс за плечи и спрашивал, как я себя чувствую. Старательно изобразив резкую слабость, я попросила стакан воды, тут же молью за стаканом

метнулась медсестра, и я, отметив ее темп, оценила и профессионализм, и жесткость дисциплины в данном учреждении. У нас в больнице никто и никогда так не метался. Даже когда человек реально умирал.

Потихоньку глотая невкусную (явно бессолевую!) воду из стаканая огляделась. Стакан мне так быстро и услужливо сунула прямо в лицо медсестра, таким неожиданно резким движением, и так быстро, что мне пришлось резко отдернуть голову, чтобы не получить стаканом по зубам, при этом медсестра поглядела на меня подозрительно. «Здесь надо быть очень осторожной» — поняла я. В коридоре кроме меня и медсестры оставались три женщины, остальные видимо разошлись по палатам, две уже приготовились рожать, судя по огромным животам, а одна была стройная как пятиклассница, туго затянутая в халатик с розовыми слониками. Вообще надо сказать, что особой радости на лицах женщин, находящихся на лечении в данной клинике, я не замечала. Это было странно с учетом совершенно дикой, заоблачной стоимости одного дня пребывания в данном «коммерческом заведении». Однако, и мое недомогание, и мое повышенное внимание к пациенткам отделения, а может еще что-то, чего я не поняла и не отследила, было замечено медсестрой, и видимо, неправильно истолковано. Или, наоборот, правильно истолковано, поправила себя я, потому что меня тут же отправили обратно в палату.

— Идите, полежите, до обеда еще много времени, — медсестра с силой подняла меня со стула за локти и буквально впихнула в палату. Дверь за ней закрылась, я даже не успела поблагодарить ее за столько обходительное поведение. В который раз за короткий период времени я убедилась, что здесь творится что-то странное, это было заметно и в придавленном состоянии будущих мамочек, и в каком-то жандармском поведении медицинской сестры.

Но изменить я ничего уже не могла, в который раз проклиная себя за беспечность и сговорчивость, надо было как-то двигаться дальше, и во всем стоило искать свои плюсы, здесь, по крайней мере, меня никто не трогал, не спрашивал по нескольку раз за полчаса, как я себя чувствую, и я могла просто побыть в своей палате-келье одна. И это оказалось не так уж неприятно. Поэтому, чтобы не терять драгоценное время до обеда, не раздеваясь, я прилегла на жесткую кровать, натянула на себя жесткое покрывало и заснула. Но спала я намного дольше, чем могла этого ожидать.

Когда я выбралась из глубокого сна, был уже вечер. Обед я пропустила, и это также было странно: в нашей больнице в

столовую будили всех, даже лежачих, хотя они и не принимали участие в больничной трапезе. «Может, мне в воде дали снотворное?» — мелькнула мысль, — «А зачем? Я вроде не буянила…» Есть мне совершенно не хотелось, на тумбочке лежал пакет с несколькими яблоками и апельсинами, сама мысль о которых наполнила рот кисловатой слюной. Дома яблоки я не ела, а апельсины мне очищал обычно Денис, в крайнем случае, если его не было рядом, я разрезала ножом круглый фрукт пополам, получая значительное удовольствие от запаха, чем от кисловатого и приторного вкуса, кроме того, от апельсинового сока у меня всегда щипало пальцы, изодранные борьбой с дезинфицирующими средствами на рабочем месте. Но чистить самой эти апельсины, брррр…

Поскольку заняться мне было нечем, я стала пристально разглядывать палату, прикидывая, сколько может стоить диковинная медицинская мебель, жалюзи, и лампа на стене (отдаленно напомнившая мне по очертаниям Железного Дровосека из известной детской сказки). Мне не часто приходилось бывать на выставках медицинской мебели, но, судя по современным материалам и дизайну, оснащение этой клиники было едва ли не лучшим в городе. «Надо будет посмотреть в интернете, сколько примерно это может стоить…» — решила я прекратить бесполезное занятие, наблюдение за мебелью мне все равно не давало ровно ничего, что бы могло интересовать Дениса в его расследованиях и работе. Я подошла к окну и выглянула во двор больницы. Ничего нового, забор и традиционная помойка, порхающая вокруг нее дюжина воробьев, и жирный котяра, даже не повернувший голову от лени в сторону этих воробьев (кормят его явно не Вискасом). В это время в моей сумке запищал мобильник, но общаться с Денисом мне не хотелось, поэтому я проигнорировала звонок, пусть поволнуется, собрала всю волю в кулак, и вышла в коридор отделения. На удивлениевечером там было практически пусто, видимо все пациентки находились в своих палатах, только медицинская сестра, уже другая, чем утром, лениво перебирала листки назначения около двери, на которой висела табличка с надписью: «Ординаторская». Медсестре, судя по ее лицу, было скучно, поэтому она окинула меня дружелюбным взглядом, и расплылась в дежурной улыбке.

— Вы новенькая? — спросила она участливо, явно желая произвести на меня хорошее впечатление.

— Да, Вы знаете, я проспала обед, и как-то потерялась. Где я могу покушать?

— Я оставила Вам обед, на всякий случай, но кормят у нас своеобразно, я не знаю, захотите кушать, или нет. Новеньким

наша пища не нравится.

— А что там давали? — поинтересовалась я, хотя мне было, в общем-то, безразлично — щи или суп с рисом (все равно вряд ли съедобное!).

— У нас диетическое питание, супы и каши, все протертое — как бы извиняясь, сказала медсестра, пожав плечами. — Наш главный врач собственно диетолог в прошлом, и сыроед к тому же, это она уже произнесла, понизив голос до шепота, — Поэтому все блюда у нас на овощной основе, ну и там, протертое зерно проросшее, не всем нравится…

— Ой, нет, спасибо, мне что-то не хочется совсем — поспешила я успокоить ее, поскольку мысль о протертом супе с проросшей пшеницей немедленно ухватила меня за горло, вызвав рвотный спазм. — У меня апельсины есть.

— Ну что Вы! Цитрусовые беременным нельзя ни в коем случае! Выкиньте немедленно! Вы знаете, сколько сейчас деток с диатезом? — Медсестра закатила глаза к небу, и уже было собралась прочитать мне лекцию, но я пресекла ее попытку в корне, задав прямой вопрос:

— А почему никого нет? Так пусто?

Сбившись на полуслове от моего простого вопроса, медсестра на минуту замолчала, а потом, собравшись с мыслями, ответила уже подробно и не торопясь.

— У нас многие уходят домой на ночь. По просьбе родственников, под расписку.

— Но отделение вроде патологии беременных? На сохранении лежат, и как же их отпускают?

— Я же говорю, под расписку… — Улыбнулась мне медсестра. Похоже, вы медицинский работник?

— Да, медсестра, меня зовут Олеся. — Изо всех сил я постаралась, чтобы моя улыбка была максимально дружелюбной. Но, наверное, мне плохо это удалось, поскольку взгляд медсестры стал вкрадчиво-настороженным.

— А в какой больнице работаете, Олеся?

Стоп! Молчать надо, еще не хватало, чтобы про мои подвиги здесь узнали, вообще тогда ничего не смогу для Дениса разведать.

— Дома сижу, муж против работы, — потупила я глаза. — Муж у меня строгий.

— Так у нас почти никто из пациенток тоже не работает, — легко согласилась медсестра, — кто сможет по двестибаксов за один день пребывания заплатить, тот и жену прокормит.

Опасная тема была позади, и я немного расслабилась.

— Мне здесь не нравится. — Немного помолчав, сказала я.

Неуютно как-то, коридор узкий, лестницы крутые.

— Да, здание старое, но знаете, я здесь уже привыкла, третий год работаю, все наоборот кажется домашним и уютным.

— Мебель красивая, такое впечатление, что делали на заказ.

— Да, дизайнер из Италии приезжал, специально здесь все обмерял, прикидывал. Потом привезли, монтировали, собирали долго, но красиво, по-моему, получилось, такой мебели больше в городе ни в одной больнице нет.

— Да, мебель необычная.

Мы дружно помолчали. Тихо жужжала мужа, заблудившись в светлых полосках оконных жалюзи, что было странно, вроде к вечеру мухи успокаиваются и спят. «И зачем меня Денис сюда засунул?» — в который раз обреченно подумала я.

И, как оказалось, в своей оценке обстановки в этом отделении я неошиблась. За неприятным и неуютным спокойствием, узкими коридорчиками, и крутой лесенкой, высокими потолками и необычной обстановкой, настороженным поведением будущих мам, и вертухайской выучкой медицинского персонала явно крылась какая-то тайна, неприятная и страшная. Не выражающие даже намека на будущее счастье материнства лица беременных женщин, настороженность к вопросам, нежелание открыто общаться друг с другом, напускная таинственность медицинского персонала, снотворное в обычной воде… Это все должно было прорваться резко, назревающий гнойник должен был всплыть наружу, обернуться чудовищной катастрофой. Я понимала, с первых минут после своего поступления в центр, что в нем, в порядке, в общении между пациентами и персоналом творится непонятное, скрытое, что-то «не то». Но я даже не подозревала, насколько все здесь было странно, запутано и трагично. Как ответ на мои невеселые мысли, внезапно в отделении в одной из палат взвился пронзительный женский крик. В нем было такое отчаяние, такая боль, такой ужас, что мурашки побежали у меня по спине. Взглянув на медсестру, я поразилась резкой перемене в ней. Она застыла как гончая, почуявшая зайца, потом с ловкостью охранницы в женской тюрьме (осторожно, но сильно и больно!) резким движением развернула меня за плечи, и, придав мне ускорение, быстро впихнула в мою палату так, что я даже не успела открыть рот и возмутиться.

К тому же снаружи в двери повернулся ключ, вот это было уже за гранью! Я что — арестованная?! Да какое они имеют право запирать меня… Подслушивать под дверью было бесполезно, в коридоре слышалась какая-то глухая возня, потом как будто что-то тяжелое уронили на пол, потом стукнула дверь, и все стихло.

«Надо срочно позвонить Денису», решила я, мне нужна была

хотя бы моральная поддержка. Но покопавшись в сумочке, я поняла, что осталась без связи, моего мобильного телефона там уже не было.

* * *

Ночь наступала на город потихоньку. Сначала начала клубиться серая дымка в подворотнях, смазывая углы домов и затягивая серой пеленой переулки. Желтые глаза фонарей вспыхнули одновременно, как будто утомленный жарой город вдруг проснулся, и открыл глаза.

Появился прохладный ночной ветерок, он тихонько отгибал край тюлевой занавески, как будто кто-то хотел войти в комнату с балкона, и не решался.

Колдунья любила ночь, но это к ней пришло не сразу. Вначале для нее и родителей сумерки и надвигающаяся ночь были чистым мученьем, заснуть в комнате с потушенным светом она не могла, как ни старалась: впечатлительный ребенок, а у них во дворе в ходу в то время были детские «страшилки» — про летающие руки, пальцы, запеченные в пирожки, а также ужасных монстров, которые живут под кроватью. Она сразу же безоговорочно поверила в эти страшилки, даже представляла, зажмурив глаза, как эти руки, синие, черные, кроваво-красные, со свисающими рваными венами, карабкаются к ней по свисающей на пол простыне, а потом набрасываются, и душат, крепко сжимая за горло… В этот момент как правило наступал момент удушья, ей становилось действительно страшно, все суетились, брызгая на нее водой из граненого стакана, папа стучал по спине, хотя от этого не было никакого толка, а было только больно, у папы рука была тяжелой. Но она никогда не обижалась на него. Позже родители ее показывали психиатру, и прозвучало странное словосочетание «органная психопатия», по назначению врача она пила какие-то пилюли красно-оранжевого цвета, вызывающие резкую тупую сонливость, потом поняла, что толку от них нет, и просто стала молчать, старательно изображая нормального во всех отношениях подростка.

Через пару лет начался книжный бум, и на прилавках книжных магазинов и развалах книжного рынка появились «ужастики» Дин Кунца, Стивена Кинга, и еще многих, чьи имена она не запомнила. И в ее наладившуюся жизнь опять вползло «непознанное», «шуршащее внутренними страхами», что-то «другое».

Это настолько захватило ее, что при первой возможности она

записалась на курсы Практической Экстрасенсорики, которые вел мутный дядька с огромной отвислой родинкой на носу, доверительно сообщивший на первом же занятии о себе, что он — «родовойколдун».

Родовой колдун, звали его обычным именем — Дима, обладал плохой дикцией, спутанными нечесаными плохо подстриженными волосами с сильной проседью, которые висели сосульками вдоль пастозного лица, и подвижными, и маленькими, миниатюрнымии изящными «женскими» руками, которые, казалось, жили своей отдельной жизнью. Несколько раз, глядя на плавные движения рук Колдуна Димы, она думала, что дала бы себя задушить этими руками, если бы он только захотел этого. Какая это была бы сладостная смерть!

Обучение в школе Практической Экстрасенсорики наделило ее минимумом знаний (рассказчиком Колдун Дима был никаким, к тому же обладал крайне плохой дикцией), но снабдило ее главной утешительной мыслью — если онаморальный урод, то хотя бы не одна такая. Это придавало ей душевных сил, возбуждало, и усиливало желание учиться дальше, у нее появилсязначительный и скрытый от других, непосвященных в парапсихологию, людей глубокий смысл ее поступков и действий. Она смотрела на всех остальных теперь сверху вниз, она-то знала, в отличие от обычных обывателей, что такое аура, и чакры, и энергетические каналы. А еще Колдун Дима говорил, что в следующем году откроет вторую ступень обучения, и научит их делать порчи и привороты. Так, собственно, и начался ее Путь в Магию. И сейчас она не знала уже, что было на этом пути вымышленным, а что реальным, так тесно переплелись ее желания, поступки, события последних лет, детские неосознанные страхи и самая, пожалуй, большая в ее жизни афера. Афера с большой буквы.

Сейчас Колдунья уже не могла сказать, кто кого использует, и кто кого «подставляет», но это было неважно, конвейер Новой Жизни работал, он требовал все новых и новых жертв, рождал новых чудовищ. А она получала солидные деньги, которые никогда не смогла бы заработать, принимая клиентов на сеансыпрорицания, гадания на картах Таро и Ленорман, или делая клиентам обряды очищения ауры, снятия приворотов или порчи.

Она принимала решение сразу, действуя импульсивно, не раздумывала ни минуты, никогда не испытывала угрызений совести, когда советовала клиентам идти за ребенком «из пробирки» в частный центр, с которым много лет сотрудничала. Хотя женщина, получившая от нее аналогичный совет,

приходившая к ней утром на прием, была ее подругой со школы, и дочка ее, попав в 9 классе на аборт, из-за неожиданного «залета» лишалась навсегда возможности рожать. Деньги, которые ей платили за каждого нового клиента, пришедшего в центр Искусственного оплодотворения и планирования семьи, окупали все, даже угрызения ее давно спящей души. Надо только было все обдумать, и во время следующей консультации внушить мысль о том, что это единственных выход, чтобы ее подруга потом забыла начисто, кто предложил ей обратиться в данное учреждение, и считала искренне, что придумала этот вариант спасения престижного и статусного брака своей любимой и единственной дочки она сама. Излишняя осторожность никогда не была в ее работе лишней, в этом она, колдунья, уже убеждалась много раз.

Вообще, все эти изыски колдуна Димы она уже отфильтровала. Она не верила в магию, она верила только в ум человека, на который можно было влиять многими способами. Начиная от банальных манипуляций, и заканчивая некими элементами зомбирования. Память о летающих монстрах, страшных отрезанных руках ушла, поскольку сейчас колдунья точно знала: бояться надо в этой жизни только человека.

* * *

Утром мне вставать с кровати совершенно не хотелось, все тело ныло и болело, как будто я всю ночь я копалась в огороде. Причем в огороде чужом, поскольку у нас в семье никогда не было ни дачи, ни сада, ни огорода своего, мои родители были редкостными альтруистами, и не любили копаться в земле, больше витали в облаках и рассуждали о высоких материях. Поэтому у меня был маленький, даже я сказала бы, ничтожный опыт подобного простого крестьянского труда.

Однажды, после моих рискованных приключений в истории с незаконной пересадкой органов, мы с Денисом навестили в деревне мою знакомую тетку Татьяну и сгоряча предложили ей помочь выкапывать картошку в сентябре. Перестать копать и пожаловаться тетке Татьяне на чисто физическую усталость, навалившуюся буквально через полчаса непривычного физического труда, нам с Денисом было просто неудобно. Мы не жаловались, мы, почти не отдыхая, мужественно выкопали почти всю картошку, и аккуратно сложили ее в большие холщевые мешки, а утрамбовав, не смогли встать. Уставшие от непривычной работы мышцы рук и ног болели так, что тетке

Татьяне пришлось срочно топить баньку, стоявшую на краю длинного узкого надела земли, на котором располагался ее огород в 20 соток, и почти час выхаживать нас обоих по очереди березовыми, дубовыми, и можжевеловыми вениками.

«Значит, все-таки во вчерашней водичке были транквилизаторы», с грустью констатировала я, поскольку знала свою реакцию на любые медикаменты. Особенно интересно, что я, по данным медкарты, глубоко и безнадежно беременна, а, следовательно, никаких транквилизаторов, как и прочей фармацевтической «химии», мне было принимать ну совершенно нельзя.

Вообще, с любыми лекарствами у нас сейчас творилось в последние годы что-то невообразимое. За те несколько лет, что я работала в медицине, после окончания училища, старые и проверенные годамилекарственные средства были вытеснены из применения новыми, непроверенными, и часто не апробированными фармацевтическими средствами, непонятно откуда наводнившими фармацевтический рынок, причем произошло это за каких-то несколько недель, практически молниеносно. Причем, что интересно, даже опытные врачи, находящиеся уже в преклонном возрасте, вернувшись с курсов повышения квалификации, старательно отводили глаза в сторону, и назначали больным лекарственные средства, против которых еще недавно категорически возражали.

Мне это было непонятно совершенно, зачем заменять проверенное средство другим, к которому и инструкция-то переведена с ошибками и неточностями, с большими изменениями смысла назначений и описания осложнений и противопоказаний (видимо поработал автопереводчик). Но, судя по всему, в этом присутствовал некий скрытый смысл, возможно, все объяснялось просто: несмотря на декларирование развития фармацевтической отрасли, реальное положение дел на фармацевтических производствах было совсем иным, и поневоле отечественные лекарства исчезали из употребления, поскольку просто производимого заводами скромного количества лекарствна всех нуждающихся просто не хватало.

На часах, висевших на стене в палате, было половина седьмого. В коридоре за дверью палаты царилаабсолютная тишина (что тоже было совершенно нетипично для любого медицинского учреждения с его утренним обязательным «пересменком», раздачей градусников и почасовым проветриванием палат). Ложиться спать было бесполезно, все равно разбудят, потащат потом на процедуры или исследования.

Решив выйти размяться и погулять по коридору, я

предусмотрительно взяла из сумки зубную щетку, повесила на плечо махровое полотенце розового цвета, прихватила прозрачный высокий стакан, стоявший на тумбочке, и вышла на разведку в коридор с твердым намерением посетить и внимательно осмотреть больничный туалет. Вообще, мало кто знает, но по состоянию туалета можно много сказать и об учреждении, и о хозяевах дома, если туалет в частном доме.

С трудом отыскав дверь без таблички (ориентируясь больше по запаху дезинфицирующего средства, чем по внешнему виду), я зашла в «место общего пользования» отделения патологии беременных, и в который раз поразилась размаху и дороговизне в отделке такого в общем-то обычного места, как женский туалет. Никелированные шариковые смесители, огромное зеркало, вмурованное в стену и обложенное дорогущим кафелем, сантехника причудливых форм. Можно было подумать, что я нахожусь в туалетной комнате при известном театре, не иначе. Не обнаружив здесь дам в вечерних туалетах, я умылась и занялась банальной чисткой зубов.

Размышляя параллельно, ну и для чего нужна такая помпезность? Все-таки хоть и частная, но больница… Деньги им что ли девать некуда?

Посидев с удовольствием (когда еще получится?) на красивом фарфоровом унитазе, я потянула на себя рулон розовой туалетной бумаги, и вдруг из него мне под ноги выпала записка, на которой было написано простым карандашом несколько слов, напомнивших мне, что я не в санатории, и надо по-хорошему отсюда быстренько валить: «Прошу вас, срочно позвоните в милицию!».

Записка валялась передо мной на красивом розоватом полу из крупных керамических плиток, а я не могла заставить себя протянуть руку и поднять ее с пола, потому что знала, чтобы я не сделала, это мои неприятности. Конечно, я всегда любила частные детективные расследования, но все-таки я действительно была беременна, и мой Денис наверняка не думал, что его подозрения о странностях, происходящих в этой клинике, подтвердятся так быстро, иначе никогда в жизни не привез бы меня сюда. Да и окружающая обстановка коротко говоря была мерзкой, и не давала мне ложных надежд на справедливость.

Поразмышляв минуты две, не меньше, я подняла записку с пола, и старательно засунула ее на прежнее место, в рулон туалетной бумаги, аккуратно протерла за собой сиденье диковинного сантехнического прибора, и как нив чем не бывало, покинула женский туалет, стараясь не привлекать к себе дополнительного внимания. В коридоре было по-прежнему пусто.

«Сбежать отсюда что ли, пока никого нет?» — как-то вяло подумала я. Но реальных возможностей сбежать пока не предвиделось, да и подводить Дениса с его поручением «присмотреться», по моему мнению, было сейчас никак нельзя. Как потом оказалось, решение мое было неправильным в корне, и создало мне в будущем некоторые «немаленькие» риски.

Когда я вошла в палату, то вспомнила, что забыла в туалете полотенце. Идти обратно, по второму разу, в санитарную комнату я не решилась, фиг с ним, потом скажу, что потеряла полотенце постовой медсестре, во рту у меня странно горчило, поэтому я старательнопрополоскала рот водой, умылась ладошкой, села на край кровати, и начала мучительно размышлять на тему — когда все-таки мой любимый муж придет навестить меня, и как мне себя при этом вести, чтобы не вызвать у него никаких подозрений.

Через некоторое время в коридоре, судя по звукам, доносившимся из-за двери, появились и люди, и признаки жизни, в мою палату заглянула улыбающаяся медсестра, ее я раньше не видела, и пригласила меня в лабораторию для сдачи анализов.

Как ни странно, клиническая лаборатория, которая располагалась этажом ниже, оказалась обычной лабораторией, «без наворотов». Сдав на анализ кровь и зажимая небольшую смазанную спиртом ватку в сгибе локтя, я уже поднималась по крутой и узкой лесенке, когда вдруг услышала голоса, немного прояснившие вечерние крики в отделении.

— Смирнова что ли опять уйти пыталась? — полушепотом спрашивал женский голос пролетом выше.

Я, старательно изображая одышку, замедлила движение и прислонилась к стене.

— Да, она. — Это уже сказал мужчина. Он тоже старался говорить тихо, но голос его предательски дрожал, и периодически срывался. Видимо, мужчина был сильно взволнован.

— Куда ее? — опять женский голос.

— Как обычно, в операционную.

— Бедняжка, ну что ее так мучают? Она в следующий раз руки на себя наложит…

— Что поделаешь, четвертая группа крови, эмбрионы сэтой группойна дороге не валяются.

Говорившие медленно поднимались наверх, и голоса их постепенно затихли. Я, кажется, начала кое-что понимать. Пока ребенок не родился, это будет не плод, а эмбрион. Эмбрионы человека — это традиционный источник стволовых клеток, нового направления в лечении любых болезней, начиная от детской онкологии и заканчивая болезнью Альцгеймера.

Из абортированных эмбрионов на поздних сроках беременности берут обычно стволовые клетки, причем закона, как такового, у нас в медицине сейчас по этому поводу нет.

Используют так же стволовые клеткидовольно широко и для омоложенияв центрах и клиниках соответствующего профиля, и дело это не совсем законное. Безусловно, в тех клинках, где есть соответствующее направление, лечение стволовыми клетками, наверняка все «узкие» вопросы с законодательной базой решены «оптом», изначально и по определению. А поскольку в устах местных врачей, думаю, это все-таки были врачи, прозвучало слово «мучить», значит, подобная процедура с женщиной, имеющей редкую группу крови, здесь уже происходит не впервые. Теперь я поняла, почему в крике было столько отчаяния — скорее всего несчастной сообщили, что беременность прервалась, плод погиб, и надо делать аборт. «Надо все мотать на ус, и рассказать потом Денису», эта спасительная мысль о том, что у меня есть немаленькая поддержка, вселила в меня некоторую уверенность, и я, наконец-то, осилила крутой лестничный пролет.

Оказалось, что в отделении патологии беременных уже шел врачебный обход.

* * *

План по мнимой беременности дочери она рассказала мужу не сразу. Объяснялось это тем, что муж вообще не принимал никаких планов и афер, связанных с их дочерью. Да и с момента их шикарной свадьбы у мужа с новым родственником, тестем, уже была пару размолвок, после которых муж даже уговаривал ее подвинуть дочь к разводу. Статусная семья вблизи была не такой уж и приятной, снобы, а по сути глубокие мещане, новые родственники все воспринимали через призму своего статуса. Хотя, в общем, чего такого особенного было в их статусе? Чиновник областного департамента, правда сидел папа зятя еще со времен перестройки на всех финансовых потоках, проявляя удивительную гибкость и лояльность к тем, кто периодически менялся в кресле губернатора области. Алина так вообще не хотела рожать, дочь уже просто тяготилась этим браком. Зять был вспыльчивым на грани психопатии, резким, глупым. В постели видимо у него с дочерью было «не ах», поскольку Алина пожив с ним полгода начала ходить на девичники, и по тому, что подсказывала ей материнское сердце, возобновила старые связи с парнями, которые учились с ней на одном курсе. Брак дочери трещал по швам, а тут еще диагноз — ее полная и окончательная

бездетность. Если разводиться сейчас, то эта история, ввиду того, что обе семьи жили по сути напоказ, наделает много шума. Не пойман — не вор, но все знают, как молва склонна очернять молодых и красивых женщин после развода, да еще без ребенка. Потом, развестись до рождения ребенка — это фиг с маслом, полный шиш. А будет ребенок, записанный на зятя, он будет платить алименты, да и мама с папой его будут что-то внуку или внучке подкидывать… Про то, что ребенок будет не от зятя, она как-то не думала, и про генетическую экспертизу на подтверждение отцовства не вспоминала. Думала, что все утрясется как-то так, само собой.

Хотя понимала хорошо, уж чего там, но Бог умом ее и рассудительностью никак не обидел, что по сути, ребенок будет в безопасности только том случае, если это будет полноценный брак. А это значит, что Алинке нельзя уходить от этого негодяя… Решив посоветоваться с колдуньей, по этому вопросу и по тому, не затребует ли семья зятя в случае чего подтверждения отцовства, она созвонилась с подругой и поехала к колдунье.

Застала ее в отвратительном расположении духа, правда, сколько она ее не расспрашивала, та не сказала ничего.

* * *

Обход в отделении прошел неожиданно быстро, так же быстро, как и начался.

Возглавляла его женщина средних лет с красивым и волевым лицом, застывшим от инъекций Ботокса в неживую маску, и острыми буравящими насквозь собеседника серыми пронзительными глазами.

Несмотря на безупречную стрижку, хорошую подтянутую фигуру и несомненно дорогую косметику, заведующая отделением (ее звали Нина Николаевна), кандидат медицинских наук, (все это было написано у нее на бейджике), походила больше на злую колдунью из детского мультика, чем на доброго доктора, решающего проблемы счастливого материнства. Следом за ней, заглядывая злому больничному монстру с неподвижным лицом преданно в глаза, семенила худенькая невзрачная то ли белобрысая докторша, то ли медсестра, понять на первый взгляд это было сложно. Замыкал процессию бородатый мужик, весьма импозантный, но крошечного роста, похожий из-за роста не на сказочного бородатого богатыря, а на доброго гнома. Густая борода у него была русая, а не черная, вполне приличных размеров и модно подстрижена. Над бородой синели васильками

совершенно детские, сияющие добротой и светом, глаза.

«Приятный дядька», про себя отметила я.

Медсестра, одновременно удерживающая в руках планшетку с листками назначений, и влажное с одного края вафельное полотенце, шикнула на меня:

— Быстро в палату!

Я проскользнула в дверь своей палаты как мышка, и замерла на краю кровати.

Очень скоро дверь в палату распахнулась, и на пороге появилась «группа в полосатых купальниках», как я про себя окрестила участников обхода.

Вслух меня не представляли, заведующей отделением медсестра передала планшетку, видимо с моей выпиской или историей болезни, возможно, у них было принято заводить не только истории и болезни и медицинские карточки.

Внезапно в меня как вонзились острые и маленькие глазки дамы с неподвижным лицом. Они напоминали мне кусочки стекла, и почему-то сверкали яростью, а не состраданием, что больше бы соответствовало ее должности, и данному моменту.

— Третья группа крови, говорите? — довольно громко сказала она через плечо.

Я похолодела. Стволовые клетки! Эмбрионы! Вот я и влипла по уши, и Денису не позвонишь, мобильный телефонв сумке так и не нашелся…

Но в этот момент на цыпочки приподнялся мужичок с русой бородкой, и что-то прошептал заведующей прямо в ухо, нарушая правила общения с руководством, после чего яркий интерес ко мне сразу потух, словно выдернули шнур из розетки. Скорее всего, «толстячком — бородачом» была упомянута должность или место работы моего мужа.

Делегация вышла из палаты, оставив за собой тяжелый и острый запах канифоли (последний вариант аромата от Диор, стандартно пугающий меня своей навязчивостью и неистребимостью), дверь закрылась, и я облегченно перевела дыхание.

Вот блин по-обследовалась! Ненавижу эти частные центры! Уж в наших-то больницах творится подчас невообразимое, а тут вообще управы не найти, все концы спрячут. Я прекрасно понимала, как при существующей отчетности можно было переписать целиком медицинскую карту, или историю болезни. А значит, ни доказать, ни наказать виновных и их вину в частном здравоохранении сейчас практически невозможно. С другой стороны, мне опять повезло, кстати прозвучало что-то про моего мужа, я была уверена в этом. И почему-то мне показалось, что они

не были заодно, эта неприятная заведующая, и этот милый доктор с лицом доброго гнома.

Надо было успокоиться, и я снова принялась размышлять. Рисовать мне было негде, я стала чиркать ногтем по столешнице тумбочки. Что мы имеем? Частный медицинский центр, в котором раньше, чем в других медицинских учреждениях города начали осуществлять процедуры ЭКО. Зачатие детей в пробирке стоит весьма дорого, и получается сразу не всегда. Я никогда не изучала специально эту тему, но вроде как слышала, что обычно получается беременность со второй или третьей процедуры, а каждая процедура стоит около полумиллиона рублей. Понятно, что там, где крутятся такие деньги, могут быть преступные схемы. Только вот в чем они заключаются? Родители оплачивают появление на свет ребенка из пробирки, а дальше-то что? В чем цимес, как говорят в Одессе? Почему прерывают беременность у женщин, которые здесь лежат? И если их детки на самом деле нежизнеспособны, то как на этом можно заработать? Идти на преступление и сообщать «дорогостоящей маме», что ее ребенок урод, при том что плод нормальный? Не рискнут, побояться. Значит, все дело в операции по редукции плода, при ЭКО, в этих «лишних» и не вынашиваемых детках. Уже кое в чем разобралась, будет что сказать Денису… Стволовые клетки выделяют из плода, погибшего в результате аборта на поздних сроках, или из тех эмбрионов, которые подвергаются при многоплодной беременности редукции. Они пользуются большим спросом для лечения тяжелых больных и омоложения, особенно с редкими группами крови — третьей, четвертой. Операции редукции лишних плодов подвергаются все, никто не дает мамочкам вынашивать многоплодную беременность, сильно при этом рискуя. А что сроки редукции сдвигаются от объявленных в четыре недели на 25–27, так это по медицинским показаниям, только по ним…

Кроме этого, есть еще и сами ЭКО-дети. Но вот тут у меня уверенности пока не было, поскольку тонкостей ведения подобных пациенток я не знала. Но могла что-то на эту тему предполагать.

Я лежу в отделении патологии беременности, поэтому убедить женщину, несведущую в медицине в том, что плод нежизнеспособен, проще простого. Все, кто здесь лежит в той или иной мере, изначально и по определению, сомневаются в положительном исходе беременности. Даже у меня, не имевший печального опыта невынашивания ребенка за пару дней пребывания здесь, внутри прочно поселился страх, за себя и за маленький комочек, который я не ощущала никак, ну не было у

меня ни токсикоза, ни пигментных пятен на щеках, только есть все время хотелось, и все. Может совсем не транквилизаторами меня напоили, а совсем наоборот?

Если я права, а я знаю точно, что никакой патологии у меня нет, по старой памяти я встала на учет к подруге моих родителей, работающей в нашей женской районной консультации, Ольге Андреевне, в просторечии тете Оле, и она меня обследовала досконально, не далее, как на прошлой неделе. И все равно…

Значит, сюда ложится женщина, у которой признают патологию плода. Скорее всего, она отсутствует, эта патология, потому что в противном случае стволовые клетки брать не будут, кому нужны больные клетки? Жуткий крик, который поверг меня в ужас вчерашним вечером, был связан с тем, что женщина с четвертой группой крови уже не в первый раз лишается здесь малыша. Или вопрос в редукции?

А это значит, что ее или используют как инкубатор для выращивания стволовых клеток, которые, естественно, идут на продажу, или я вообще пока ничего не поняла. Что-то сложно все у меня получается. При чем тут ЭКО? Откуда тут женщины с явным страхом на лицах? И вообще, черт возьми, что тут вообще происходит?!

Время показало, что все было еще запутаннее и еще страшнее.

* * *

В просторной комнатепатологоанатомической лаборатории, несмотря на полуденный зной за окном, было прохладно, тихо работал кондиционер, встроенный в проем окна. Современная лабораторная мебель и оборудование вызывали ассоциации с современным научно-исследовательским центром, этаким авангардным подразделением науки, где решаются судьбы мира и человеческого бессмертия. Крышка секционного стола был сделана из полупрозрачного пластика, на нем скорчился неподвижный человеческий зародыш длиной чуть больше ладони. Ручки и ножки зародыша были уже вполне сформированы. Плод удалили из матки на 24 неделе беременности. Это было противозаконно, но платные медицинские центры легко обходили узкие вопросы законности, а нравственность работающих там медиков формировалась в середине лихих 90-х, когда на заработную плату по рыночным ценам нельзя было прожить и трех дней. «Именно тогда клетки совести и атрофировались» — усмехнувшись, она задумалась. «А что такое собственно совесть?»

Когда-то давно она пробовала читать Елену Блаватскую, кое-что ей даже понравилось. Именно тогда она пыталась обсудить волнующий ее вопрос, где в человеке собственно и находится душа со своими коллегами, судебными медиками. Посмеялись, выпили, поговорили о том, как трудно жить, как всегда скатившись на корпоративных посиделках к полному самооправданию. Но так ничего и не решили. Теперь вот мысль о совести. «Старею, наверное». Она в последнее время стала бояться, не за себя, а за внуков. Их розовые диатезные щечки вводили ее в сладкий трепет, которого она не испытывала даже в молодости во время занятий любовью. Ее вообще по жизни мало что могло взволновать, что уже говорить о занятиях любовью.

Наверное, это и решило в конечном итоге выбор ее профессии, по специализации патологоанатома.

Она вообще знала, что фригидна, только две вещи могли приводить ее в трепет, Смерть во всех ее проявлениях. И вот теперь еще внуки, двое шумных пацанов, двух рыжиков-близнецов, улыбчивых и конопатых, крепеньких и крупных, как и ее покойный муж.

Сегодня, когда она уже обладала достаточной информацией о том, что творилось в гинекологических клиниках и родильных домах, ей было страшно «задним числом», когда она вспоминала беременность и роды своей единственной дочери. Действительно, есть на свете Высшая Судьба, она-то и сберегла ее доченьку. Наверняка ее мученик-папка помолился с того света, ведь он был почти что святой, замученный и сожженный вместе с остальными 200 тысячами евреев в польском концлагере в 1943 году. Да, это папа-мученик защитил их семью, не иначе. Ох, некстати она вспомнила об отце, нос тут же заложило, и в глазах закипели предательские слезы.

Надо было взять себя в руки, собраться и поработать. Материал годен всего два часа, а она и так уже потеряла кучу времени, предаваясь ненужным и ослабляющим ее психику воспоминаниям.

Она придвинула к себе некрасивое, отталкивающее взгляд скорчившееся карикатурное тельце эмбриона, скользкое от крови и смазки, раздумывая, с чего собственно начать. По методичке, распространенной «втихую» между осведомленными «темой» патологоанатомами, и посвященной вопросам забора стволовых клеток из абортивного материала, ей предписывалось начинать с селезенки и поджелудочной железы. Именно эти органы были более всего восприимчивы к кислороду, и начинали разлагаться раньше остальных.

Взяв с тумбочки, стоявшей рядом, стеклянную чашку, она

несколько минут постояла неподвижно, потом постаралась собраться, отключила голову, как это всегда бывала во время работы, и сделала на тельце ребенка первый надрез.

Через полчаса работа была окончена. Несколько чашек с измельченными тканями органов так и нерожденного младенца стояли в ряд, снабженные специальными бирками, а то, что осталось от трупика, лежало в пластиковом пакете с надписью «биоматериал».

Пакет будет похоронен на специальном кладбище для биоматериала в общей могиле с остальными такими же трупиками. «Хорошо, что их матери ни о чем не узнают, поплачут, забудут, а потом новых родят», эта мысль принесла ей облегчение на какое-то время. Но скоро она об этом забыла, и стала размышлять, что подарить любимым внукам на День рождения. Машинку с дистанционным пультом управления, или летающую авиамодель? Одному нравились машинки, другому — модели самолетов. Вопрос решился просто. «Куплю и то, и другое, и пусть сами разбираются» — она считала себя хорошей, правильной, продвинутой бабушкой. А разве на самом деле было иначе?

* * *

Без Олеси дома был полный бардак. Дежурные пельмени или приходилось есть полусырыми, или они разваливались, превращаясь в рыхлый и несъедобный комок теста, а кусочки типа мяса (скорее сои, судя по цене) плавали в мутном бульоне отдельно. Кот Касьян орал круглые сутки (пока Денис был дома) и категорически отказывался от любой пищи, даже от своих любимых дорогих кошачьих консервов. Жалел ли Денис, что отвез Олесю на обследование? Не просто жалел, так мало было сказать, он просто локти кусал, волосы на себе рвал, бился головой об стену, не знал, что делать.

Именно после разговора с начальником, Денис понял, что вляпался, «попал» с этой своей дурацкой инициативой положить беременную жену на обследование в дорогую частную гинекологическую клинику, в которой, по его сведениям, творилось что-то очень нехорошее. Это бывало и раньше, он в оперативной работе использовал часто какие-то бытовые хитрости, типа трудоустройства нужного человека на должность секретаря в фирму к подозреваемому в коррупции «фигуранту», в его профессии ему приходилось лавировать и договариваться со многими. Полное и доскональное исполнение буквы закона даже

ему, без пяти минут полковнику, сотруднику УВД, уже казалось делом достаточно абсурдным, поскольку противоречия в правовой базе были повсюду, и трактовать закон можно было как угодно, и сколько угодно. Вопрос адекватной оплаты и соответствующих связей, не более того.

Идея положить Олесю в престижную частную клинику, которая специализировалась на патологии беременных и ЭКО, принадлежала не ему, а его однокласснику, который много лет работал в управлениисобственной безопасности, устроившись туда, кстати, с инженерным дипломом в отдел технического обеспечения, а теперь сильно продвинувшимся по карьерной лестнице в чинах и рангах. Одноклассник, по его словам, занимался по большей части прослушкой, и другими техническими вопросами коммерческой безопасности. Одноклассника звали Матвей, и он был мутным еще со школы, никогда нельзя было понять, что он думает на самом деле. Шутник в мелочах, в вопросах важных он был честным и принципиальным. Денис помнил, к чему привела попытка подменить школьные сочинения в выпускном классе, Матвей не стал жаловаться никому, просто избил двух особо рьяных троечников до кровавых соплей в школьном дворе, и заставил их отнести свои сочинения обратно в учительскую.

Через 10 лет, будучи сильно пьяным во время встречи выпускников, он наклонился к Денису и прошептал ему на ухо:

— Самая большая сложность в моей работе, Денис, это говорить не то, что думаешь, поступать не так как считаешь нужным, и при этом оставаться порядочным человеком…

Денис тогда отшутился, он и сам подумывал, не перейти ли ему на работу в управление собственной безопасности, в то время он уже вернулся из своей первой командировки на Кавказ, и видел, насколько сотрудники управления выгодно отличались от его коллег-милиционеров: выправкой, дисциплиной, навыками рукопашного боя и стрельбы. Но после этого, случайного и пьяного разговора, он передумал, восприняв это как знак или предупреждение.

Потом они с Матвеем много лет не виделись. Почему-то принимать участие во встречах выпускников Денис не любил, общих тем для разговора у бывших одноклассников не было, половина учителей уже не работали, ушли на пенсию и прозябали, по слухам, а двоих уже похоронили. Это было грустно, он чувствовал себя, если не старым, то уже точно не нужным и неинтересным для своих повзрослевших и постаревших одноклассниковсо своими разговорами о непростой работе и командировках в «горячие точки». А других тем для обсуждения с

одноклассниками у него просто не было.

Матвей нашел его сам, месяц назад. У него был уставший вид, он сильно полысел, и коротко подстригся, видимо для того, чтобы лысина не так выделялась. Тогда он и рассказал Денису, что в разработке находится несколько медицинских клиник, в которых делают искусственное оплодотворение, и родильных домов, в которых часто умирают младенцы. При этом, во время течения беременности женщин о подобных осложнениях никто не предупреждает.

— Понимаешь, какая ситуация. Если предположить, что ребенок изначально болен, то и записи в медицинских картах должны об этом говорить. А тут получается до срока беременности 6–7 месяцев ребенок нормальный, а рождается вместо нормального малыша акардиальный монстр.

— Монстр?!

— Ну, это название такое, ребенок без сердца, если проще выражаться, ведь должны быть какие-то признаки, если у плода близнецов одно сердце на двоих?

— А собственно, откуда сведения?

— Неважно. Уже несколько таких случаев. Здоровая девочка едет рожать, а рожает уродца, его даже не дают на руки, хоронят прямо из роддома. Ну почему не говорят ничего, если нечего скрывать? Не психику же мамаш они берегут… — Матвей отвернулся, помолчал несколько минут.

Денис не перебивал его, просто понял, что история с осложнениями беременности коснулась самого Матвея, или его близких, поэтому молчал, терпеливо ожидая продолжения.

В кабинете было совсем тихо, Денис очень не любил такие паузы, когда просто нечего было сказать. На том они тогда и закончили, вопреки ожиданиям, как всегда в разговоре с коллегами из спецотдела, информации никакой больше не было, одни намеки и полутона. Разговор был, и мог иметь продолжение, Матвей всегда появлялся неожиданно. И именно поэтому Денис решил госпитализировать Олесю в центр патологии беременности. Только все пошло как-то не так, и сейчас ни связаться с Матвеем, ни забрать Олесю из опасного учреждения Денис просто не мог, не было повода.

Разговор же с начальником подразделения его просто добил.

— У тебя жена лежит на сохранении?

— Так точно, товарищ полковник.

— Забрать сможешь? — полковник перебирал тонкими пальцами бумаги, лежавшие на столе. Сегодня его обычная интеллигентность казалось просто угрожающей.

— Пробовал, пока не получается.

— Под твоей фамилией лежит там?

— Да.

— Завтра зайди к концу дня, я постараюсь помочь. — Полковник сверкнул глазами из-за модных узких очков в золотой (правда что ли?) оправе. Денису показалось, что в лоб ему вбили два раскаленных гвоздя. — Еще раз сунешься, куда не надо, костей не соберешь, учти. — Стопка бумаг шлепнулась на столешницу. Это означало, что разговор «на ковре у начальства» можно считать законченным.

Денис встал, козырнул, повернулся, и четко чеканя шаг, вышел из кабинета. Настроение было не просто испорчено, было больно физически, словно только что его переехал танк. Беспомощность и отчаяние, тревожные предчувствия — эти чувства его никогда не обманывали. Собственными руками он привез в частную клинику, в которой творились явно незаконные дела, свою любимую жену, свою малышку, Олеську. Самое неприятное, что его к ней не пускали, уже третий день, ссылаясь на какую-то фразу в договоре, который он, не читая, подписал при госпитализации любимой жены. В принципе, он уже решил, что если до выходных (а сегодня был вторник) он не сможет Олесю забрать оттуда, то устроит маленький штурм со взломом, и пускай пеняют на себя, убийцы в белых халатах, развелось этой дряни, честное слово… Организует звонок из ближайшей подворотни в госнаркоконтроль, и возьмет штурмом со смежниками эту крепость зла и порока.

В расстроенных чувствах Денис вышел в тенистый дворик. Отряд СОБРа занимал маленький особнячок в старом центре города. Во дворе, пугая своей иррациональностью, стояла пятнистая цвета хаки БМП, возвышаясь над растрескавшимся асфальтом как памятник. Казалось странным, что до сих пор их отсюда не выселили, видимо, не приглянулся никому их особнячок. Да и удобств в нем особых не было. Туалет типа «дырка», мутная вода в побитых ржавчиной трубах, окна, заляпанные голубиным пометом, уже сколько их не гоняли, и стрелять пробовали, все без толку…

Курить Денис бросил после смерти матери, тугим комком горе потери близкого человека застряло унего в горле, требовало выхода наружу, давило на грудь. С тех пор он дал себе зарок не курить, и ни разу его не нарушил. Просто посидев на скамейке под старым кленом и наблюдая за самым младшим в своей команде, лейтенантом Цыбиным, в просторечии «Цыпой», гонявшим кошек в соседнем дворе из пневматической винтовки (видимо реквизированной у армян в частном тире в парке неподалеку), Денис пришел в более-менее нормальное

расположение духа. Невезучий Цыпа, как ни старался, ни в одну кошку так и не попал, поэтому слез с разрушенной стены-забора с удрученным и разочарованным видом, хотя и подошел к Денису, браво посвистывая, как ни в чем ни бывало.

— Коты юркие, гады, — пожаловался он, и неловко пряча вещдок из тира за спину ушел в дежурку..

— «Мы их душили, душили» — ответил Денис подчиненному цитатой из любимой пьесы Булгакова, а когда тот поравнялся с ним, добавил:

— Когда ты только повзрослеешь.

Сказано это было тихо, буквально себе под нос, но так, чтобы Цыпа об этом услышал. После слов Дениса парень повесил голову, и совсем упал духом. Интересно, из-за чего он расстроился, из-за намека на свой возраст, или из-за неуловимости кошек?

Мальчишки, честное слово. Мальчишки-то мальчишками, а вели себя подчиненные Дениса в последней командировке весьма достойно. Ни разу краснеть за них не прошлось, хотя по соседству, на стадионе старой и разрушенной школы стояли «зубры», спецназ ГРУ, количеством пять человек, накачанные как чемпионы мира по бодибилдингу и разукрашенные татуировками как те неофашисты. Между собой дружественные подразделения почти не общались, но наблюдали за поведением боесостава «конкурентов». Денис, например, отметил, что зубы ГРУшники по утрам чистить не привыкли, «траву, наверное, жрут, как в джунглях», но паритет был сохранен до последнего дня командировки, и перед отъездом они все-таки выпили вместе в командиром «зубров», удивившись его сильному заиканию и редкой душевности, которая пряталась за суровым и даже зверским видом. Жаль, что координатами тогда не обменялись, как-то не думалось тогда, что придет время, и будет нужна помощь человека из другой «системы». Поскольку Матвей на связь так и не выходил, и на милость начальства теперь не приходилось рассчитывать, то надеяться больше собственно было не на что. Денисупредстояло вызволять свою крошку-жену из стен страшной клиники самостоятельно. Ну, если честно, он был готов к этому, а последствия, что же? При существующем раскладе, на этой работе, он мог и уволиться, в органах его особо уже ничего не держало.

История с незаконной пересадкой органов была намного более прозрачной, чем эта. Без Олеси он вряд ли сможет понять, что же это такое «акардиальный монстр». Можно было попробовать поискать в интернете, но правды там все равно не напишут, только время потеряешь.

Было понятно одно, в стенах женских центров и родильных домов происходит что-то странное, рождаются дети с врожденными уродствами после нормально протекающей беременности, умерших в родах детей для похорон родителям не выдают, значит, детки куда-то исчезают. А может не сами детки, а их части или органы? А куда можно пересаживать такие маленькие органы? Тут Денис совсем запутался, так что у него сильно заболела голова, и решил, что вернется к размышлениям чуть позже, а сейчас надо было думать, как доставать из стен злополучной клиники Олесю. Времени до выходных оставалось совсем мало.

Глава 2

Она сидела за столом, безнадежно уронив на руки модно подстриженную голову. Она знала, что смотрится с такой прической нелепо и старомодно, слышала на обходах несколько раз обидные слова «наша кукляша», она бы хотела выглядеть по-другому, но ее молодость бесследно прошла… Поэтому она старательно копировала свои старые, точнее сказать «молодые» фотографии, и стрижкой и косметикой подчеркивая, что не было их — ушедших так далеко ее годов…

Молодость прошла, окончательно и бесповоротно, оставив в прошлом всю ее невысказанную боль, ее любовь, ее Гришу.

Гриша. Она по-прежнему называла его только так. Да и как называть 27-летнего парня, каким он тогда и остался, утонув на ее глазах, во время Дня медработника, когда поплыл спасать тонущего подростка. Каждый раз при этом воспоминании ее сердце рвалось на мелкие клочки и заливало всю ее горячей удушливой волной горя и безвозвратной потери.

Она точно знала, даже если бы не тот несчастный случай, они все равно никогда не были бы счастливы. Ее родители отвергли Гришу с негодованием в первое же их случайное знакомство, еще на последнем курсе медицинского института, когда перед последним выпускном экзамене по гигиене он забежал к ней за конспектами лекций. Ее родители признавали только статусные союзы, и у Гриши не было никаких шансов стать их зятем. И уже тогда ее родители знали, что их дочь поломается, и выйдет замуж за того, кого они давно ей сосватали, за дебелого сына начальника ее отца, заведовавшего крупным отделом в Исполкоме.

Сын начальника, его звали Митя, был добрым и безвольным очкариком, часто краснел и при волнении обильно потел, заботливо вытирая капельки пота с высокого выпуклого лба безукоризненным, всякий день новым, носовым платком. Митя был ее другом детства, она сама не помнит, в каком возрасте они познакомились. Остались смутные воспоминания о песочнице с яркими формочками для куличей, постоянно вызывавших у нее желание их укусить, так аппетитно были выдавлены на них миниатюрные яблочки, груши и виноград. Родители Мити вместе с ее родителямипили чай, и весело что-то обсуждали, сидя в плетеных креслах вокруг круглого дачного стола, в воздухе пахло чаем, смородиной и малиной, громко жужжала усталая муха…

Она помотала головой, прогоняя надоевшее воспоминание. Жуть, скука какая! Она знала, что из этого брака у нее ничего не

получится, зачем она согласилась? Ведь предлагали ей тогда уехать далеко от родного города, врачом-гинекологом на молодежную стройку. Может, и Гриша бы поехал вслед за ней, и не было бы того воскресного дня, когда она затряслась в безмолвном плаче, видя только скрюченные и синие кончики Гришиных пальцев, видневшихся из-под грязной, заляпанной чем-то простыни, второпях накинутой на труп ее любимого человека санитаром из «труповозки».

Через месяц после Гришиной смерти они с Митей подали заявление в ЗАГС, еще через полтора месяца их расписали, и они уехали на море, в свадебное путешествие, которое быстро показало, что ее брак будет адом для них обоих.

Как друг Митя вполне ее устраивал, а вот в качестве мужа и любовника… Она не думала «об этом» перед свадьбой. Но когда он после свадьбы в нетерпении наклонился над ней, и на щеку ей упала капля его пота, она почувствовала такое физическое отвращение к нему, словно по ошибке вместо лакомства съела живую мышь.

Она трепала Мите нервы весь отпуск, дергая его по мелочам и постоянно провоцируя на ссоры и скандалы. Потом у нее это вошло в привычку, этим она занималась регулярно, изматывая и изводя насмерть своего супруга, бывшего рядом с ней 19 долгих лет брака до того дня, пока диагноз врача ведомственной поликлиники не прозвучал у нее в висках похоронным звоном.

Еще полтора года они вместе боролись с Митиной онкологией. В ней проснулся специалист, она была неплохим врачом. Митя никогда не донимал ее проявлениями любви и нежности, а уже после серьезной операции на желудке, которая установила факт наличия большой неоперабольной злокачественной опухоли, он как-то сразу ослаб, съежился и похудел, как будто свернулся внутрь себя, отгородившись невидимой стеной от мира, из которого медленно уходил.

Он и умер ночью, один, когда ее не было рядом, так же тихо и незаметно, как прожил в этом браке всю свою жизнь.

Похоронив Митю на самом престижном кладбище города, она осталась совсем одна. Пару месяцев она наслаждалась одиночеством, и отмывала квартиру, пропитанную запахом боли и мертвого тлена. Родителей к этому времени уже не было в живых, оставалась работа, и она кинулась в нее как в омут головой, оставаясь в роддоме до ночи, охотно подменяя всех, кто просил ее, на ночных дежурствах. Еще через год ее назначили заместителем главного по лечебной части. А еще через два года — главным врачом. Этому немало способствовал роман с чиновником из Областного Управления Здравоохранения,

который завязался совсем уж случайно, в командировке в Москве, в бюджетной гостинице на окраине, куда и она и чиновник приехали на краткосрочные курсы повышения квалификации. Ее эта связь не радовала так же, как и ее брак с Митей. Но умом она понимала, что в ее возрасте «бабы-ягодки» любовник нужен и для здоровья, и для продвижения по карьерной лестнице. Вернее, двигаться было уже некуда — ее должность ее вполне устраивала. Но оборудование, финансирование ее роддома, наконец, тот факт, что ее роддом стал клиникой (на базе ее роддома разместили клиническую кафедру акушерства и гинекологии медицинского института), окупали по ее мнению, все издержки этого служебного романа.

Стремительно, за пару лет, она написала кандидатскую диссертацию (вернее, подписала — данные подбирал ее помощник, аспирант с этой же кафедры, отрабатывавший таким способом возможность получения ставки ночного дежуранта в ее роддоме), стала главным гинекологом области. Скорее всего, ее карьерный рост продолжился бы и дальше, но три года назад у нее в кабинете поздно вечером состоялся этот странный разговор с ее любовником. И этот разговор перевернул ее жизнь полностью.

Через пару недель «конвейер» заработал. Изящество исполнения идеи обогащения на плодах, которые врачи выбраковывали после ЭКО, принадлежала именно ей. Она гордилась тем, что придумала. Схема была вполне безопасная, продуманная в тонкостях, и материально очень выгодная. Она закрутилась в ворохе забот и проблем, и все реже вспоминала Гришу, а когда вспоминала, накатывало чувство стыда, как будто ее застали в публичном месте совершенно голой.

И только иногда, оставаясь в полном одиночестве, она видела рядом своего Гришу, он приходил к ней, а она гладила его упрямые кудри, и говорила ему, как она скучает, и насколько было бы лучше, если бы она утонула тогда вместе с ним. Мужа она вообще никогда не вспоминала.

* * *

Как в любой больнице, утро в центреначалось с дикого холода. Ну, я не знаю, кто придумал эти проветривания палаты по расписанию! Пока я крепко спала, в палату кто-то зашел, и хлынувший через распахнутую фрамугу окна предрассветный холод сначала заставил меня натянуть тоненькое одеяло на лицо, а потом вообще проснуться. Ничего не оставалось делать, как

взять туалетные принадлежности из тумбочки и пойти умываться в «места общего пользования». Можно было, конечно, воспользоваться умывальником в палате, но там было очень холодно, да и мое частное расследование требовало неукоснительного присутствия в общественных местах.

Я не ошиблась, санитарная комната была богата на сюрпризы. В туалете, сидя прямо на полу, горько плакала беременная девушка. То, что она была беременна, можно было заметить и по небольшому животику, перетянутому халатными лямками высоко под грудью, и по коричневым пятнам на щеках, всегда сопутствующим рождению сына, как утверждала наша преподавательница в училище, наглядно показывая нам, замершим от ужаса, что же нас ожидает в будущем, в случае беременности сыном, оборотной стороной шариковой ручки черкала по нашим застывшим от ужаса лицам, объясняя, какими же будут эти самые пигментные пятна.

Поскольку я взяла с собой стакан, чтобы было удобнее полоскать рот, я налила в него воды, и молча протянула девушке. Она сначала оттолкнула мою руку, и часть воды выплеснулась на меня, потом пробормотала «Извините меня, нервов совсем не осталось», и выпила несколько глотков из стакана, чуть не захлебнувшись при этом.

— Не плачьте. Вам нельзя волноваться. Как, впрочем, и всем нам, — улыбнулась я, поняв не сразу абсурдность своей реплики.

Лицо девушки при этих словах опять скривилось в плачущей гримасе, и, испугавшись, что она снова начнет рыдать, я громко хлопнула в ладоши (как меня учил Денис — прием назывался «прервать истерику»).

Как ни странно, прием сработал. Девушка с явным интересом посмотрела на меня и неожиданно грубо сказала:

— Психолог что ли?

— Медсестра. Хирургического отделения.

— А что, здесь и хирургия есть?

— Нет, я на сохранении здесь, на обследовании.

— Здесь сохранить что-то очень трудно, проще потерять… — ответила мне непонятной фразой девушка, резко и неожиданно ловко вскочила на ноги и быстро вышла из туалета, хлопнув дверью, оставив меня в полном недоумении.

Ну и хамка редкостная, вот и пытайся успокоить таких!

Завтрак был нехитрым, даже скудным, подавали недоваренную геркулесовую кашу и зеленый чай. В вазе на столике показательно лежали еще несколько сморщенных, перезрелых яблок, но есть их никому не хотелось, поэтому яблоки даже не меняли, это я заметила еще после поступления, яблоки

без внимания хирели, ссыхались и морщинились, как бы ожидая, что их просто выкинут на помойку. Почему-то это выглядело очень удручающе, наводя на мысли о бренности всего живого…

Девушки с коричневыми пятнами на щеках на завтраке не было. Я увидела ее потом, в коридоре, она сидела на медицинской кушетке, повесив голову, и столько отчаяния было в ее сгорбленной фигурке, что я не удержалась, и присев рядом, спросила:

— Ты не обиделась на меня? У тебя что-то случилось? Беременность тяжело протекает?

Она молча покачала головой из стороны в сторону. Мы посидели рядом молча какое-то время, и я уже собралась встать и уйти. Когда она тихо сказала, не поднимая головы:

— Я - редкостный и невезучий урод. И жизнь у меня такая же.

Я молчала, чтобы не спугнуть ее неуместными словами, и мое терпение было вознаграждено, я дождалась-таки продолжения темы.

Девушку звали Анжелика, Лика. Ее родители души в ней не чаяли, при рождении и в ранние годы жизни она была копией своего отца, довольно симпатичного внешне мужчины.

Но к моменту ее поступления в первый класс это сходство начало играть в ее жизни роковую роль, ее внешность стала отталкивающей, хотя если разбирать по чертам лица, все они были правильные, красивые, а общее впечатление девочка производила просто ужасное, на нее все оглядывались, стараясь понять, что с ней не так.

Родители баловали ее, заваливали игрушками, взяли няню, чтобы не оставлять своего драгоценного ребенка в группе продленного дня. Потом, после 3 класса перевели в частную и очень дорогую школу в центре города, поскольку у ее отца в эту пору неожиданно пошел вверх маленький и скромный бизнес, следовательно, семья ее родителей вполне могла себе позволить круглую сумму в долларах, отданную за обучение дочери. Где-то к пятому классу мама претворила в жизнь свою мечту, отдав Лику в больные танцы. Платья, прически с цветными перьями и бусами, броская косметика — все это делало специфическую внешность девочки вполне шаблонной, но стоило ей смыть косметику, и одеться попроще, ее уродство перечеркивало все — и гибкую тренированную фигурку, и длинные красивые ножки, и недешевые вещи, которые ей покупали или за границей, или в дорогих магазинах. В частной школе было не принято обсуждать учеников. Богатые и знаменитые родители строго следили за соблюдением правил, ведь их дети были избранными!

Но пришла пора поступать в ВУЗ, и тут-то для Лики начался

настоящий кошмар.

С первого курса института (она выбрала факультет международных отношений, больше всего желая уехать куда угодно, только подальше из опостылевшего ей города), она умоляла родителей сделать ей пластику лица, приводила примеры с артистами, доказывала, что даже небольшое хирургическое вмешательство в ее внешность сделает ее уродливое лицо прекрасным, ну если не прекрасным, то стандартным. Но мама, совершенно неожиданно, оказалась непреклонной. Причину этого Лика узнала не сразу. Подслушав как-то ночью разговор родителей в спальне, она узнала, что мамины родители, которых она не помнила (они умерли совсем рано, когда она была маленькой) были баптистами, и мама, став в браке с отцом вполне светским человеком, осталась по своим убеждениям в категорическом отрицании любой хирургической операции, даже по жизненным показаниям. Понять этот явный «перегиб» Лика так и не смогла, и совместив подсознательную ненависть к матери, которая мало того, что родила ее таким уродом, так и не дала ей законной, по ее мнению, возможности исправить свою внешность, при первом удобной случае ушла из дома, и стала жить гражданским браком со своим одноклассником, тощим сынком банкира Кириллом. Кириллу от жизни не нужно было ничего, кроме пиццы на завтрак и затяжки «дури» на ужин. Ну и конечно, компьютера, в котором он играл с остервенением в онлайн-игры, а потом заваливался спать в полтретьего ночи, активно при этом портя воздух в комнате и громко сопя.

Как ни странно, но она умудрилась залететь от Кирилла. Она даже затруднялась сказать, когда это произошло, может быть в полудреме, под утро, но факт оставался фактом, она ждала ребенка, и два страха теперь терзали ее — боль во время родов, и то, что мальчик (у нее на УЗИ определили, что у нее будет сын) родится таким же уродом.

— Мне кажется, что ты просто неправильно оцениваешь свою внешность. — Подумав минуту, задумчиво произнесла я. — Не выглядишь ты как-то особенно, скорее всего, твое отношение к своей внешности это отражения маминого мнения о тебе. Так иногда бывает, если мать не довольна своей жизнью. У нее хорошие отношения с отцом?

— Внешне все нормально, но она его не любит, по-моему… — Лику явно озадачил мой нестандартный подход к ее проблеме.

— А ты отца любишь?

— Да, очень. Папка у меня просто отличный, добрый, любит меня, балует… — Говоря об отце, Лика сразу изменилось, резкие

черты лица ее смягчились, слабая улыбка сделала ее даже симпатичной.

«Еще один пример «материнской» любви, подумала я — Мать затоптала, морально уничтожила дочь, лишь бы она не составила ей конкуренцию. Этакий аналог мачехи современной Белоснежки».

Вместо этого я, стараясь изо всех сил казаться убедительной, сказала Лике:

— Ты знаешь, мне кажется, что сын у тебя будет красивый, в жизни все полосами — и хорошее и плохое. Я не уверена, что стоило так переживать по поводу своей внешности, но что сделано, то сделано, а сейчас у тебя будет новая жизнь, и уж точно для своего сына ты станешь самой прекрасной женщиной в мире!

— А я не думала об этом, — призналась Лика, всхлипнув, и пожав плечами. — Наверное, все действительно не так уже плохо. Спасибо тебе!

И ушла, шмыгнув носом. Глядя ей в узкую спину, я подумала, что походка у танцовщиц не меняется, даже когда они ждут ребенка.

Как ни странно, но короткая беседа со Ликой отняла у меня много сил, и вернувшись в палату, я прилегла на кровать, и стала думать — а вдруг и у нас с Денисом родится некрасивый ребенок. Вот так, по черточке от каждого, а в результате получится уродец, какой-то нелепый пазл, вместо хорошенького ребенка с ямочками на щечках. С другой стороны, абсолютно неадекватное отношение к своей внешности у моей новой знакомой, скорее всего, было выражением каких-то подсознательных проблем в отношениях родителей, ведь лицо ее стало совсем другим, когда мне удалось ее отвлечь от горестных мыслей. Кстати, надо будет узнать у Дениса, при случае, кто такие баптисты.

Обедать я не пошла, потому что крепко уснула, и проспала до полдника. А после полдника с чаем и сухими галетами меня ждал сюрприз — ко мне пришел Денис.

Он ввалился ко мне в палату с каким-то растрепанным букетом, роняя оранжевые лепестки на свежевымытый пол. Обхватил меня, не выпуская букета и пакет с продуктами из рук, из пакета при этом посыпались оранжевые апельсины, и заскакали мячиками по полу.

— Я так соскучился… Ты даже не представляешь… Тебе нельзя здесь долго, здесь опасно… В выходные я приеду за тобой…

Его слова были похожи на пьяный бред, но пьяным мой любимый точно не был.

— Мне не нравится здесь, забери меня поскорее…

— Тихо, давай сядем и поговорим, меня пустили на полчаса, внизу администратор знакомая, а все врачи на конференции до позднего вечера, в город приехал какой-то француз, с лекциями по новым методикам по методике ЭКО.

— Это внизу что ли?! Та черноволосая дылда?! — Сразу начала заводиться я.

— Тихо. — Это было сказано таким тоном, что я сразу подчинилась, и села на край кровати.

— Говорить не могу. Здесь все слушают, я написал, прочитай. — И Денис сунул мне в руку небольшой сложенный вчетверо листок бумаги.

— В выходные я за тобой приеду, не болтай много, будь осторожна, жди…

И мой любимый растворился в проеме распахнутой двери, как будто его не было. На бумажке было написано: тут очень опасно, будь осторожна, к выходным я тебя заберу. И снизу крупно приписано: «не соглашайся ни на какие процедуры!» Меня накрыло странное ощущение, что все происходящее со мной — нереальная и выдуманная игра. Я не беременна, мне ничего не угрожает, это все придуманные условия игры. Все участники скоро соберутся, и пойдут пить чай по домам, весело вспоминая подробности состязания. И как будто мужа и не было никогда в моей палате.

Хотя о его недавнем присутствии напоминал букет смешных оранжевых ромашек, лежащий на кровати, да на полу прямо у моей тапки светился маленький оранжевый шарик выпавшего из пакета апельсина. Я изо всех сил со злостью поддала апельсин тапкой, и он с чавканьем врезался в стену.

«Гейм из овер» злобно подумала я.

* * *

Еще в раннем детстве она поняла, что другая. Ее подружки ходили в обнимку с куклами, а она радостно смеялась, и отрывала куклам руки и ноги. Взглянув как-то на покалеченного пупса, отец не выдержал, и выпорол ее. Это она запомнила надолго, и отомстила отцу, когда он пьяный встельку храпел на диване, она тихонько закрыла ему лицо подушкой, не давила, просто прикрыла, и потом, глядя на его распухшее и синее лицо в гробу, ей хотелось смеяться, и громко кричать — «смотрите, я его убила!»

Но, естественно, она промолчала, стараясь сделать скорбное

лицо, что было совершенно излишним — ее матушка в своем неутешном горе (как же — потеря кормильца!), была мертвецки пьяна, и какое у ее дочки было лицо, ей был, в общем, совершенно безразлично.

Все мужчины у нее почему-то отождествлялись с отцом. А вот красивые женщины, с детства приводили ее в трепет. В начальной школе урок пения вела у них певица из местной консерватории. Сидя в декретном отпуске, она подрабатывала во вторую смену в начальных классах. От нее исходил пьянящий запах дорогих духов, и белый кружевной воротничок на темном бархатном платье казался фамильной драгоценностью, он приковывал к себе ее взгляд так, что учительница однажды не выдержала и спросила ее тихонько: «Оля, хочешь, я тебе его подарю?» А потом сняла с себя белоснежный воротничок, он оказался съемным, и накинула белое кружево ей на плечики, смущенно улыбаясь при этом. До сих пор этот воротничок лежал в ее шкатулке, вместе с разнообразными сережками для пирсинга, и тяжелыми браслетами с зубастыми черепами. Воротничок был и остался для нее кусочком чужой и недоступной жизни, и как ей казалось, сохранял запах духов любимой учительницы до сих пор. «Единственное в жизни белое пятно», усмехнулась она.

В седьмом классе она примкнула к новой молодежной неформальной группе — к готам. Выкрасила свое серо-русые волосы в черный цвет, хотя при ее исходном цвете волос это было очень неудобно, волосы быстро отрастали, от корней, и ее тщательно разглаженную пенкой прическу портила белесая полоска не прокрашенных светло-русых волос.

Она начала сильно красится, буквально раскрашивать свое лицо в темные тона, так, что вечно пьяная мать даже ее пугалась, неподдельно хватаясь за сердце, если она неожиданно входила в комнату в полной «боевой» раскраске.

Но главное было не это. Ее жизнь обрела новую и загадочную территорию — кладбище! Это был удивительный мир, который ей понравился сразу, ей не было там страшно, наоборот, таинственность и тишина этого места захватили ее и уже не отпускали потом от себя никогда. Если она не была на кладбище несколько дней, ей становилось плохо, энергия уходила куда-то, жить совсем не хотелось. Там же, среди оградок, могил и крестов был ее настоящий, уютный и приветливый дом. Дом, в котором главной хозяйкойбыла смерть.

Сейчас она уже знала — Смерть может быть разной. Достойной и стыдной, смешной и унизительной.

Но величие Смерти от этого не уменьшалось.

«Великий переход» называла она про себя тот момент, когда

душа человека покидала этот мир. Ее всегда при таком моменте начинала бить мелкая дрожь, и из глаз начинали течь слезы. Что, в общем, было на руку, поскольку ее реакция расценивалась как чрезвычайная чувствительность и отзывчивость к чужому горю. Если бы она вела себя так, как ее братья и сестры по Ордену Смерти: улыбались, и жадно глядели на последний вздох человека горящими от возбуждения глазами, вряд ли бы она смогла работать в медицине так долго.

После пяти лет посещения Ордена она в первый раз влюбилась. Если бы этого не было, разве разрешила бы она жечь себя сигаретой и вырезать ножом на одной из своих ладоней Знак Сатаны? Но все было напрасно, лишь однажды она почувствовала на себе взгляд Магистра, перед тем как он лишил ее девственности, грубо завалив на холодный как лед камень Алтаря. И больше на ней, неприметной и невзрачной девушке стандартной внешности, этот взгляд уже больше не останавливался. Никогда.

Она выпрыгнула из штанов, пытаясь доказать Магистру свою преданность, но это ему было абсолютно безразлично. Вокруг него постоянно крутились красивые девушки, часто — модели, проводить время в компании с сатанистами стало модно, про себя она презрительно называла их «мисски», но это ничего не меняло, и не делало ее ближе к Магистру, единственному объекту ее любви и почитания.

Пить в Ордене категорически запрещалось, за исключением тех оргий, которые иногда проводил сам Магистр после посвящений. После одной из таких ночек она и поняла, что беременна, и, не задумываясь, легла на аборт. Операция вызвала осложнения, ей сказали, что у нее никогда не будет детей, но всю трагичность этого она поняла только когда устроилась работать в это отделениепатологии беременных.

Вид отрешенно улыбающихся, уродливо располневших будущих мамочек, семенящих вразвалочку утиной походкой по больничному коридору, сначала вызывал у нее немалое сочувствие. Кому понравится, когда твоя талия становится похожа на пивной бочонок, ноги отекают, а лицо покрывается темными пятнами? Но проработав полгода здесь, она поняла, что уродливый внешний вид беременных — то же самое переходное состояние, которое бывает у гусениц, перед тем, как они становятся бабочками. А она бабочкой уже не станет никогда. И вскоре после этого момента, когда она несколько ночей ревела в подушку, содрогаясь от несправедливости собственной судьбы, ее несбыточное подсознательное желание материнства превратилось в лютую ненависть к этим орущим красным морщинистым

комочкам. И когда ей на ритуальном Посвящении Наставниц, Старший Жрец Ордена протянут обоюдоострый ритуальный нож, она не колебалась ни секунды, ей не пришлось даже зажмуриваться, она сделала шаг к алтарю, на котором лежало распятое маленькое человеческое существо, и не задумываясь, вонзила в него кинжал. Кровь младенца брызнула ей на лицо, она облизнула губы, почувствовав солоноватый железистый привкус, и со всем ее унизительным прошлым в этот момент было покончено навсегда. После этого Магистр приблизил ее к себе, и поскольку мужчин она на дух не переносила, то старательно по его поручению, изображала из себя лесби, вербуя любыми правдами и неправдами молоденьких девочек по ночным клубам для его утех.

* * *

Утро в женской районной консультации началось, как обычно. Врачебная конференция проходила здесь по пятницам, да и то не каждую неделю. Врачей сократили за последний год по-максимуму, и в одну смену тут работали по кабинетам три специалиста акушера-гинеколога, и зам. главного врача, или в смену с ним главный врач, так что обсуждать особо на конференциях было нечего: финансирование их учреждения было практически «на нуле». Работа была монотонной и привычной, поставить беременную женщину на учет, два или три раза отправить ее в течение беременности на анализы и УЗИ для предупреждения внутриутробных осложнений, не просмотреть поздние осложнения беременности у женщин с ожирением или артериальной гипертонией, и выписать документы для госпитализации на роды, в родильный дом. Нововведений, как ни странно, в их профессиональной деятельности за последние годы было немного. Появились родовые сертификаты, более жесткими стало требование обследовать беременную несколько раз в течение всего срока беременности на УЗИ (раньше этого старались не делать, если состояние женщины не внушало опасений), и ужесточились требования к весу будущих мамочек, в случае быстрого набора веса, их рекомендовалось направлять на дополнительное обследование и дальнейший учет в областной центр патологии беременности, который находился на базе одной из кафедр акушерства и гинекологии местного медицинского института.

Все было ничего, женщины беременели, успешно рожали, пропадали на какой-то срок, особо отчаянные приходили рожать

вновь, но таких, к сожалению, становилось все меньше.

Исключением из этой тенденции стали семьи мигрантов, которые в последние годы валили в их город косяком. Причем, материальный уровень этих семей был чрезвычайно низким, отцы в семьях мигрантов работали на черновой и низкооплачиваемой работе: дворниками, разнорабочими, подсобниками. Жены мигрантов сидели дома, с многочисленной ребятней. И все равно регулярно рожали, что доказывало прежде всего то, что в желании иметь ребенка материальная составляющая — не главная.

Ольга Андреевна работала в этом кабинете уже 30 лет, ей нравилась ее работа, она после окончания института быстро родила погодков-сыновей, и ей было очень удобно работать врачом в женской консультации рядом со своим домом: всегда при необходимости можно было убежать минут на 20–30 домой, покормить мальчишек, проверить пришли ли они из школы, и сели ли делать уроки.

Ее однокурсники, особенно те, кто сумел устроиться в большие клиники или остаться на различных кафедрах, поглядывали на Ольгу Андреевну с нескрываемым пренебрежением, если им приходилось встречаться на научных конференциях по акушерству и гинекологии, или на встречах выпускников. Из-за этого она перестала туда ходить, надоело объяснять всем, что она вполне довольна своей работой, мальчишки ее растут под присмотром, да и кто-то должен делать то, что делала она. Не всем же быть профессорами, доцентами, и заведующими отделениями.

Но неприятный осадок у нее от этих встреч был, хотя сама по себе ее будничная работа ей нравилась, и доставляла настоящее удовлетворение и по сей день.

Все женщины реагировали на беременность по-разному, кто-то радовался, кто-то нет. Некоторые старались избавиться от ребенка на ранних сроках, но она не отговаривала никого от аборта после того, как заведующая Домом малютки, в их районе, с ее же потока, сказала про трех или четырех «отказниках из числи ее пациенток.

«Плетью обуха не перешибешь», она дала такую установку себе, и просто честно работала, неважно, был ли это прием в женской консультации, или плановый операционный день.

Сегодня как раз был операционный день, он уже подходил к концу, она всегда очень уставала, когда делала аборты, психологическое несогласие с выполняемым действием требовало от нее много сил. Поглядывая на часы, она медленно пила теплый чай с лимоном, заботливо приготовленный ей ее медсестрой,

Аннушкой, с которой она работала в этой консультации вместе с первого дня своего прихода сюда.

Аннушка была старой девой, у нее никогда не было детей. Дочка священника из поселковой церкви почему-то устроилась работать после медицинского училища сюда. Но, правда в то время, когда училась Аннушка, церкви и священники были как бы за рамками обычной жизни. Верила Аннушка в Бога или не верила, для Ольги Андреевны оставалось тайной. По крайней мере, разговоров о Вере и религии она с ней никогда не вела.

Да и к женщинам, которые шли и делали аборт, относилась без видимого предубеждения.

Внезапно дверь в ее кабинет открылась и вошел высокий мужчина, которого она не сразу узнала, но вспомнила и его, и его молоденькую жену, медсестру Олесю, которая приходила к ней на прием по поводу первой своей беременности. Визит мужей в женскую консультацию всегда был однозначным: что-то случилось. Девочка ей очень понравилась, прямая, не жеманная, спокойная, поэтому она внутренне напряглась и спросила:

— Что-то случилось?

— У меня есть к Вам разговор, только если можно, давайте поговорим на нейтральной территории.

Час от часу не легче!

Время ее рабочего дня подходило к концу, поэтому она попросила мужа той медсестры, она хорошо помнила, что девушка работала медсестрой в их районной больнице, подождать ее минут 15 у входа, пока она не закончит работу.

Выйдя из двери женской консультации, она увидела, что мужчина явно нервничал, и предложила зайти в кафе неподалеку, где работала одна из ее бывших пациенток, то ли из Дагестана, то ли из Осетии переехала вместе с родителями и мужем несколько лет назад в их город, и успешно родила под присмотром Ольги Андреевны уже трех здоровых ребятишек, двух девочек, и мальчика.

Муж пациентки держал небольшое кафе неподалеку, поскольку тоска по родной земле у таких людей всегда превалировала над желанием ассимилироваться, рядовая кофейня превратилась за несколько лет в прекрасное кафе, где подавали прекрасно приготовленные блюда кавказской кухни. Хычины, осетинские пироги, шашлыки из баранины (интересно, откуда они доставали баранину?), вкуснейший турецкий кофе, сваренный в жаровне, до краев наполненной чистейшим речным песком, все это создавало уют и давало ощущение, что кафе это находится не в их среднерусском городе, а где-то в южных, восточных краях…

Музыку хозяева в этом кафе не жаловали, свою крутить видимо стеснялись, да и скинхедов развелось за последние годы много. Чуть что не так, могла попросту кафе по дури молодой спалить, были такие случаи, о них Ольге Андреевне так же рассказывали ее пациентки, поэтому в этом кафе можно было спокойно поговорить, тем более что рабочий день в женской консультации заканчивался раньше любой рабочей или офисной смены, и у них с мужем той медсестры для разговоров был, по меньшей мере, целый час.

Заказали кофе и осетинские пироги, муж Олеси видимо был сильно голоден, обжигая пальцы, он съел половину принесенных пирогов, вытер пальцы салфеткой и приступил к рассказу.

Когда он закончил, Ольга Андреевна долго молчала, ей просто нечего было ему сказать. Конечно, за годы работы в женских консультации у них ходили определенные слухи про безобразия и чудовищные схемы, которые в своей практике применяли частные медицинские центры, работающие по профилю ЭКО и частных родов за деньги. Но чтобы такое…

— Вытаскивай ее оттуда срочно, что бы там не было, это не дело, наверняка нервничает, тем более первая беременность. А там уже решим, куда ее положить на роды.

— А что Вы по поводу всего этого думаете?

— Ничего не думаю. Уродов и в нашей профессии полно, может и создали какую схему, на финансировании да на взятках. У нас про такое не говорили, были неприятные слухи, но они в основном были связаны с каким-то конкретным врачом. Но вот так, чтобы дело было поставлено на поток, по сути, преступное дело…

Она помолчала.

— Я тебе телефон свой дам, если понадоблюсь, звони, телефон домашний, никто не услышит.

— Я понял. Спасибо. Буду что-то предпринимать.

Муж медсестры Олеси расплатился, повернулся и пошел к выходу. И только когда он уже скрылся за дверью, она вдруг поняла, что даже не спросила, как его зовут. Хорошо, что имя жены вспомнила, укорила она себя. Ну ничего, может обойдется, потребуется ее помощь, она телефон дала, если что-то случится, тогда и будем думать, и с конкретной проблемой разбираться.

Пока она сидела и допивала кофе, который довольно жестко «лег» в желудке» на чай с лимоном, выпитый ей на работе, ее пациента бывшая широко улыбаясь, принесла ей плотно завернутых в пергамент, масляных, душистых, осетинских пирогов, и что-то там было еще, от свертка очень вкусно пахло, и Ольга Андреевна, стараясь отогнать неприятные мысли после

разговора с мужем Олеси, взяв пакет, поторопилась домой, порадовать вкусненьким мужа и мальчишек.

* * *

Дежурство начиналось спокойно. Роды приняли сегодня днем, все сотрудники отделения потрудились. Пациентка была очень нервной и постоянно ругалась, но они не реагировали, все-таки восьмое ЭКО — не шутки. Муж дамочки не появился в центре ни разу, ни раньше, когда она лежала после ЭКО два раза с неожиданным прерыванием, и один раз с невынашиванием беременности на позднем сроке, ни сейчас, когда в семье появился долгожданный наследник. Муж у пациентки был олигарх, и по слухам, которые неизбежно пропитывали любое медицинское учреждение, даже очень престижное и дорогое, жену держал в качестве стельной коровы, ему очень нужен был наследник. А сам развлекался с девками, ездил по южным и горным курортам, да не с одной, а с несколькими одновременно вип-проститутками из агентства по оказанию интимных услуг, которые годно именовались на сайте заведения «эскортом». Гном не видел мужа пациентки ни разу, сама она была очень маленькой, щуплой, и опять-таки по слухам дотошных медсестер, была дочкой какого-то из ранее работавших в городе мэров. Понятно, женился «по наду», использовал связи тестя, а теперь жена по боку, не нужна, хотя в такой ситуации выбрать мог себе любую молодуху, которая родила бы здорового ребенка «на раз» и без выматывающего ЭКО. Но жил-таки с женой, значит около нее его что-то держало, и явно не дети, за 10 лет брака в их семье так и не родился долгожданный наследник.

В общем, уши у Гнома были заложены часа три, пока шли эти роды, и очень сильно чесался глаз, хотя уже сейчас, когда все закончилось, у него уже отложило, то что наболело на сердце и на душе от непрерывного крика богатой и избалованной истерички, которая почему-то решила, что единственный способ родить — это как можно сильнее оскорбить окружающих ее людей.

Но в центре все к этому привыкли, возможно потому, что женщинам, перенесшим ЭКО тоже было несладко, да и сама процедура повышенной комфортностью и изысканностью не отличалась, а напоминала обыкновенный аборт, с той только разницей, что при аборте ткани из матки удалялись, а в данном случае — подсаживались в нее.

И все-таки количество богатых и истерически настроенных

женщин, уже в который раз заставляло Гнома подумать о смене места работы. В общем-то, положа руку на сердце, он уже принял решение отсюда уйти, но пока не мог подыскать себе достойное место, чтобы сильно в зарплате не потерять. К тому же он и его семья жили рядом, в шаговой доступности, а любое другое место работы — это толкание в пробках на его небольшом, но дорогостоящем авто. Гном был фанатом марки «Фольксваген», и у него был прокачанный опциями новенький «жук», он сам не отличался гигантским ростом, и выбирал габариты авто «под себя». Он был умным, и ироничным, несмотря на скромный рост, поэтому не хотел выглядеть смешно, вылезая из огромного авто. Размер имеет значение, и габариты его авто всегда напоминали ему о его комплексах в вопросах роста, хотя жизнь сложилась так, что он сам по поводу этого недостатка особо не комплексовал. Жена у него была такой же небольшой, миниатюрной, как Дюймовочка, с восточным, кукольным, на вид фарфоровым лицом, и очень узкой талией. И их дети, два мальчика, так же были небольшого роста, в общем, в маленьком, но уютном «жуке» они помещались все, и даже их крохотная собачка, длинношерстный той-терьер, была вполне гармоничной по размерам. Мысли о семье и о том, что он скоро, через два дня, повезет своих родных на дачу, немного приободрили его. Надо было зайти к роженице, послушать ее жалобы и претензии, и можно было уходить домой.

Свет лампы в послеродовой делал лицо роженицы немного синеватым. Она спала, пришлось ее разбудить, чтобы провести все необходимые ее состоянию замеры. Давление, пульс, он взял анализ гемоглобина, поскольку на родах было умеренное, но все же кровотечение. Женщина не выглядела счастливой, не спросила о ребенке, только задала вопрос, не звонил и не приходил ли ее муж. Поскольку такого не наблюдалось, но Гному расстраивать пациентку не хотелось (мало ли, опять начнет орать), он сказал, что вниз не спускался, но обязательно сейчас спустится, чтобы персонал в приемном покое предупредить, и мужа к роженице проводить. Хотя ежу было понятно, что мужья таких вот богатых дамочек приходят, вернее приезжают, своих жен уже только при выписке встречать. А до этого зависают в ночных клубах, хорошо, если в своем городе, не далеко.

Ребенка должны были принести матери после родов, но с учетом ее истерик, решили это на завтра отложить. Малыш был здоровенький и крепкий, он спал в послеродовой кювете, и почему-то Гному показалось, что малыш своим родителям так и не станет нужным, всю свою жизнь. Вообще, социальное разделение на богатых и бедных принимало в последние годы

чудовищные и уродливые формы. Даже предположить было нельзя, что обычная роженица спросит сначала о муже, не поинтересовавшись о новорожденном малыше. Но с богатыми все было совсем иначе.

* * *

Следующее мое невеселое утро в отделении патологии беременности началось с моего посещения кабинета функциональной диагностики, куда меня отправили на УЗИ. Хотя УЗИ я делала три недели назад, и я не совсем понимала, зачем мне это исследование проводить повторно.

Поскольку я все-таки относила себя к медицинским работникам, то и по поводу существования подходов к современному лечению и обследованию будущих мамочек имела свое, несколько отличное от официально принятого, личное мнение. Основанное, прежде всего, на том, что существующие методики поголовного обследования всех беременных женщин в кабинетах генетической экспертизы и обязательное трех, а т и четырехкратное посещение беременными кабинета УЗИ за все время вынашивания плода — это явный перебор. Поскольку из сильно забытых уже мной уроков физики в средней школе я помнила, что любое облучение способно нанести вред организму, и подвергать маленького и беззащитного человечка, незаметно приютившегося в животе будущей мамы, воздействию всяческих токов, в том числе и ультразвука, мне казалось совершенно излишним. Да и что там можно увидеть на маленьком экране осциллографа? Как говорила моя бабуля «ночь в Крыму, все в дыму, и ничего не видно». Но мое мнение в этом вопросе явно не было определяющим, и поэтому я безропотно и обреченно поплелась в кабинет УЗИ, расположенный на первом этаже, рядом с приемным отделением. Вел к кабинету узкий коридорчик такой причудливой запутанности, что мне показалось, что я Алиса в Зазеркалье, а не пациенткачастного Центра планирования семьи.

В кабинете сидела маленькая медсестра, погруженная головой с больничную шапочку так глубоко, что было не видно лба, только светились голубым два глаза из-под голубой повязки, как в медсанбате, после тяжелого ранения в голову. «Линзы» — подумала я.

— Вы на УЗИ плода? Фамилия? Какой срок? — не поднимая головы, медсестра медленно записывала данные в листок.

— Подождите, врач сейчас придет.

«Однако, тесновато у них, везде. Наверное, за те деньги, что

этот особнячок реально стоит, можно было бы здоровенный современный центр построить на окраине» — была первая мысль, пришедшая мне в голову. Хотя кто туда поедет из богатых, на окраину-то? Им главное, чтобы под боком, «около дома», особнячок и в самом деле находился посредине «дворянского гнезда» — нескольких кварталов в центре города, где старые сталинские дома стояли вперемешку с новостройками, похожими на футуристический бред пьяного марсианина. В полном молчании прошло несколько минут, а доктор в кабинете УЗИ так и не появился. Медсестра не проявляла ко мне вообще никакого интереса.

Поскольку ожидание доктора функциональной диагностики явно затягивалось, я стала размышлять, а собственно, зачем наше здравоохранение, обычно скупое на проявление всяких там диспансеризаций и профосмотров, вдруг так сильно озаботилось состоянием здоровья беременных женщин и их будущего потомства. Ничего не придумав по этому поводу, я решила задать этот каверзный вопрос врачу кабинета функциональной диагностики, как только смогу лицезреть его на рабочем месте.

Медсестра уже явно тяготилась моим присутствием, вообще ожидание доктора было явно неожиданным, не запланированным, если бы все шло по плану, меня просто попросили бы подождать за стеной, в узком коридорчике.

«Интересно, что-то у них аврал на аврале…»

— Может, мне попозже зайти, раз доктор занят? — моя слабая попытка освободиться не имела успеха, медсестра даже не соизволила мне ответить, только покачала голубым колпачком, не поднимая головы от письменного стола.

— А Вы не знаете, почему нас всех так часто обследуют? — надо было хоть как-то заполнить тягостное молчание, которое нестерпимо давило на уши, видимо из-за тесноты кабинета. Поскольку душно здесь не было: на окне тихо шуршал дорогой кондиционер.

— Приказ такой нормативный. Многие, кто здесь лежит, были на процедуре ЭКО, — не поднимая головы, тихонько как «жили-были» начала мне объяснять медсестра. — А при ЭКО обычно развивается многоплодная беременность, ну там сложно отследить, чтобы оплодотворена была одна только яйцеклетка. Поэтому и делают УЗИ на ранних сроках, чтобы выбрать тот плод, который будет наиболее жизнеспособен.

— А остальные, нежизнеспособные, куда?! — я опешила, поскольку не знала таких подробностей.

— Ну, в основном наши женщины рожают не сами, им делают по срокам кесарево сечение, поэтому здорового младенца

оставляют, а все остальное — в таз.

— Куда?!..

— Ну, в таз, на биоматериал, из плодов потом стволовые клетки берут, их в лечении применяют, и при омоложении.

— А что, других способов нет?

— Есть, удалять лишние плоды на более ранней стадии, есть несколько методик. Но их почти никто не использует, потому что на сроке 7-14 недель еще неясно, какой из эмбрионов будет развиваться лучше остальных.

Наш интересный во всех отношениях разговор был прерван появлением в кабинете прыщавого юноши, из-за своей тщедушности буквально тонущего в белом халате. Увидев меня, он почему-то сильно покраснел, и его яркие угри на лбу от этого стали буро-фиолетовыми и еще более отвратительными на вид. Меня затошнило…

— Извините, мне нехорошо, тошнит, можно я попозже? — зажимая рот и нос ладошкой, я выскочила из кабинета, даже не дождавшись ответа на свой вопрос.

Очистив желудок от больничного завтрака прямо в мусорную корзину в уголке под лестницей (видать тошнило здесь не меня одну), я решила передохнуть, и подумать о том, что рассказала мне медсестра. Опять стволовые клетки! Про стволовые клетки я, конечно, слышала, и не мало. И о том, что от введения стволовых клеток начался рак легкого у известного артиста, а другая не менее известная артистка умерла от рака печени после омоложения при помощи стволовых клеток. Информация была получена мной, в основном, из «желтой» прессы, и слухов, неизбежных при моей профессии, поскольку знакомых специалистов, чтобы получить квалифицированную консультацию по данной теме у меня не было. Но поскольку я все-таки была женой мента, то прекрасно представляла себе, какую ценность стволовые клетки имели на «черном» рынке, поскольку аборты у нас в стране на поздних сроках беременности всегда были запрещены, иначе только по медицинским показаниям, проще говоря при врожденных уродствах плода. Трудно предположить, что стареющая актриса, или жена олигарха будет платить за стволовые клетки, извлеченные из больного эмбриона. А вот тут, после процедуры ЭКО, от хорошо и всесторонне обследованных родителей, при редукции многоплодной беременности, все выглядит совсем по-другому. Одного ребенка из пробирки оставляем жить, а трех-четырех его братьев-сестричек, менее крупных, и менее удачливых, пускаем на биоматериал. Для лечения, или как говорил почтальон Печкин, известный персонаж из мультфильма про Простоквашино, «в поликлинику, для

опытов».

Ситуация складывалась у меня в голове совсем уж нехорошая. Мало того, что ЭКО сейчас распространено практически повсеместно, и делают сейчас его все, кому не лень, даже в неприспособленных для этого частных медицинских центрах, не оборудованных реанимационной палатой, были бы деньги. Хотя в основе беременности «из пробирки» лежат оплодотворенные в пробирке яйцеклетка и сперматозоиды, беременность при этом возникает, как правило, близнецовая, то есть многоплодная. И мы, то есть «они», на выходе имеют не только денежки за само ЭКО (при удачном раскладе получающееся с третьего, а то и с пятого раза), но и абортивный материал с поздних сроков беременности, идущий «на вес золота» на стволовые клетки для омоложения. Протекает эта беременность тяжело, на ранних сроках это происходит из-за введения больших доз гормональных препаратов, подавляющих деятельность яичников женщины, чтобы искусственная беременность хорошо прижилась. И на поздних сроках — из-за того, что беременность, все-таки искусственная, после ЭКО очень редко «получаются» двойни, то есть близнецы. А дальше я не знала, если честно, и почему «материал отправляют в таз», тоже не поняла, хотя причину избавления от «лишних» плодов после ЭКО все-таки уяснила, не каждая женщина по здоровью может выносить даже близнецов, не говоря уже о многоплодной беременности.

Мои размышления на эту тему были прерваны появлением в закутке маленькой санитарки, с редкими спутанными светлыми волосиками на голове, слипшимися от пота, и злым лицом, напомнившим мне фильм ужасов про сбесившуюся куклу-убийцу.

— Ты чего сидишь здесь? Плохо стало, что ли?

— Да, видите, стошнило меня, душно в кабинете, и вот… — я показала на пол.

— Не переживай, я уберу все, ты иди, иди в палату… — кукла оказалась совсем не злой, а я решила уже, что она меня прибьет прямо здесь, под лестницей. Приятно иногда обманываться в своих ожиданиях.

На УЗИ я, конечно, не пошла, а поднялась в отделение, с твердым намерением познакомится еще с кем-то из пациенток, и расспросить их о подробностях пребывания здесь.

Несмотря на мою общительность, третий день моего пребывания в отделении опять не стал богат на новые знакомства, как впрочем, и все предыдущие. Надо было срочно менять тактику, и знакомиться с кем-то из обслуживающего персонала отделения. Сегодня на посту сидела толстая рыжая тетенька с лицом, усыпанным крупными веснушками и пышными

кудрями, торчавшими из-под медицинской шапочки.

— Здравствуйте. Я из вон из той палаты, меня Олеся зовут. Меня сегодня на УЗИ вызывали, а меня рвать начало, мне завтра снова идти туда?

— Не знаю, надо посмотреть, кто на завтра у нас на УЗИ записан. А что вырвало, так там многих рвет, душно там, кабинет маленький.

— Тесно тут у вас, совсем маленькая площадь внутри. А почему в другое здание не переезжаете? Не хотите?

— Да кто их знает, начальников наших, почему здесь ютимся. Может из-за того, что самый центр, вон на Южном построили новый Центрнеонаталогии, так там всегда пусто, не хочет никто через весь город туда к своим женам ездить, хоть и на машинах все…

— Да уж, статусность, и район — это главное сейчас, не поспоришь — согласилась я, активно кивая. — А Вы здесь давно работаете?

— Нет, недавно. Меньше года. Сестра двоюродная моя здесь работала сестрой-хозяйкой, да в декрет она ушла, сначала меня попросила помочь, а то ее без подмены не отпускали, а потом уже как-то я понравилась главной сестре, и вот, осталась. Хотя и ездить мне сюда ох как далеко, считай через весь город. Меня зовут Нина Анатольевна. — Она улыбнулась.

— Нина Анатольевна, я вот лежу никак привыкнуть не могу здесь, неуютно как-то, хоть и палата современная, и девочки все какие-то неразговорчивые.

— Будешь не разговорчивый, если сюда попадешь. А тебя муж положил?

— Да, вроде нормально все было, не знаю, с чего он вдруг решил, что обследоваться надо.

— Ну, мужики они народ странный, не угадаешь, то внимания на жен не обращают совсем, то носиться начинают, как с писаной торбой, уж как им стрельнет…

Я опять покивала.

— Ты не переживай, я сегодня по смене передам, если будет завтра время, сходишь и на УЗИ. Скорее уже обследуйся да уходи отсюда.

Сказав это, Нина Анатольевна опустила голову, и начала что-то писать в листках назначений, всем своим видом показывая, что время нашего общения истекло.

Ничего нового так и не узнав, я поплелась в палату, ругая про себя и Дениса, с его нелепым расследованием, и себя, неразумную. Хотя, побольшому счету, ругать мне надо было себя, и только себя, за то, что повелась на странную просьбу мужа, и

попала в это малоприятное учреждение, где было столько странного и неприятного. Правда, нужно отметить, что, если бы меня кто-то спросил, что именно мне не нравится здесь, я бы затруднилась ответить. Вроде все было хорошо, а общее впечатление — просто отталкивающее.

Я облокотилась на узкий подоконник в палате. Тоскливый вид на больничную помойку оживлялся маленьким нахохленным воробьем, прыгающим по подоконнику снаружи евроокна. Маленькая птица вдруг остановилась и пристально посмотрела на меня одним глазом, наклонив чубатую голову.

В дверь палаты постучали.

— Да, войдите, — странно, зачем стучать?

Дверь открылась и на пороге я увидела того молодого врача из кабинета УЗИ, чья воспаленная кожа вызвала у меня утром приступ неукротимой рвоты.

— Извините, мне надо поговорить с Вами, можно? — паренек опять покраснел, я отвела глаза, и, кивнув головой, села на край кровати. Деваться мне было некуда, не говорить же молодому доктору, на самом деле, что меня тошнит от вида его прыщей…

* * *

Страх был настолько велик, что она уже не могла с ним бороться, он охватил ее всю, парализовал ее мысли, лишил возможности думать и размышлять.

Стараясь отвлечься, она попробовала вспомнить, когда еще испытывала такой же сильный страх. Это было в горах, она училась тогда на третьем курсе института, и ее уговорили пойти в поход с группой горных туристов. Все начиналось тогда весело и хорошо, выйдя из плацкартного вагона поезда Москва-Владикавказ, они пересели на «буханку», где за рулем сидел колоритный горец с длинными усами и в кепке-аэродроме, картинно, даже подчеркнуто жеманно смахивая пепел в боковое окно, в котором не было стекла. Потом они выгружали из буханки набитые рюкзаки, балуясь и давясь от смеха, ставили палатки за горной речкой у какого-то небольшого села, дружно варили кашу на примусе, гудевшим низко, и как-то утробно, потом шли цепочкой по узкой горной тропе. И она все время боялась споткнуться и упасть вниз, в пропасть, потому что справа и слева от тропинки были крутые каменистые обрывы, такие глубокие, что она боялась туда смотреть, и упрямо переводила взгляд на разбитые задники горных ботинок Вальки Семенова, который шел впереди нее. Но это было только начало. Первая ночевка в горах,

под перевалом наполнила ее, сугубо городскую жительницу, таким ужасом, что она не сомкнула до утра глаз. Полной темноты в горах ночью в палатке не было, небо все время освещалось какими-то всполохами и зарницами, глухо шумел неподалеку то ли водопад, то ли горный ручей, то ли камнепад, громко и непривычно щелкал, трескаясь, лед на ледовых отвалах ледника совсем рядом. И она лежала в стареньком спальнике, сбитом в клочья ваты в предыдущих походах, думая, какая же она идиотка, что согласилась на этот поход, суливший ей массу неприятных эмоций, поскольку она сразу тогда поняла — все эти красивые горы — совершенно не для нее.

Именно этот давний страх, испытанный ей во время студенческого похода в горах, о котором она и думать позабыла за прошедшие с того момента 15 лет, вернулся к ней после того, как за ее начальницей мягко закрылась дверь ее кабинета.

Только оставшись одна, она поняла, в какую неприятную историю попала. Выходов было два: идти и писать явку с повинной за то, что по законам РФ не имело срока давности, проще говоря, за убийство, пусть непреднамеренное, но убийство! Или соглашаться стать преступницей, да еще по коллективному сговору..

Она попыталась отвлечься и стала вспоминать подробности той ночи, которую изо всех сил старалась забыть. Это была обычная студенческая вечеринка, такая же, как и сотни других за 6 лет учебы в медицинском институте. Вино и водка были давно выпиты, но компания старшекурсников расходиться по своим комнатам не желала — уже занималось утро за окном, лечь, и попытаться вздремнуть хотя бы пару часов уже не было никакого смысла, только голова будет болеть, а отдохнуть толком уже все равно не получится. Ее подташнивало, и она с натугой открыла окно, чтобы вдохнуть теплый воздух начинающегося летнего утра, и в этот момент она увидела прямо под окном у мусорного ящика пожилого мужчину, который старательно складывал в пакет использованные пивные бутылки. Наверное, она была сильно пьяной в этот момент, а может, как говорила ее старенькая бабуля «Бес попутал», но она машинально взяла пустую бутылку из-под шампанского, стоявшую на подоконнике и запустила старику в голову. Чмокающий звук заставил ее протрезветь. Пожилой мужчина неподвижно лежал около мусорного ящика, и вокруг его головы медленно расползалось темно-красное пятно.

Что было дальше, она не помнит: свалилась в истерике, потом очень долго лечилась у невропатолога, пила горстями антидепрессанты и транквилизаторы, ходила к психотерапевту, старательно изображая, что ее бросил молодой человек, и с этим

якобы были связаны ее бессонница и истерики. А потом эта история как-то забылась, не вспоминалась, ушла из ее памяти, как будто никогда и не было той вечеринки, того июньского утра в общаге и пустой бутылки из-под шампанского, оборвавшей жизнь незнакомому старику. Ей просто повезло тогда: в милиции проходило большое сокращение штатов, старик оказался одиноким пьяницей, и молодой опер просто убрал во время осмотра пустую бутылку из вещественных доказательств, и записал ровным старательным почерком отличника в деле, что гражданин такой-то, такого-то числа, будучи пьян упал и ударился головой о край бордюра. От чего и умер.

Итак, что от нее требуют? Что еще она должна сделать, чтобы ее отсюда отпустили? ей просто хотелось уже умереть.

То, что ей предлагали, было обычным убийством, и она прекрасно понимала, что ей придется за это отвечать. С другой стороны, то что она сделала тогда давно, так же можно было подать под определенным углом, и это окончательно испортило бы ей жизнь. Хотя, что это была за жизнь, с таким многолетним страхом?

* * *

Я сидела, не шевелясь, и слушала то, что мне рассказывал молодой доктор. Я и подумать не могла, в какую историю попала. Все буквально сыпалось на мою бедную голову, простые и доступные слова, произносимые и излагаемые доктором обычные подробности ведения женщин после ЭКО в этой клинике, меня просто убивали.

Жесткие, как кинжал наемного убийцы, его слова были у меня везде, в ушах и в сердце, как я только могла опять влипнуть в незаконный бизнес моих коллег… . Оказывается, здесь все былоне только плохо, все было просто страшно, как в американских фильмах ужасов про злодеяния маньяков-убийц. Отлаженная система сначала отбирала состоятельную женщину, по тем, или иным причинам не имевшую к определенному возрасту детей, потом тщательно обрабатывала ее, и вытянув при этом на всяческие современные анализы кучу денег, плавно подводила к идее искусственного зачатия ребенка «в пробирке». Потом, когда после третьего или четвертого ЭКО получалось зачатие, и пациентка вынашивала до 24–27 недель беременности несколько эмбрионов, у нее вызывались искусственные роды, или делалось кесарево сечение. Полученный с «лишних» эмбрионов биоматериал отправляли на изготовление стволовых клеток,

которые охотно покупали в Москве и Питере две раскрученные косметические клиники, в которых лечили и омолаживали известных политиков, артистов, и олигархов с их женами. Но это делалось, в общем, повсеместно, и не было в этом ничего особенного, обычная практика современной высокотехнологичной и безотходной медицины. А вот что было действительно страшно, так это то, что удивительным образом часть младенцев пропадали из отделения, и тогда только что оправившимся от родов или кесарева сечения мамочкам говорили, что ребенок умер. Причем умерших детей почему-то не выдавали, а хоронили сами, на небольшом участке городского кладбища, арендованного этой клиникой на 50 лет. В общем, помимо схемы с редукцией после ЭКО, налицо было еще несколько преступных моментов, в которых я не могла по определению разобраться, и мне надо было как-то сообщить об этом мужу.

В этот момент я заметила, что давно уже не слушаю молодого доктора, его, как оказалось, звали Виталий Сергеевич.

— Ну, в общем, прихожу я на конференцию утром, и вижу, что история болезни переписана, за ночь. Я еще вечером ее в руках держал! Это была другая история болезни, и полмладенца я хорошо запомнил, мальчик, по УЗИ 28 недель… А умерла девочка, и срок другой… .

— А как это могло случиться? — попробовала поддержать разговор я.

Но Виталий Сергеевич меня не слушал.

— И потом уже, когда я пошел к патологоанатому, мне сказали, что тело выдали матери…

— А мать потом неделю под окошками центра стояла, плакала, просила тело дочки отдать. Я, если честно, в такие игры не нанимался играть, а вот что делать ума не приложу, в милицию надо идти, а может у них там все схвачено. А у меня мама старенькая, и сестра с племянником, боюсь за них.

Взволнованный доктор был вполне симпатичным, даже неровности его кожи скрылись под гневным румянцем, и его лицо, улыбчивое и доброе, стало напоминать маленького домовенка из мультика, который я очень любила смотреть в детстве.

— У меня муж подполковник, работает в полиции… — попыталась вставить я свое слово в этот непрерывный и взволнованный монолог.

— Да, я знаю, прочитал на истории болезни, почему и пришел к вам за помощью… — наконец-то доктор перевел дух, и замолчал, вопросительно глядя на меня, как будто ожидал от меня немедленного разъяснения причин всех безобразий и

тайных делишек, которые творились в этом «храме здоровья».

— Давайте составим план. — Помолчав минуту, предложила я, выдержав обязательную паузу, которой меня неоднократно учил делать в разговоре с собеседником Денис. — Только писать не будем ничего. У Вас есть органайзер в телефоне?

— Да, пожалуйста. — Доктор протянул мне свой айфон последней модели.

«Неплохо они латаются на чужой беде-то» — залезла в мозг противная мыслишка. Мой подполковник полиции даже не мог подумать купить себе такое чудо техники за полтора месячных оклада мента.

Виталий Сергеевич излагал мне подробности, я их записывала в органайзере его айфона, даты, события, все без эмоций, только факты, как и было необходимо, как и требовалось, чтобы все перечисленное выглядело не как больничные «страшилки» (их, кстати полно в любом медицинском учреждении), а как четкое изложение всех событий за последние 2 года.

Минут через 10 план был не только составлен, но и зашифрован и записан непонятными символами в недрах плоской коробочки, приехавшей в нашу канитель из далекой страны Восходящего Солнца. Все гениальное просто. Детей мы переименовали в котят, заведующего центром планирования семьи в ветеринара, и задача была поставлена предельно ясно: почему котята гибнут, и какую роль во всем этим играет ветеринар. И не стоит ли обратиться с жалобой в соответствующие инстанции.

Мой печальный опыт с листком, засунутым под матрас в общаге для медсестер, должен был защитить владельца смартфона от всяких неожиданностей.

Но, как оказалось, этого не произошло. Все случилось с точностью «до наоборот».

Глава 3

Казалось, воздух в кабинете заведующей отделением медицинской генетики новорожденных сгустился настолько, что трудно было поднять руку. И причина была не в клубах дыма от сигарет, с которыми не мог справиться ни хороший японский увлажнитель воздуха, ни кондиционер последней модели, вмонтированный в раму евроокна. Причина была в том, что она услышала. Ее настойчиво попросили на свое усмотрение выбирать одну или две женщины из тех, кому она делала генетическую карту околоплодных вод, и убеждать ее, что ребенок, который должен родиться через пару месяцев, нежизнеспособен или болен. А, следовательно, надо делать аборт на поздних сроках беременности. Это то, что хотели от нее. Но от того, что она прекрасно понимала, что от нее хотят, ее душевные терзания не стали легче. Даже тем, у кого ребенок был явно обречен на уродство, или смерть, ей озвучить прогноз будущей мамочке морально было очень тяжело. А уже убеждать женщину с нормальной наследственностью и беременностью сделать прерывание беременности — это было выше ее сил. Но мужу требовались деньги, для отдачи миллионного кредита, который он оформил на свадьбу старшей дочери, два года назад. Оформил, а потом потерял работу. Его отдел на заводе просто сократили в полном составе. Деньги, потраченные на свадьбу, подарками так и не вернулись, большинство приглашенных гостей подарили бытовую технику, картины. В общем, всякую ерунду. А кредит надо было отдавать, к тому же денег, выплаченных после сокращения, еле-еле хватило на жизнь их семьи. Муж так и не устроился на новую работу. Играл ли роль его кредит, в чем она сомневалась, или все-таки возраст, уже за сорок. Но факт есть факт, вся их семья жила на ее медицинский оклад. Который даже с премиями и сверхурочными не превышал определенного уровня. Взяток ей никто не давал, обследование и так было платным и недешевым. Первая мысль, которая пришла ей в голову — пойти в милицию и все рассказать. Но она боялась за детей, за среднего мальчика и младшую дочку. Мальчик ходил в недельный спортивный интернат, и при желании его можно было и отыскать, и похитить. Младшая девочка все выходные жила у бабушки, добираясь на другой край города на маршрутке, и тоже были риски ее просто потерять. Поэтому она согласилась, сразу, решив все-таки иметь на крайний случай обращение в соответствующие органы, как запасной вариант. Все равно от нее не требовали немедленной отдачи. Как они узнали про кредит?

Как?! В приеме пациентов образовался какой-то совершенно нетипичный перерыв, и она решила сходить к автомату и попить кофе. Кофе из этого автомата был по вкусу ни на что не похож, только все равно ей надо было как-то отвлечься от плохих мыслей. Она пыталась понять, что ей за согласие грозит, и в общем, не находила особого криминала. Многие заключения после анализов в ее центре можно было трактовать и так, и сяк. Поэтому она в общем, ничем особым не рисковала. А вот морально-этическая сторона вопроса, наоборот, волновала ее очень сильно. Так сложилось. Что кроме ее веса, как специалиста ведущего центра в городе, у нее в жизни не было больше чем хвалиться. Семья обычная, обычные дети, обычный муж. А вот она сама часто чувствовала себя если не богом, то его заместителем, когда объявляла очередной пришедшей на прием женщине, нормальным будет ее ребенок, или ей лучше прервать беременность. И вот именно на эту часть ее личности и жизни она должна была возложить немаленькие риски, выполняя просьбу тех, кто ее пугал.

* * *

Вечер этого дня прошел без каких-либо потрясений и не имел отличительных признаков, кроме, может быть, появления в отделении новой пациентки. Странным было время ее поступления в отделение патологии беременности, ее привели к нам на этаж уже после ужина две девушки-администратора, и вид у этой новенькой был мягко говоря необычный. Мне показалось, что она была, очевидно, «под кайфом», ее блестящие глаза, которые не могли остановиться на чем-то или на ком-то, казалось, обшаривали пространство как лишившиеся притяжения нейтроны. Мне даже показалось, что дамочка из-за лишней подвижности ее глаз существенно «косит». Далее, одета она была в какую-то то ли рубашку, то ли сарафан из парусины… Пришла в голову неожиданная ассоциация — «чесуча» — давно забытое слово из бабушкиного сундука, что-то белое, плотное и очень мнущееся…), голые лодыжки, вызывавшее ощущение беззащитности, как локоток маленького ребенка, неожиданно выглянувший из-под теплого одеяла с детскими рисунками, мишками и шариками. Волосы непонятного цвета, светлые от корней, и темные на концахбыли красиво подстрижены, но немыты несколько дней, и вся красота прически от этого терялась.

Но, в общем и целом, дамочка производила впечатление

очень ухоженное и весьма симпатичное.

Войдя в дверь, странная дамочка присела на ближайший к входу стульчик, безвольно скинув руки вниз, с худеньких колен, и мутным взглядом обведя всех присутствующих, сказала почему-то низким и глубоким голосом:

— Попить дайте, во рту «сушит» сил нет, только не воды, меня с нее рвет, а соку какого… Пожалуйста…

— Возьмите, вот гранатовый, только разбавленный. — Ей уже протягивала стакан толстенькая блондинка из соседней платы.

— Благодарю… — мы все внимательно следили, как дамочка маленькими глоточками опустошила протянутый ей стакан, и с облегчением вздохнули «хором» когда она допила сок, и поставила стакан на тумбочку рядом с собой.

— А где моя палата? — обратилась дамочка ко всем присутствующим.

— Я провожу, пойдемте, там, в конце коридора. — Дежурная медсестра тихонько потянула дамочку вверх за острый локоток.

В конце коридора располагалась палата «люкс», именно оттуда увезли на днях рыдающую пациентку на преждевременные роды. Когда за новой пациенткой закрылась дверь палаты, я вздохнула и решила идти к себе, отметив автоматически, как мало надо человеку провести времени в незнакомом месте, чтобы, думая о новом пристанище говорить «к себе».

Ничего интересного я уже явно не узнаю, мне надо было уже поскорее ложиться спать, я надеялась завтра все-таки найти возможность и связаться с Денисом, поскольку история, рассказанная мне прыщавым доктором, не терпела никаких отлагательств.

Я попыталась заснуть, но сон не шел, а это всегда было признаком того, что я была или в опасности, или прошла мимо каких-то важных мелочей, и мне совершенно необходимо было понять, что я пропустила, и проявить повышенное внимание к тому, что будет происходить вокруг меня в ближайшее время.

Особенность у меня эта, не спать во время опасности, проявилась еще в детстве, во время летнего отдыха в пионерлагере, где считалось веселым развлечением вставлять между пальцами ног спящим на железных лагерных кроватях пионерам спички и поджигать их, иногда вместо этого — мазать лицо зубной пастой или выдавливать в волосы девочкам тюбик суперклея. Так развлекались несколько мальчиков из старшего отряда, и что характерно, остановить это развлечение администрация пионерлагеря почему-то не могла. Или не хотела.

Вот собственно тогда и проявилось это мое качество — не засыпать, если меня подсознательно что-то сильно беспокоит.

Поэтому я полежала немного в палате, потом встала, запахнула на себе махровый халат (как в дорогой гостинице all-inclusive) и пошла просто чтобы прогуляться, в туалет — место всех происходящих по ночам в нашем отделении событий.

Я не ошиблась и в этот раз, насчет происходящих здесь интересных событий, дверь в одну из кабинок туалета была приоткрыта, и оттуда долетали сдавленные рыдания. Надо было срочно придумать какой-то повод для оказания в очередной раз психологической помощи, но почему-то ничего не шло мне в голову, поэтому я просто включила воду, и тупо ждала, наблюдая за тем, как в импортную раковину била струя воды из импортного шарового смесителя.

Видимо, плеск воды был услышан, и новенькая пациентка, с опухшим от слез лицом вышла неуверенно из кабинки туалета, и плотно (видимо по привычке) закрыла ее за собой.

— Я могу помочь Вам чем-то? — почему-то отводя вбок глаза, тихо спросила я.

— Не думаю… — так же тихо ответила мне заплаканная дамочка, помолчав минуту, она вдруг глубоко вздохнула, так вздыхают маленькие дети, когда успокаиваются после длительного плача, и неуверенно мне улыбнулась:

— Меня зовут Соня…

— Меня Олеся, приятно познакомиться, — я протянула ей одноразовый платок, предусмотрительно положенный мной в карман махрового халата.

— Да, спасибо, очень кстати, общественным полотенцем лицо вытирать как-то не хочется, хоть здесь и чисто.

— Я тоже всегда беру с собой полотенца и мыльно-рыльные принадлежности… .

— Вы не знаете, где-то здесь можно взять горячей воды и заварить чай? Я привыкла ужинать очень поздно, мы дома обедаем на два часа позднее, чем здесь ужин…

— Да, у сестры на посту есть электрический чайник, а у меня есть кружка. Своя, не общественная, поторопилась уточнить я, помня о брезгливой реакции Сони на чистейшее льняное полотенце с неброской вышивкой, висевшее в туалете слева от раковины.

— Да ничего. Посуду помыть всегда можно, а вот как представишь, где стирается все это больничное белье, так хочется спать на голом полу… .

Эту штуки мне тоже были известны, во времена отмирания всех бытовых служб, включая общественные прачечные по городу ходили разнообразные слухи-«страшилки», о том, что вещи погибших бомжей стираются именно в общественных прачечных

вместе с больничным бельем и простынями доверчивых граждан, по старинке решивших облегчить себе жизнь со стиркой «прямого» и «фасонного» белья.

— На сохранение сюда или на ЭКО? — пока мы шли по коридору к палате, тихонько поинтересовалась я у новой знакомой.

— На ЭКО, и это уже в четвертый раз…

Я промолчала, потому что поступление сюда в отделение в четвертый раз на процедуру ЭКО могло означать только одно, все предыдущие три попытки заканчивались неудачей.

— А я на сохранение, вернее на обследование, муж настоял. — Пауза становилась все более тягостной.

— И у меня муж настоял. Кровь ему родную подавай! Думал бы об этом, когда в Таиланде по малолетним проституткам шлялся!… -Соня явно коснулась больной темы и перешла на громкий возмущенный шепот.

— Я сколько раз ему говорила, давай усыновим кого, столько деток брошенных, хоть счастье кому-то подарим. Так нет, уперся, кровь его ему нужна… .Голубая была бы, я, может быть, еще поняла. Люмпен из люмпенов, отец его фрезеровщиком на станке до пенсии проработал, а как на пенсию вышел, так столько с радости пил, что за три месяца его и скрутило… Это мамаша все его, забыла, нищеплетка, как в булочной работала, на углу, а потом в распивочной пиво разливала. Как деньги появились не мерянные у сынка, так мамочка повадилась ездить отдыхать посанаториям на весь сезон, с мая по октябрь, хотя за эти деньги дом в деревне неплохой поставить можно, и сразу мозг мужу стала с наследником клевать. Кровь. Это она чтобы нас развести, да женить его на какой-нибудь молоденькой оборванке… — этот эмоциональный порыв просто обессилелтощенькую Соню совершенно, и она замолчала. В этот момент уже закипел чайник, я заварила в кружке с веселой рожицей на боку чайный пакетик, пахнувший чем угодно, духами или травой, но только не обычным чаем, и разговор наш временно прекратился, поскольку Соня радостно сунула маленький носик в кружку и начала маленькими глотками это пойло поглощать. Что я могла ей ответить? Что у моего мужа лишних денег нет, ребенок у нас получился и безо всякого ЭКО, что муж мой не шлялся никогда по проституткам и не ездил в Таиланд? Но стало ли бы Соне от моих слов легче? К тому же Соня не знала ничего из того, что к этому дню про некоторые подробности работы центра знала я.

* * *

Как-то все неудачно складывалось в последние полгода. Осложнений после ЭКО было много, роженицы были капризные, как на подбор. С персоналом были проблемы, душа приемного покоя, Елизавета Максимовна не просто уволилась, а убежала второпях из центра, в котором проработала не один год, на прошлой неделе. Пришла, рассказала про госпитализированную медсестру, замешанную в историю с незаконной пересадкой органов, и написала заявление по собственному желанию, взяла отпуск за два года, который не отгуливала уже года два. Она не могла даже заставить ее отработать две недели. Понятно, что от такого бегом побежишь, пациентка в центре не пациента, а считай, что засланный казачок. Как она могла эту девицу не узнать? Ведь ей ее любовник пару лет назад показывал даже ее фото.

Сейчас перед ней, на столе, лежало личное дело ее пациентки из отдела кадров больницы, где негодница работала, и откуда ушла в декрет (хотя по сроку вроде и рано), жены сотрудника полиции, сыгравшей немаленькую роль пару лет назад в разоблачении банды «черных трансплантологов». Ее появление в их центре не могло быть случайным, это значило одно — менты, или кто-то другой, под ее центр «копают». Конечно, за последний год у нее было несколько жалоб, в основном от тех матерей, чьи дети в родах «умирали». Но вроде все было обговорено на самом верхнем уровне, кто бы в департаменте мог дать этим жалобам ходу…

Решение она уже приняла, от девчонки надо было срочно избавляться. Только как это сделать? Отпустить домой, а потом устроить утечку газа, или автомобильную катастрофу?

То, что происходило у нее в центре последние несколько лет, уже не заботило ее, стало привычным. Но, как всегда в деле появился неожиданный оборот, и надо было действовать молниеносно.

С другой стороны, если дамочка госпитализирована под прикрытием, то кроме краха это ее центру ничего не принесет. А все-таки может девчонка здесь оказалась случайно?

То, что делала главврач своими руками, не волновало ее, она давным-давно уже успокоилась. Привыкла «к схеме». Богатым надо было рожать, причем рожать желательно здоровых детей, а медработникам, которым даже в частной медицине, мало платили, как-то существовать, зарабатывать. Ну не она же придумала правила этой профессии и жизни. ЭКО, когда оно только появилось, обнадежило всех, и пациенток, которые не могли забеременеть долго, и врачей, которые увидели в этой процедуре альтернативу усыновлению, как единственному

решению проблеме женского и мужского бесплодия.

Как все значительное в своей жизни, предложение участвовать в незаконной схеме получения стволовых клеток от абортов на позднем сроке, она получила внезапно и неожиданно. После очередного рабочего фуршета в министерстве здравоохранения, (повода уже не вспомнить, День независимости, День города или День рождения мэра), тогда ее, уже изрядно хлебнувшую «дармового», но очень дорогого и, видимо, поэтому невкусного, шампанского, под руку взял, и вытолкал в коридор, проректор их медицинского института. Проректор был невысок, сухощав, и по повадкам слегка напоминал вялую крысу, поэтому она и здоровалась с ним на мероприятиях только по надобности, по протоколу, настолько он был мелок и ничтожен по ее мнению. В теме стволовых клеток она была уже несколько лет, мучительно размышляя, сделать себе инъекцию, или лучше не рисковать здоровьем, поэтому суть разговора уловила сразу. Ей предложили возглавить частную клинику по репродукции, с условием, что она не станет мешать, а будет всячески помогать в проекте, «поддерживаемом Минздравом области, мединститутом и лично ректором, и даже знаете… не буду называть фамилии, в Москве..»

Потом ей принесли маленькую методичку, напечатанную на желтоватой бумаге, в которой подробно расписывалось, как препарировать умерший плод. Еще через пару дней здоровый и румяный курьер, похожий на героя русских сказок, привез упаковку специальных мерных стаканчиков и кювет, и все быстро начало работать, поскольку уж разбираться в людях, манипулировать ими и заставлять работать главврач умела как никто другой.

Отлаженный механизм работал уже не один год, и сбоев в общем-то не было. Ну, плакали, и требовали прокурора потерявшие ребенка «запасные» матери. Но их хватало ненадолго, максимум на несколько месяцев, да и ее дружеские связи, глав. врача частного гинекологического центра, с одной из замов по лечебной части областной психбольницы позволяли быстро, если что, изолировать, хотя бы на время, мамочек особенно рьяных. Ну, а после аминазина или галоперидола и наличия официальной справки с диагнозом реактивного состояния после родов, из психушки желающих обратиться к прокурору за правдой обычно не наблюдалось. Только в этот раз она поняла, что все скоро закончится. Она не сама узнала новую пациентку центра, медсестра приемного покоя помогла, она более наблюдательная и подозрительная насчет пациентов. А про эту девчонку ей рассказывали, года два назад, вернее, не только про нее, а про ее

роль в раскрытии сети поставщиков нелегального банка донорских органов. И мужа она ее узнала, вот он только вчера к жене приходил, он мент, причем в хорошем звании. Несколько дней она решала, скрыть данный факт от своего любовника, или рассказать. Рассказала на свою голову. Так он просто приказал сделать ЕЙ инъекцию, после которой паршивая девчонка уже не сможет никогда ничего никому рассказать. Чиновник, судя по его загадочному виду, решил отделаться и от нее, одним ударом двух зайцев, она давно уже понимала, что из центра ей надо уходить, слишком много она знала подробностей про вышестоящее начальство. Глупая история, вспоминать неохота. Но история эта, при неблагоприятном стечении обстоятельств, сулила ей самой, и центру, немаленькие риски. И так, и этак плохо, что же делать-то?

* * *

Ночью я лежала с потушенным светом на модной импортной больничной койке, вспоминала отчаянье и горькие слезы худенькой Сони, и понимала, как все-таки нам с Денисом крупно повезло.

Встретились, полюбили друг друга, поженились, и ребенок получился как-то сразу, без проблем. Я не уверена, что была морально готова к рождению ребенка, но другого-то выхода нет! Значит будем рожать. В моем роду не было женщин бездетных, и вопрос этот я как-то не продумывала, каково это, хотеть родить ребенка, и — не мочь. По причинам любым, непроходимости маточных труб, вялых сперматозоидов мужа. Хотеть ребенка и не иметь… С другой стороны, был шанс, и им пользовались многие, ребенка взять из приюта, детского дома, просто усыновить. Но в этом варианте были заложены так же немаленькие риски. «Отказники», как в Доме малютки и детском доме называли таких детей, часто рождались от неблагополучных родителей, обладали плохой наследственностью, имели проблемы с психикой, которые в раннем возрасте не просто определить. К тому же было совершенно неизвестно, полюбит ли вас приемный ребенок, и не найдется ли его мать потом. Количество случаев, когда мамочки бросали своих деток, сгоряча, или обдуманно писали в родильных домах сначала отказную, а потом, по прошествии нескольких лет, появлялись, несмотря на строжайшую тайну усыновления (которую по ходу никто не соблюдал) и требовали отдать имобратно их подросших деток, забрать обратно и отдать матери-кукушке брошенных ей детей, выдернуть детей из привычного образа жизни, из усыновивших и привыкших к детям

семей — таких случаев в последнее время было много и в жизни, и в телешоу.

С другой стороны, мне опять-таки было непонятно стремление бездетных пар родить ребенка любой ценой. Хотя, впрочем, тут может просто моя молодость и неопытность жизненная виновата.

На самом деле, обретение «ребенка из пробирки» было делом совершенно безрадостным и мучительным, поскольку женщинам приходилось испытывать двойные страдания. Физические на процедуре собственно ЭКО, которая по технике мало отличалась от обычного аборта, ну разве тем, что ткани не убирали из матки, а, наоборот, приживляли внутри. Зато глубокого наркоза на данной процедуре не полагалось по определению, а стоимость одной процедуры была такой, что дамочки просто из кожи лезли, чтобы для сохранения статусности и вида счастливой будущей мамаши изобразить стандартную счастливую улыбку на исстрадавшемся лице…

А потом, уже после процедуры ЭКО, начиналось настоящее «хождение по мукам». Приживется плод или нет, будет успех от процедуры, как будет развиваться беременность, будут осложнения на поздних сроках у матери и плода, каким, здоровым или больным, родится в итоге ребенок…

И даже еслисама процедура проходила успешно, плод приживался, беременность развивалась нормально, мало кто из новых пациенток отделения знал, что их ждет во втором триместре беременности тяжелое моральное испытание — выбрать из нескольких получившихся при искусственном оплодотворении будущих деток, одного, который и будет их ребенком. А остальных — просто убрать из себя, по факту — убить. Это и называлась редукция.

Почему никто из таких мамочек не жаловался в милицию? Или все-таки жаловались, и поэтому я — здесь?

Или взять Соню с ее гуляющим мужем. Может проще развестись, и найти себе нормального, способного зачать ребенка, мужика? Неужели все дело в деньгах? Я не могла себе этого представить, и понять — как?! Или идти по детским домам, и выбирать одного несчастного ребенка из толпы еще более несчастных? Мне проще представить, как люди, бесплодные пары просто друг для друга живут.

Я попыталась представить, как бы мы с Денисом поступили в подобной ситуации, выбирали себе ребенка в детском доме, или нет, но не успела, меня сморил глубокий сон, несомненно, облегчивший мне такой непростой, хотя и воображаемый выбор.

А утром следующего дня отделение облетела страшная

новость — убит Виталий Сергеевич. Во дворе собственного дома, вечером подвергся нападению каких-то подростков, то ли хулиганов, то линаркоманов, которые его долго били, изувечили, еще пока он был жив, а когда он затих и умер, забрали его дорогой айфон… .

Я просто не могла в это поверить. Вчера я разговаривала с ним… Он был такой молодой, такой в общем-то добрый и порядочный парень. Этого просто не должно было случиться.

Самое ужасное в этом было то, что мой муж опять куда-то пропал. А медсестра на посту просто замолчала, и не отвечала на мои вопросы. Беременные дамы тоже были в ужасе, несмотря на плохую кожу, молодого доктора из кабинета УЗИ все очень любили, он был безотказным, подробно отвечал на все вопросы, никогда не хамил и не раздражался… И в общем, по отзывам он был очень неплохой специалист. К тому же, когда в отделение приехали из райотдела милиции, нас всех загнали в палаты, и закрыли снаружи на ключ.

* * *

Улыбаясь всем, и кивая на все стороны, с широкой улыбкой из искусственных зубов, она зашла в вестибюль клиники. Ей надо было изо всех сил «держать лицо», чтобы никто не догадался о ее причастности к убийству.

О смерти доктора Виталия она знала, ей позвонили из службы безопасности клиники ночью на мобильный, и сказали глухим голосов «он готов», и только после этого она смогла хоть немного поспать. Хотя ей не было жалко прыщавого мальчишку ни капли. К тому же ее спас случай, тут все было просто, или она, или ее. Ее спасло то, что они установили видеокамеры во всех палатах. Конечно, за всеми мамочками она не наблюдала, а вот просмотр видео в палате той медсестры велела включить начальнику охраны. Иначе она даже бы не могла предположить, что молодой доктор собрался идти в милицию. Вообще, ей были непонятны все эти душевные порывы, борьба за справедливость и прочее. Она понимала и признавала только два фактора в медицинской профессии — деньги, и обязанности, которые за эти деньги надо было выполнять. И никакой морали, никаких соплей, все лишнее.

Сейчас она даже не могла вспомнить, почему из всех возможных профессий она выбрала собственно медицину. Жалости к другим людям даже не ночевало в этой кукольной головке с фарфоровым личиком, в теле скрасивенькой

внешностью голливудской актрисы, игравшей Скарлетт О'Хара из старого фильма «Унесенные ветром» жила злая и несгибаемая, равнодушна ко всему миру, кроме себя любимой, ее душа. Крохотные капризные губки, веселые каштановые кудряшки, прелестный носик, за всей этой кукольной внешностью пряталась жуткая и циничная личность, о которой не знал никто из окружающих, даже самые близкие ее люди. Внезапные приступы ярости она искусно скрывала, или за притворными слезами, или за манерой переводить разговор на абсолютно не имеющую к теме обсуждения тему. Она любила только себя, и страдала от того, что рядом с ней нет никого, кто был бы просто достоин права постоять рядом с ней. Сначала это несоответствие простоты и грубости окружающего мира приводило ее к меланхолии и к слезам. Потом ей понравилась роль кукловода — она легко входила в доверие к собеседнику, завораживала его своим обаянием, располагала к себе. А когда человек расслаблялся и открывался ей полностью, со всего размаха била его по больному месту, и с удовольствием наблюдала, как сжимается от боли, или выходит из себя ее собеседник, которому она нанесла подлый и неожиданный удар. В эту игру она играла всю жизнь. До тех пор, пока не стала принимать участие в более интересном проекте.

И все бы было просто отлично, если бы не пресловутый «человеческий фактор». Вот этого точно она никогда не могла понять! Человеческий фактор долбил ее сразу с двух сторон: со стороны женщин, у которых и забирали этот самый плод на поздних сроках, и со стороны сотрудников клиники, подчас проявлявших неожиданную щепетильность, неожиданную с учетом высоких зарплат, превышавших обычные бюджетные выплаты в два или даже в три раза.

Об этом она не подумала сначала, а между тем это становилось опасно. Не было ни одной пациентки ее клиники, которая, даже получив желанное завершение мучительного во всех смыслах цикла процедур ЭКО, выписывалась домой с радостным настроем и долгожданным младенцем на руках. Слезы, сопли, переживания и сомнения — ей, решительной и даже в чем-то беспощадной, было этого никак не понять. Кажется, отвалили кучу денег, получили на вид приличного младенца, причем не от непонятных родителей, как в случае усыновления, а от собственного мужа, или любовника. Со вполне четкой и проверенной наследственностью, так что печалится о том, что другие 2, 3 иногда 4 плода приходилось удалять для лучшего вынашивания этого, долгожданного ребенка? Все в этой жизни имеет свою цену, но упрямые женщины плакали, возмущались, одна даже жалобу написала в местное Министерство

здравоохранения. Жалоба далеко не ушла, легла к ней на стол через неделю с лаконичной резолюцией в уголке «рассмотреть на собрании трудового коллектива и доложить результаты обсуждения в двухнедельный срок». Так что прикрывали деятельность клиники, как ей и было обещано, из вышестоящих инстанций, тщательно и дотошно.

Но основное — это реакция в коллективе. Взять хоть этого, как его фамилия, прыщавого молодого врача… Ну этому-точего не хватало?! Диссертация — пиши не жалуйся, зарплата — лучше не озвучивать, коллеги могут и побить…

Так нет, нос свой прыщавый сунул, куда не надо, в милицию побежал докладывать. Эх, люди, люди… .

Хотя, теперь с учетом всех обстоятельств, с укольчиком этой медсестре любопытной надо подождать хотя бы пару недель, а то ментов сейчас после убийства молодого доктора в их центр набежит куча, нельзя подряд делать два раза такое. Ну, ничего, выписывать ее она не собирается, пусть полежит, девка непростая, муж мент, тщательно обследуем, время еще есть… Подождем с укольчиком-то, пока все уляжется…

А причину не выписывать строптивую девчонку раньше времени — раз плюнуть найти. Хотя бы провести ей генетическое обследование, это замет как раз неделю, или несколько дней, пока придут все результаты… Она даже не думала, что из ее коллектива кто-то сможет ослушаться ее, и уже тем более, пойти в милицию. Хотя, как раз это планировал сделать ее молодой доктор с прыщами. Мир душе его…

Хорошо, что медсестра услышала его разговор, по телефону, когда он, дурачок, записывался на прием в местной милиции.

* * *

На просторной кухне витал плотный запах дорогого кофе, без которого в их семье не обходилось ни одно утро. Запах молотых кофейных зерен смешивался с неуловимым запахом свежескошенной травы: даже появление в семье долгожданного наследника, полугодовалого Русланчика, не избавило мужа от многолетней привычки курить по утрам гашиш.

Марине казалось раньше, что как только у них с Игорем будет ребенок, то гашиш исчезнет из ее жизненного пространства сам собой. Только тем, что им после довольно длительного срока в браке никак не удавалось завести ребенка, родить долгожданного сына, наследника, она объясняла, в общем-то, неприятную для нее привычку мужа, которая стоила немалых денег их семье, и

огромных переживаний ей самой. Нельзя сказать, что, покурив с утра гашиш, ее муж сильно менялся. Он всегда был спокойным и невозмутимым, даже медлительным. И все-таки ей это было неприятно. Когда они только поженились, и она узнала, что одним из последствий давней службы мужа в одной из «горячих точек», является регулярное курение «травки», она то начинала с пагубной привычкой бороться, то несколько раз пробовала приобщиться к этому. Но кроме тошноты и мучительных головных болей на следующий день ничего не ощущала. Попытка же отучить мужа курить кончалась неизбежными скандалами.

Поэтому «травка» была одной из привилегий ее мужчины, мужа, которым она гордилась и которого очень любила, несмотря на все то, что им пришлось пережить в последние годы, в их граничащем с манией настойчивом стремлении завести ребенка.

Марина не любила чужих детей. Ее не умиляли и не радовали мордашки в чепчиках, всегда раздражало нытье и лопотание на непонятном ей языке. Она не стремилась иметь детей достаточно долго, до тех пор, пока не вышла замуж за Игоря. Тогда она не думала о том, что браки между людьми разных верований имеют некоторое «подводные камни»: практически со свадьбы родня ее мужа говорила о необходимости родить наследника! И Марине пришлось перестраиваться, она буквально заставила себя «захотеть ребенка», хотя для нее это было нелегко. Игорь даже в постели говорил только об этом, и это уже через пару месяцев сделало ее фригидной: не до интимных ощущений, когда тебе постоянно шепчут на ухо «вот-вот сейчас он и получится, наш сынок…»

Мысль о том, что в ее матке вдруг появится маленький комок из клеток, потом он будет внутри нее девять месяцев расти, потом вылезет через «причинное место» с болью и кровью, была ей не слишком приятна. И чаще ассоциировалась у нее не с затертым словом «счастливое материнство», а с ленточными глистами, изображенными на большом и красочном плакате на уроке биологии в средней школе.

Но она притворялась счастливой и сопереживающей, ей просто было некуда деваться. Только вот несмотря на все усилия, ее долгожданная беременность никак не наступала. То ли ее внутренний настрой играл такую роль, то ли яростное желание семьи мужа иметь наследника наталкивалось на сопротивление судьбы, но после трех месяцев бесплодных ожиданий беременности Марина вышла на круг первый унижений и боли — пошла на обследование в Центр по планированию семьи. Через пару месяцев к ней присоединился ее муж. По результатам анализов у них не было никаких отклонений, но результата их

усилий не было, месячные начинались как по часам, в срок, и Марина с мужем пошли по «бабкам». До сих пор Марину тошнило от воспоминаний об этих визитах: темные убогие комнатки, непонятные на вид полусумасшедшие старухи и женщины средних лет, треск горящих свечей, отвратительный запах ладана и воска. Они с мужем обматывались рулонами туалетной бумаги, «заряженными» очередной бабкой «на детей». Спали вместе, но головами к ножному концу кровати. Менялись местами, и ей приходилось во сне, через сон нюхать запах ступней ее мужа.

Спали порознь, муж спал на лоджии, пытаясь «взбодрить организм» по совету какого-то целителя. Однажды утром Марина вышла на лоджию и увидела, что у мужа вытекла из носа сопля, и примерзла к полу. В этот момент она четко поняла, что любовь к этому мужчине покинула ее. Навсегда или до рождения ребенка, точно она сказать не могла, но уже было потрачено столько средств, и пережито столько боли и страданий, что надо было довести начатое дело до конца, и все-таки постараться родить. Родить — ему — ребенка, которого он так хотел. А потом, наверное, все-таки оставить мужу этого ребенка и уйти из отношений, окончательно и бесповоротно, чтобы пожить хоть чуточку для себя, снова выйти на работу, одевать утром, не спеша, осторожно, на узкие щиколотки дорогие тонкиеколготки и красить ресницы, потом торопливо бежать за уходящим с остановки трамваем, или вызывать к подъезду такси. Не заморачиваться с приготовлением обеда из семи блюд, а сбегать в обеденный перерыв и купить всоседнеммагазине пачку кефира и творожный сырок, сожрать все это на рабочем месте с аппетитом, и вечером ехать домой в общественном транспорте, спокойно и вальяжно, не торопясь никуда. Потом, проходя мимо, зайти в кафе рядом с домом, съесть порцию жирного пломбира, под хорошую музыку, может даже спеть в караоке с парочкой случайных знакомых, слегка подвыпивших молодых парней. Потом прийти домой, рухнуть на диван, не снимая колготок, а потом там и уснуть спокойным сном одинокой женщины, которая живет только для себя, без мук, без боли и унижений.

Но об этом Марина позволяла себя думать, только после минут слабости и отчаяния, когда, вдоволь наплакавшись после очередного унизительного посещения врача-гинеколога, она чувствовала себя особенно опустошенной и «выпотрошенной», как рыба на прилавке большого магазина, на которую смотрят толпы проходящих покупателей, но никто ее не покупает, потому что никому-то, она, по сути и не нужна…

Это чувство ненужности приходило к ней все чаще, Марина, с ранней юности, заслуженно считавшая себя красивой и

удачливой, все больше ощущала себя неполноценным человеком, и это стало проявляться в ее поведении. Она вздрагивала при любом громком звуке, вжимала инстинктивно голову в плечи, если к ней обращался муж, или кто-то окликал ее на улице из знакомых. Отношения с мужем были такими, что она часто спрашивала себя, что делает в ее жизни этот чужой человек. Ее стала раздражать даже его манера говорить, глотать, неприятны были движения кадыка на его шее, когда он жевал, они вызывали непреодолимое желание вцепиться ему в горло острыми, наращенными в модном дорогом салоне красоты глеевыми ногтями. Марина, несколько раз испытав подобное не слишком приятное чувство, сняла глеевые ногти. Убрала их длину, заменив гелиевый дизайн ногтей на модный «Ши-Лак», но это не помогало. Через год она уже люто ненавидела мужа. И в этот момент ему пришла идея отвезти ее в Швецию на процедуру искусственного оплодотворения, поскольку после трех лет мучений и хождений по врачам дома, российским клиникам Игорь уже не доверял.

В шведской клинике она как-то отвлеклась, не было ни реальной необходимости, ни возможности общаться и разговаривать, поскольку ни английского, ни французского языка она не знала. Персонал клиники вел себя очень корректно, палата была небольшая, но уютная и удобная, и окно выходило на маленькую кривую улочку, напоминавшую сказку о Снежной королеве… Все прошло на удивление безболезненно, быстро и профессионально.

Вернувшись из шведской медицинской клиники, дома Марина поняла, что беременна, практически сразу. Ее в первый раз сильно затошнило, а потом и вырвало в самолете, и металлический привкус рвотных масс во рту остался ее постоянным спутником до родов.

Ее постоянно мутило по утрам, на лице выступили некрасивые пигментные пятна, постоянно хотелось пить, кушать мел, нюхать канифоль и спать одновременно. Но беременность протекала, по словам ее врача, вполне нормально. Тяжесть внизу живота, одышка, испарина и слабость — это нормально?! — думала она, переваливаясь с ноги на ногу, как уточка, во время утренней прогулки рядом с домом. Но ребенок рос, вместе с ее животом, и однажды она почувствовала его движения внутри себя, и это так же было ей неприятно. Тогда Марина не знала, что самое главное испытание еще впереди.

На сроке в 27 недель она пришла на очередной прием к своему гинекологу, легла на кушетку, приготовившись к УЗИ, и в этот момент услышала, что у нее внутри, в матке развиваются 4

плода.

— Кого оставлять будем, мальчика или девочку? — улыбаясь, склонился к ней ее врач.

— Что значит «оставлять»? — ее сознание отказывалось воспринимать то, что она потом услышало.

В результате ЭКО как правило получаются многоплодная беременность, которую по определению бывает выносить сложно, да и риски велики на последнем сроке. Поэтому выбирается один плод, а остальные удаляются…

Куда удаляются? Как удаляются? Мысль о том, что она должна выбрать одного из 4 своих будущих детей, а остальных придется «убрать», чтобы один плод созрел и стал полноценным в итоге просто «расплющила», уничтожила ее, как мыслящую личность. Именно той ночью она тайком пробралась на кухню и выпила все таблетки, которые были в аптечке. Но видимо ее реакция была типичной — ее мужа предупредили, и он без промедления вызвал Скорую помощь, ей деловито промыли желудок через зонд, поставили капельницу со слабым снотворным, и она уснула, понимая, что обречена на то, чтобы сделать нелегкий выбор и родить этого ребенка, которого она уже ненавидела.

С этого дня ее держали на успокоительных таблетках, и очнулась она только когда приехала домой вместе с голубым конвертом, который в руках держал ее счастливый муж. Она проснулась, как после долгого сна, и не узнала этого мужчину, которого вначале любила больше жизни, потом ненавидела. А в голубом атласном свертке сопел маленький человек, и в этот момент, в первый раз она ощутила себя матерью, потянувшись к нему, и слезы хлынули по ее щекам.

С тех пор прошло полтора месяца, все ее переживания казались ей сейчас дурным сном, главное, что все уже позади, в красивой кроватке, покрытой кружевами, на пороге лоджии посапывает малыш, ее фигура почти пришла в норму, она так переживала за исход беременности, что даже не поправилась, вынашивая ребенка. Но вместо радости ее начала душить тоска, сожаление, и чувство вины, вины перед теми не рожденными детьми, которые по воле случая получились из оплодотворенной яйцеклетки, и не могли быть рождены и выношены все вместе, по определению. И ей пришлось выбирать одного из четверых, и это был тяжелый выбор, собственно выбор сделал ее муж, оставив мальчика, сына, но чувство вины Марину не отпустило ни на один день после выписки из клиники после родов.

Если бы муж не хотел так сильно сына, она, конечно же, оставила бы девочку. Ей снилась дочка, она в ее сне тянула к ней

ручки, личико, которое она не видела ни разу в жизни, кривилось, как будто девочка готовилась заплакать. И это сильно отравляло ей жизнь, и радость от долгожданного материнства.

Встряхнув головой, словно отгоняя мучительные мысли, Марина налила себе из маленького чайника заваренный цикорий, бросила в чашку таблетку сахарозаменителя. Цикорий ей принесла свекровь на прошлой неделе, и теперь Марина вынуждена была давиться этим бюджетным напитком, чтобы не обидеть ни свекровь, ни мужа, который очень трепетно относился всегда к подаркам матери, и очень педантично выполнял все ее советы, касающиеся здоровья членов своей семьи.

«Представляю, что будет, когда Руслан подрастет», грустно подумала Марина. В то время, когда они с мужем пытались завести ребенка, свекровь в их жизни почти отсутствовала. То ли не принимала всерьез бездетную невестку, то ли повода приходить к ним в дом так часто у нее не было. Но в последнее время визиты свекрови настолько участились, что Марине иногда казалось, что они живут втроем, она, муж, и свекровь, вернее вчетвером, она с мужем, свекровь и Руслан, ее сын, ее долгожданный мальчик. Конечно, это большое счастье, и она зря дает волю эмоциям, любая женщина могла бы ей позавидовать, а тоска и страхи, и чувство вины — всего лишь проявление послеродовой депрессии, о чем ей и сказали на приеме в детской районной поликлинике, когда она принесла туда двухмесячного Руслана для патронажа.

Остывший цикорий отчетливо горчил, и она с удовольствием выплеснула напиток в раковину, представив, что выплескивает ненавистный напиток свекрови в рожу, улыбнулась своим мыслям, и, подойдя к кроватке, начала внимательно рассматривать личико спящего Руслана. Вообще странно, мальчик был не похож ни на нее, ни на мужа, надо будет спросить подругу, Лельку, в каком возрасте маленькие дети начинают обретать сходство со своими родителями. Поправив маленькую, обшитую кружевами подушку под головой сына, она на цыпочках подошла к телефону, сняла трубку и приоткрыв дверь в комнату, чтобы видеть и слышать, если мальчик проснется, набрала телефон подруги.

— Але — в трубке раздался хрипловатый от вечного крика на детей голос Лельки.

— Лель, привет, это Марина.

— Привет, Марин. Чего хотела? — не удивившись и даже вроде не обрадовавшись звонку, ответила Лелька.

— Лель, я тут спросить хотела. Русланчику уже полтора месяца, а я никак не пойму, на кого он похож.

— Марина, а я тут при чем? Мужа спроси, может похож на бабку его, или на деда — иногда Лелька откровенно тупила.

— Ну у тебя же четверо, ты скажи, когда они, так сказать, начинали обретать сходство…

— Чего обретать? — Лелька или была занята и слушала вполуха, или просто не была настроена на беседу.

— Ну, когда, через какое время они становились похожими или на тебя или на Сережу?

— Ну Марина, тебе вообще похоже заняться нечем… Сразу они были похожи, сразу, вылитый мой Тарасов, с рождения, все как один в него, и не ходи к гадалке!

— Странно, а у меня Руслан вроде ни на меня, ни на Игоря не похож…

— Слушай, Марин, мне старшего на тренировку надо, а еще Ксюшу забрать из музыкальной школы… Давай я к тебе завтра забегу с утра, у меня посвободнее будет, и мы поговорим. Лады?

— Хорошо, спасибо тебе, я перезвоню тебе через пару дней…

Марина положила трубку и подошла к двери лоджии, посмотрела вниз с 17 этажа, один шаг через перила, и все это закончится…

Если бы она только знала, на какие моральные страдания обречет себя с этим ЭКО, с этой беременностью, родами, ни за что не дала себя уговорить. Лучше бы ребенка из детского дома усыновили. Все, что произошло с ней за последние два года, казалось ей дурным сном. Но проснуться не получалось. Любила ли она сейчас мужа? Сейчас она думала, что нет. Любила ли она сопящее в кроватке с дорогим пологом существо? Марина поймала себя на мысли, что называет долгожданного сына «существом», уже в который раз…

* * *

Черный комок поселился у нее внутри с того дня, как она узнала, что у дочери не может быть детей. Все что у них с мужем было — оказалось» поставлено» на кон, на этот брак. Муж, отчаянно барахтавшийся в постперестроечные временав стремлении спасти прежний уровень доходов семьи, и уже почти загнувшийся бизнес, и менявший свои проекты, как перчатки, уже взял большую ссуду в банке под перспективу брака дочери, под деньги «той» семьи. Отец зятя был министром областного правительства, и все бюджетные средства делились между существующими городе производствами только его визой. Теперь все рухнуло. Дочка расплачивалась за ранний аборт, сделанный

тайком в 9 классе. Она не выносит даже ребенка после искусственного оплодотворения, так ей сказала ее подруга, колдунья в последний ее приход к ней… Что же делать? Ее воображение уже рисовало ужасные картины: их с мужем выселяют с позором из того особняка, где удалось не только оттяпать половину площади в здании архитектурного памятника, но и сделать там по очередному взаимозачету дорогущий и вычурный ремонт. В ремонт она заставила своего мужа вложить все его свободное время и «зачетные» активы.

Но это было много раньше. А сейчас его заработков еле хватало на оплату коммунальных платежей, и на кусок рыбы из ближайшего гипермаркета, поскольку в годы своего материального «пика» они показательно всей семьей перестали кушать мясо. И теперь она не могла даже подумать, как ест вареную курицу из супа, или запускает мясной бульон макаронами. Ее просто вырвет от этой пролетарской еды!

Что же остается? Идти на подлог, на преступление? Гадалка так и сказала: «Купите ребенка в роддоме». Но опять-таки — у кого купить, за сколько купить? Денег было совсем мало, да и оторвыша с чужой пролетарской кровью ей иметь в семье ну никак не хотелось.

Вся ее налаженная и спокойная жизнь сразу покатилась под откос. Глупая девчонка! Надо же было тогда так по-глупому залететь! Конечно о «рожать» тогда не могло быть и речи, их семье не нужен был зять из рабочей семьи, они с мужем всегда действовали с дальним «пристрелом»- например, уровень сына министра области их вполне устраивал. Только вот детей у ее невезучей дурынды не будет никогда. И гадалка ее сказала об этом на последнем сеансе, и даже не взяла предложенные деньги «чтобы решить проблему», хотя жадностью обладала чрезвычайной.

Она давно уже считала свой снобизм чем-то естественным, она срослась с этой маской уже давно, забыв начисто о своем происхождении, хотя сама она была из простой рабочей семьи. Семья ее жила в двухэтажном стареньком доме на окраине города, она ходила в обычную школу, да и замуж-то вышла без большого прицела на будущее. Правда, мать ее мужа была торговым работником в местном универмаге, но ей казалось, что этот факт не сыграл никакой роли в ее желании выйти замуж за ушастого однокурсника с хитрой улыбочкой, и двумя или тремя приводами в милицию за «фарцу».

Зато дочь ее училась в самой дорогой частной школе, закончила престижный факультет в Университете, устроилась работать в банк, и там познакомилась ос своим мужем, который в

свои неполные 26 лет имел уже приличное количество зарубежных стажировок. И очень хотел «там» остаться насовсем, что не устраивало его семью вообще, и особенно его папу — категорически. Поэтому ей и удалось так быстро окольцевать «болвана», как она внутри себя называла своего зятька. Но что делать с ребенком?

Полгода-год у нее еще есть в запасе, а дальше вездесущий министр положит ее дочку на обследование, ей сделают все анализы, и все откроется, и она, и ее муж, ее семья — станет нищими..

К тому же, если думать о покупке чужого ребенка, не факт, что свекор не захочет провести генетическую экспертизу, детки растут похожими на своих родителей (чтобы им пусто было!) и где она возьмет такого вот лопоухого болвана, как ее зять?

Конечно, если бы зять был с ней заодно, можно было бы попросить его кого-то обрюхатить, а потом уже купить этого ребенка. Но он — тупой и рафинированный болван. И никогда на это не пойдет, тем более, что по виду он все больше напоминал ей гея. То ли в зарубежных командировках ему «открыли» эту часть жизни, но одевался он в узкие брючки и короткие вельветовые или бархатные пиджачки. И, в общем-то, она поймала себя на мысли, совершенно не интересовался ее дочерью, как женщиной. Но на это обстоятельство ей было совершенно наплевать, свято место пусто не бывает, найдет себе рано или поздно мужика по душе. Главное, чтобы это не мешало семейной жизни. А для этого нужен ребенок. Очень нужен. Очень. Для счастья дочери (и своего, конечно) стоило рискнуть. Хотя какое это счастье, житье с этим мажором безбашенным…

* * *

Спала я плохо, снились какие-то кошмары, которые я не запомнила, совсем, просто мерзкое ощущение осталось от ночного сна.

Открыв глазарано утром в своей палате, я поняла — отсюда надо выбираться и немедленно! Мой внутренний голос уже не шептал мне, а кричал в полный голос «опасность!» Поскольку от мужа не было ни слуху, ни духу, а телефон у меня украли, я решила действовать самостоятельно, и лежа на кровати (ура частным клиникам!), включив музыкальный канал на маленьком плазменном телевизоре, закрепленном на стене двумя болтами, в которомпоказательно и неприличнокривлялась, фальшиво закатывая накрашенные глаза, очередная раскрученная

«звездочка», начала перебирать варианты своего бегства. К этому вопросу надо было подойти с медицинской точки зрения.

Первое — выпроситься, придумав симптомы того же острого живота, и поехать на консультацию в другую больницу, и оттуда попросту сбежать через служебный выход. Этот вариант не прокатывал — всех консультантов приглашали в Центр, видимо платили много. Так что…

Второй вариант — симулировать отравление, и попасть на Скорой в инфекционную больницу. Но поскольку беременность на самом деле имело место быть, я не могла так рисковать здоровьем будущего ребенка. К тому же мне могли прямо здесь, в палате, тупо поставить капельницу с глюкозой, или вообще, вколоть что-тио не то.

Третий вариант — свинтить ночью отсюда. Вариант совсем нереальный, учитывая охрану, высокий забор вокруг здания и камеры на стенах.

Четвертый вариант никак не приходил мне в голову, и я решила прогуляться по коридору отделения, понаблюдать, и заодно развеяться от грустных мыслей.

В коридоре было пусто, даже медсестры на посту не было. Тихо работал, уже ставшийтрадиционным кондиционер, чуть шевелились листки назначений на углу стола, придавленные стопкой положенных на них историй болезней. Поддавшись вполне оправданному любопытству, я решила поискать свою карточку, но почему-то ее не нашла. Зато обратила внимание, что на верхней лежащей в стопке истории болезни был нарисован красным фломастером красный квадрат. А в строчке «диагноз» было написано «Акардиальный монстр». Я судорожно начала вспоминать что же это такое, но кроме того, что это один из пороков внутриутробного развития плода, не могла вспомнить ни капельки, ни строчки. Справочника здесь не достать, телефона, через который я могла выйти в интернет и поискать информацию там, у меня не было. Что оставалось делать? Надо поискать компьютер в ординаторской, решила я, он наверняка там есть. Только вот пароль я вряд ли смогу подобрать.

В этот момент мне пришла в голову спасительная идея. Многие девушки и женщины моего возраста целыми сутками сидят в сети, переписываясь с одноклассниками, знакомыми и незнакомыми людьми в социальных сетях. Надо изобразить, что я одна из них. И попросить включить компьютер хотя бы на полчасика. С твердым намерением дождаться дежурную медсестру, я заняла стул около ее столика, и мои усилия были не напрасны: медсестра подошла ко мне с дежурной улыбкой, которая лет сто пятьдесят назад могла быть названа стандартно:

«Чего изволите?» и показывала, что медсестра еще не в теме, ни по убийству доктора, ни по тому, что меня здесь, судя по поведению вчерашней постовой сестры, стали подозревать.

— Извините, у меня к вам большая просьба, — обратилась к медсестре я с самым заискивающим выражением, на которое только была способна в этой ситуации. — Я телефон дома забыла, а очень хочется в интернет зайти, у меня там профиль в «Купи ВИП», и я уже столько распродаж пропустила, пока лежу здесь…

— У нас не разрешают вообще-то, — приветливо ответила мне медсестра. До сегодняшнего дня я ее здесь не видела ни разу. Новенькая? Совмещает?

— Ну, миленькая, ну пожалуйста…

— Хорошо, я провожу вас в ординаторскую, компьютер у нас только там.

Вытащив из кармана халатика маленький ключ, медсестра открыла дверь в Ординаторскую и включила стоящий на столе компьютер.

— Вам достаточно полчаса будет?

— Да, вполне, спасибо большое…

Я открыла поисковую систему и уже хотела набрать словосочетание «акардинальный монстр» но внезапно остановилась. Ссылка останется в памяти компьютера, и что? Нет, этого делать никак нельзя, за мной видимо пристально наблюдают, не думаю, что у каждой пациентки в этой клинике воруют из сумочки мобильный телефон.

Задумчиво посмотрев дикие по своей заоблачной стоимости предложения на сайте «Купи ВИП» я удивилась, неужели кому-то приходит в голову покупать босоножки за 15 тысяч рублей, без возможности их примерить?

Но идиоток на этом свете хватает, и «чем бы ребенок не тешился, лишь бы не вешался». Ладно, решила я. Денис обязательно заберет меня из клиники к выходным, и я уже дома узнаю все подробности странного словосочетания «акардиальный монстр». Впоследствии события показали, как я была права, не набрав искомое словосочетание на больничном компьютере, поскольку была бы тут же схвачена за руку. И бита. Или убита, тут уже как кому нравится.

Странно, но после поступления сюда, в отделение патологии, моя беременность меня совершенно не беспокоила. Прекратились рвотные позывы по утрам, и даже чувство слабости, к которому я уже привыкла за 2 месяца, не было таким изматывающим. Скорее всего, мне здесь давали все-таки какие-то специальные лекарства, или витамины, укрепляющие мой глубоко беременный организм. Или ребенок перестал шалить, и оказавшись в незнакомом месте,

просто напугался. Хотя по сроку он не мог еще мыслить, так как был еще совершенно мал.

Я была совершенно здорова, и совсем не чувствовала ребенка внутри себя, не чувствовала никакой ответственности. Может он растворился?

Я легла на кровать в своей палате и попыталась представить, поглаживая себя по животу, каким родится мой малыш. Конечно, он будет умным, в меру подвижным и очень сообразительным. Не капризным, добрым, очень ответственным мальчиком. Я почему-то даже не допускала мысли, что у меня может родиться девочка. Может потому, что никогда с девочками и не дружила. Мальчишки всех возрастов были моей компанией в школе и во дворе. И я считала это нормальным и естественным. Хотя мои одноклассницы пребывали уже класса с пятого в каких-то своих секретах, тайно писали мальчикам записки, дарили им подарки на 23 февраля. Я закончила обучение в своей школе, так и не «замутив» ни одного школьного романа. И не жалела об этом никогда. Да и в училище у нас парней практически не училось, была парочка на фельдшерском отделении, и человек пять на зубном. Поразмышляв на эту тему, я вдруг подумала, что, в общем-то, раздельное обучение мальчиков и девочек до революции было делом совершенно правильным, и не отвлекало никого от учебы.

Сейчас я понимала, как ошиблась, не заявив сразу, что у меня украли сотовый телефон. На этом факте можно было бы даже устроить скандал и покинуть территорию этой странной клиники. Сейчас это делать было бы уже совсем глупо.

Спать не хотелось совершенно, и я опять вышла в коридор. Трибеременныепациенткицентра сидели в столовой с листочками бумаги и ручками в руках, и, по-моему, играли то ли в «Балду» то ли в «Морской бой». Приблизившись к ним поближе, я увидела, что это обыкновенные карты, девицы резались в подкидного дурачка. Сдавала крупная девица, в пестром халате с драконами, и спутанными черными волосами, очень похожая на цыганку. Две других были совершенно невзрачными, обе светленькие, с грязными волосами до плеч. Присмотревшись к ним, я поняла, что они, скорее, всего родственницы: разрез глаз, форма носа и выступающий вперед подбородок, похожий на лошадиную челюсть одной популярной телеведущей отчетливо показывало между ними кровную, родственную связь. Играть мне с ними расхотелось, потому что я органически, до рвоты, не переношу цыган. Да и в карты никогда не играю.

Я мило улыбнулась и прошла мимо, почувствовав чей-то внимательный и неприятный взгляд между лопаток.

Больше в этот день никаких событий не произошло, и я легла спать, втайне надеясь, что сон приблизит мою встречу с мужем. А, следовательно, и мою выписку домой.

Я — ошибалась.

Глава 4

Его с института друзья звали «Гном». Ему нравилось это прозвище, он понимал, что, сколько не накачивай физику в тренажерном зале, а стать выше, еще подрасти от своих 160 см роста ему «не светит». Поэтому он всегда в институте и в школе влюблялся в «дюймовочек», хотя в глубине души ему нравились женщины высокие и статные. Да и вообще он любил женщин, иначе разве бы он, круглый отличник, стал акушером-гинекологом? Все его друзья, даже те, кто не очень хорошо учились в институте, мечтали о большой хирургии, а тут… Возможно, что любовь ко всем женщинам у него была связана с ранней смертью матери. Ее сбило машиной во дворе старого дома, куда она приходила на вызов к больному астмой ребенку со своего поликлинического участка. Ему тогда было лет 7, и он очень скучал по маме, когда ее не стало, отец сказал ему, что мама уехала надолго, навсегда, и даже не взял его с собой на похороны (чего он отцу до самой его смерти так и не простил). Он хотел прижаться к маминым коленям, поесть теплых и вкусных блинчиков, которые мама пекла не только на Масленицу, в то время мало кто знал, что это за праздник, блинчики с вареньем они ели на завтрак по выходным, когда родителям не надо было спешить на работу, а ему в школу. Мама ушла очень молодой, ей было чуть за 30, видимо это одиночество, без мамы, без старшей или младшей сестры (ни так и прожили с отцом всю жизнь вдвоем, пока тот не умер), и привело его в акушерство и гинекологию. Столкнувшись с такой операцией, как аборт, он был шокирован, но быстро смог убедить себя, что так будет лучше, мучение растить и воспитывать нежеланного, или больного ребенка было большим, чем необходимость потерпеть боль и унижение на гинекологическом кресле в абортарии 20 минут. Он очень берег и щадил, и искренне любил всех женщин, с которыми сталкивался в рамках работы гинекологом или акушером в разные годы своей практики. И женщины отвечали ему взаимностью, очень любили и ценили его, ладного, хоть и небольшого роста, мужчину, интеллигентного, с аккуратно подстриженной бородкой на скандинавскийманер… Гинеколога, акушера, просто хорошего врача.

Именно эта «всенародная» любовь и привела его на эту должность, о чем он уже давно жалел, и не мог уйти, потому что деньги здесь платили не просто приличные, по медицинским меркам. Деньги здесь платили колоссальные. А значит, надо было соблюдать осторожность, и хотя он уже понял, что происходит, по

сути, «в глубине» этой клиники, но не торопился уходить, еще и потому, что достать, догнать, и уничтожить его могли и на другой работе. Вход — рубль, а выход — два. Судьба женщин в стенах этой клиники была ему не безразлична. А это значило одно, надо было срочно придумать, как эту маленькую, щуплую медсестру с мужем-милиционером спасать. Потому что он ясно понял, что имела в виду его начальница, кивнув через плечо мерзкой стерве, палачу клиники, «медсестре для особых поручений», выходя из палаты этой маленькой, на раннем сроке беременной девочки. Щупленькой и худенькой их коллеги, молодой, но отважной девочки-медсестрички той клиники, вступившей в схватку с черными трансплантологами, в обычной районной больнице, где с ее помощью была раскрыта афера по незаконной пересадке трупных органов в позапрошлом году. Над этим надо было еще хорошенько подумать, потому что ценой своей жизни, и жизни своих близких Гном никого уже спасать не хотел.

* * *

Утром мне объявили, что меня везут на обследование околоплодных вод в Областной центр медицинской Генетики. Поскольку я уже успела встать на учет в районной женской консультации, причем у знакомого мне врача, и даже разок сходила там, в женской консультации, на первичное УЗИ, и точно знала, что никаких генетических заболеваний у меня и у будущего ребенка нет, и быть не может. И я, и Денис, вели здоровый образ жизни, женившись на мне, мой Денис даже бросил курить. Он не пил, я так же не брала в рот и капли спиртного. Оно вызывало у меня жуткое головокружение, даже в малых дозах, и неукротимую рвоту. Мать с отцом никогда бы не попали на работу в Миссию Красного Креста за границей, если бы имели любую болезнь, или хотя бы одну проблему со здоровьем. Но минутку поразмышляв, я решила, что шанс позвонить моему недотепе-мужу явно будет выше на «чужой территории», не связанной с этим центром, не стала спорить, и через десять минут одевшись бодренько спустилась вниз. Сопровождать меня поехал симпатичный интеллигентный мужчина с бородкой. Улыбчивый и спокойный, мне сразу рядом с ним стало хорошо, несмотря на то, что за руль автомашины сел тот же верзила-охранник, который был в центре, когда меня оформляли на госпитализацию сюда. «Образина» у охранника была довольно мерзкая, по виду типичный киношный злодей, широкоплечий, высокий, сутулый, с выпирающей нижней челюстью, плохо выбритый и очень злой.

Пока мы ехали до здания, в котором располагался Центр медицинской генетики, в машине все молчали. Но как только я вышла из машины, через дверь, услужливо распахнутую передо мной сопровождавшим меня врачом, и вошла в холл Центра, врач развернул меня лицом к себе и сказал нечто такое, от чего у меня подкосились ноги, и сильно закружилась голова.

— Тебя узнала наша главная, по той истории с органами, и тебе надо срочно бежать. Тебе есть куда?

— Нет, нет… — Я сильно помотала головой из стороны в сторону, пытаясь отбросить саму мысль о том, что попав в очередное полукриминальное медицинское учреждение, я еще и была узнана, а значит, меня просто и легко могли физически устранить.

— Соберись, и напиши телефон мужа твоего, у нас мало времени.

— Я помню только телефон дежурного СОБРа. Мобильные мой муж теряет постоянно, вот новый купил только на прошлой неделе, я не запомнила его номер.

— Ладно, телефон СОБРа я найду сам, на крайний случай туда подъеду.

— С Вами там просто никто не будет говорить…

— Что же делать? У тебя есть, где спрятаться?

— Только в деревне, я назвала деревню тетки Татьяны. Это, хоть и было опасно, и все это могло быть банальной проверкой, но все-таки, я подумала, что она до приезда Дениса способна будет меня и ребенка защитить.

— Я вызову тебе такси, и оплачу, до деревни.

— Тогда они меня махом найдут, пробить заказ такси две минуты.

— Тогда возьми вот деньги, здесь сорок тысяч рублей. Я вчера зарплату получил, бери, не обижайся. Бери и беги, спрячься где-нибудь получше, да подальше. Правда, ты далеко не уедешь, паспорта-то у тебя нет?

— Нет, он в центре, или у мужа, я не знаю…

— Все. Время закончилось, давай бегом в тот правый коридор, там есть служебный выход на улицу, да смотри, или на транспорте езжай, или частника бери.

— Поняла. Спасибо. А Вы как? С Вами что будет?

— Ничего не будет, я скажу, что ты попросилась в туалет и сбежала. С учетом твоего личного участия в той истории «черных трансплантологов» двухлетней давности, твоей хитрости мало кто удивится. Беги!

— Спасибо за деньги. Я отдам. Денис отдаст…

Не дожидаясь пока я закончу свою мысль, доктор развернул

меня спиной к себе и придал моему движению легкое ускорение. В сторону коридора, выводившего на служебный вход.

Голова кружилась, стены качались, вот такой неожиданный разворот приняла эта история. Но как бы то ни было, мне удалось без препятствий выбраться через служебный выход, на другую улицу от той, где припарковался на стоянке генетического медицинского центра образина-охранник. Было тихо и солнечно, к остановке неподалеку подходил трамвай. Я сочла это знаком, прибавила шагу, и через минуту уже вошла в трамвай через приветливо распахнутую дверь.

Узнать конечную остановку данного маршрута было делом техники, тем более, что в нашем периферийном городе не было билетных трамвайных касс на входе, как в том же Питере, или в Москве, а сидела обычная билетерша, кондуктор, которая продавала билетики, и раз в две минуты протяжно затягивала стандартную для кондукторши «речевку»: «Оплачиваем проезд, граждане! Проходим вперед, не задерживаемся в дверях! Оплачиваем своевременно проезд!»

Я, стараясь изо всех сил стать как можно более незаметной, тихо присела на свободное место, пригнула голову вниз (мало ли где этот трамвай проедет, может мимо верзилы-охранника), тихонько спросила бравого седовласого старичка на соседнем месте:

— Вы не знаете, какая конечная у этого маршрута? Куда трамвай идет?

— До Прудов.

— Понятно.

Прудами у нас назывался отдаленный и очень неспокойный в криминальном плане район. К тому же, если меня и будут искать по ходу трамвайного маршрута, так это на конечной остановке, поэтому мне надо было ехать тихо, но внимательно следить затем, где мы едем, чтобы правильно решить, где же все-таки мне из трамвая выходить. Пока мы ехали, остановка к остановке, неспешно удаляясь в противоположную центру города сторону, где я лежала в медицинской клинике, и где я жила, я быстро прикинула, что сорок тысяч — это довольно крупная сумма, на которую я могу уехать из города на некоторое время совсем. А потом уже, с дороги, позвонить Денису. Поскольку по логике мои преследователи меня будут или дома искать, или у Дениса на работе.

— Следующая остановка Речной вокзал! — Пропела кондуктор. — Заранее готовимся!

Это решило дело. Я встала и пошла к двери, решив, что уж с Речного вокзала я куда-нибудь, да доберусь, а искать на реке

меня никто не будет, учитывая мое «интересное положение» и логику «недетективов», а обычных нормальных людей.

* * *

Гном знал, на что идет, отпуская девчонку. Он хорошо понимал, что с ним расправиться его начальству — «два пальца об асфальт». Но что-то ему подсказывало, что быстрых разборок с ним пока не будет. Во-первых, не доказано никем, что побег бойкой медсестрички, уже поднаторевшей в подобных приключениях, был инициирован им самим. Во-вторых, он и сам не знал, куда она пошла, и где сейчас находится. А ее мужа он и не собирался искать, себе дороже. Пока он работает в этом центре, ему удается хоть немножко нивелировать преступления своих коллег. Уйди он с работы, или если его, как его молодого и наивного коллегу «уйдут», кто будет помогать этим несчастным, брошенным на испытания экстракорпорального оплодотворения их мужьями — женщинам? Он должен держаться, и максимально правдоподобно сыграть свою роль перед ликом его жестокой и умной начальницы. В такой ситуации надо избегать любой болтовни по теме, и любых контактов, только тогда может быть получится и самому остаться на работе, и тайну сбежавшей медсестры все-таки сохранить. Ему повезло несказанно: когда они с охранником вернулись в медицинский центр, там стоял переполох, во всех кабинетах шел обыск, в столовой «царили» следователи из местного райотдела полиции, беседующие с сотрудниками и пациентками, причем со всеми — по одной. Рылись в служебных компьютерах оперативники и криминалисты, и на этом фоне история со сбежавшей из отделения беременной девчонкой как бы отошла на «второй план». Хотя взгляд начальницы ему очень не понравился, он хорошо знал, чем такой вот взгляд ему может грозить.

По чести говоря, он очень устал за время работы в этой клинике, такого количества нервных клеток, и переживаний, он не получил бы, даже если бы работал на вахте в тайге. Он был порядочным человеком, и отличным врачом, он очень любил свое дело, и, в общем-то, в какой-то степени разделял вину, как он считал, за все это беззаконие, что здесь происходило у него на глазах. Но медики тем и отличаются от всех остальных профессий, что склонны всегда оправдывать даже перед самими собой все свои действия и поступки. И сам факт работы врачебного коллектива с людьми, и избавление этих людей от проблем, или болезней, было само по себе оправданием. В

данном случае лечение женского бесплодия, и последующее родовспоможение, по сути — облегчение женщинам их осложненных оплодотворением «в пробирке» последующих непростых родов — по мнению подавляющего большинства его коллег, всего их коллектива, как бы оправдывало и искупало ВСЕ, что происходило в их центре «за рамками» существующей в их профессии законности и закона.

Надо было жить дальше, несмотря ни на что, и делать свое дело, по мере возможности.

Это он для себя давно решил.

* * *

Звонить Денису отсюда, с вокзала я не собиралась. Во-первых, у меня не было с собой мелочи, во-вторых я не помнила его мобильный телефон. Муженек был редкостной бытовой растяпой, терял по телефону раз в месяц, ну или раз в два.

Уехать в круиз мне было по карману, несмотря на потрясающую дороговизну путевок, но у меня не было с собой удостоверения личности, путевку не продадут. А вот билет на ракету или метеор купить и без паспорта было можно. И в городе мне не стоило надолго задерживаться, лучше уехать, если не подальше, то поглуше. Ругая себя за то, что я сказала доброму доктору название деревни тетки Татьяны, я старалась себя успокоить. Не стоило ему меня спасать для того, чтобы рассказать о моих возможных передвижениях. Но сердце все равно неприятно «екало» внутри, как только я начинала вспоминать подробности нашего разговора. Размышляя, куда же мне лучше взять билет, я подошла к кассе речного вокзала. Ближайшим был рейс на Казань, правда в пути будет немногим менее пяти часов, дело весьма утомительное. И вдруг в этот момент я увидела, что в речной вокзал входит довольно большая группа людей, и, судя по разговору, люди эти шли с экскурсии по нашему городу на свой круизный, или туристический теплоход. Я спросила кассиршу — что за рейс стоит на причале, и есть ли билеты на этот теплоход. Получив ответ, что это обычный пароход, который плавает по расписанию, а не как круизный лайнер, и, узнав, что я могу купить билет на этот рейс, поскольку теплоход заполнен, судя по всему, только на две трети, я решилась, и взяла именно на эту поездку довольно дорогой билет. В пути до конечного пункта, деревеньки с кучей рыбацких гостиниц, где сейчас должен был начаться рыболовный чемпионат, расположенной на высоком берегу Нижней Волги, теплоход должен был плыть две ночи и два

дня. Все это мне подходило, ни много, ни мало, другая область, и в принципе не так уж и далеко. Да и публика мне показалась приличной. Как бы то ни было, билет я купила, и решительно перешла по шаткому мостику (кажется, он называется «сходни», от слова «сходить»). И оказалась на покрашенной в голубой цвет палубе двухпалубного старенького теплохода, который покачивался из стороны в сторону на волнах речного прибоя, как бы приглашая радушно в рейс.

Моя каюта находилась не в трюме, во втором классе, на второй палубе, причем позади. Крохотная одноместная комнатушка была весьма убогой, но белье было чистым, постель ровной, хорошо запиралась дверь. Я дождалась момента, когда мы отчалим, и в полуобмороке свалилась спать. День выдался непростым, но, в общем, довольно для меня удачным. Денис ближе к вечеру все равно не станет меня в клинике искать, или навещать, а значит решать вопрос, как мне с ним связаться, можно было утром. Устала я настолько, что даже не стала выходить из каюты и узнавать, где здесь можно покушать. На столике в каюте стоял старомодный стеклянный графин с прозрачной водой, и на удивление чистый стакан. Так что все было вполне прилично.

Хотела я спать ужасно, но сон почему-то ко мне не шел. Мешала мысль, что я нахожусь в большой груде железа, которая, чуть что, может и утонуть. Речные катастрофы в последние годы проходили чуть ли не регулярно. Или про них просто в последнее время журналисты стали больше писать и снимать. Но желающих провести свой отпуск «на воде», судя по ценам на билеты, меньше не становилось. Хотя я не понимала этого удовольствия, каюты маленькие, душно, а вода она по мне — так везде вода. Если же еще ходить в буфет или ресторан и «поддавать» алкогольного допинга там регулярно, так вообще утонуть можно, ненароком свалившись за борт, не знаю, примета это или народная мудрость, но я часто слышала выражение «вода пьяных не любит», и на самом деле это было именно так. Когда я училась в школе, утонул мой сосед, единственный сын у родителей, Виталик. Он был по возрасту даже младше меня, поехал с родственниками на рыбалку. Выпили, или попросту — пили, и он начал тонуть, свалившись за борт лодки. Так его пьяная родня, по слухам, отталкивала веслами от лодки, чтобы он и их не перевернул, не утянул за собой. Так и утоп, я представила его предсмертный ужас, пожалела, что у меня нет снотворного, с такими мыслями пытаться уснуть было просто невозможно. Поэтому я решила прогуляться по палубе, и может быть познакомиться с кем-то из туристов, путешествующих на судне, кажется оно, судно это,

называлось гордо именем известного классика-баснописца: «Теплоход Иван Крылов». На палубе задувал нехилый ветерок, было прохладно и очень тихо, даже чайки не кричали, за бортом качалась темная вода. Стараясь не смотреть на воду, чтобы не задумываться, сколько у нас «футов под килем», я огляделась по сторонам. Две читающие под фонарем (судя по обложке — женский роман) книги с нарисованными на них крупными красными сердцами, бабки. Два мужчины средних лет курили подальше, на носу. Речь мужчин мне была не слышна, но жесты их были приблатненные, показные. Я оглянулась назад, там, на самой корме, палубу мыл, кажется, это называется у моряков «драил», молодой рыжий и конопатый матрос. Вот с него и начну, решила я, и медленно пошла к нему навстречу, решая в деталях, как ему объяснить свое одинокое пребывание на данном теплоходе.

— Привет.

Паренек резко обернулся. Взгляд его показался мне испуганным, интересно. Почему?

— Здравствуйте.

— Скажите, а где у вас находятся спасательные жилеты? Так получилось, что я путешествую одна, хотела лечь спать, а пароход качает, и мне стало страшно…

— Боюсь воды, с детства, и боюсь во сне утонуть.

— Спасательные жилеты есть в каждой каюте, над койкой есть ящик. Жилет в нем.

— Спасибо.

Говорить было больше не чем, и паренек отвернулся. Всем видом показывая мне, что ему некогда попусту «лясы точить». «Придумаю что-нибудь для общения и социализации здесь завтра», решила я сразу, мне полагается сейчас отдохнуть, поспать. Утро вечера мудренее, как в народе говорят. Сегодня даже лучше побыть подольше в каюте, догонять меня на реке, скорее всего, не будут, но все-таки… Лежа в каюте, я долго не могла уснуть, потому что ощущала кожей, как подо мной колышется, шевелится, как живая, живет своей жизнью, дышит, глубокая и холодная река. И от этого мне было неуютно и страшно.

* * *

На столе неаккуратной стопкой лежали медицинские карты выписанных из центра, уже родивших детей женщин. Впервые она чувствовала, что если попробует закурить сигарету, то стоящий в

ее кабинете мужчина увидит, как дрожат кончики ее пальцев. Он не кричал, он говорил тихо, но в каждом слове было столько холодной ярости, что несгибаемая главврач частного медицинского гинекологического центра, хорошо понимала, такой голову оторвет голыми руками и не моргнет глазом. Но характер ее работы всегда требовал немалой выдержки, поэтому когда мужчина сделал паузу, она спокойно (как ей показалось) ответила:

— Ваша жена сама решила убежать из центра генетики, вероятно, у нее на это было веские причины. Вы же ее сюда добровольно привезли? Никто Вас сюда не гнал?

— И что вы кричите тогда на меня, я не сыщик, это вы сыщик, вот и ищите свою жену сами. И потом, насколько я знаю, она у вас любительница побегать.

Денис не ответил, это было ни к чему, он развернулся через плечо, по военному, и вышел молча, при этом хлопнув дверью так, что с книжной полки в кабинете главврача слетел вниз и разбился вдребезги маленький хрустальный аист, какой-то там приз на европейском междоусобчике, она даже и не вспомнила уже, на каком.

Пока он шел по коридору, в голове крутилась последняя фраза чертовой стервы: «она у вас любительница побегать». Ну конечно! Олеська сбежала потому, что ее узнали, вернее, кто-то узнал ее, принимавшую активное участие в разоблачении банды «черных трансплантологов». Что же он наделал…

Своими руками привез жену, не думая о том, что любые медицинские противоправные действия или делаются, или прикрываются одними и теми же чиновниками… Теперь только ждать, когда его жена сама выйдет на связь. Идею съездить к ее знакомому Славе в психбольницу или к тетке Татьяне Денис, как опытный сыщик, отверг сразу, еще не хватало показывать врагам места, где могла укрыться его беременная жена. Нет, только ждать, сжать зубы и ждать. Только это и остается.

На крыльце нервно курил сыщик из убойного отдела полиции области.

— Подполковник СОБРа — представился Денис.

— Майор Вишняков — хмуро ответил коллега. — Вы тут, коллега, по какому поводу? Вроде СОБР убийствами не занимается?

— У меня жена лежала на обследовании, видимо что-то заметила, и убежала. И домой не пришла.

— Беременная? Жена-то?

— Да, но срок ранний.

— В какой палате лежала?

— Не могу сказать, в отделении на третьем этаже, патология беременности.

— Я уточню, у них наверняка есть виденаблюдение в каждой палате, может убитый доктор с ней имел контакт, перед тем, как его убили.

— Если и есть что-то подобное, наверняка они уничтожили запись.

— Не факт, главврачиха нервничает сильно. И не факт, что бытовуху (а убитый молодой доктор мог быть и ее любовником, дамочка в критическом возрасте «ягодки опять») прикрывать ее служба безопасности станет. Спасибо за идею и инфу, я побежал, пока горячо.

Денис же уныло сел в машину, и по дороге заехал в минимаркет, купив привередливому коту Касьяну дорогой тошнотворного вида корм: он и поехал в центр планирования семьи узнавать про жену именно потому, что кот со вчерашнего вечера демонстративно отказывался от любой пищи. Чуял…

* * *

Она проснулась без будильника перед рассветом. В спальне уже стояла предутренняя дымка, вот-вот рассветет. Она потихоньку откинула одеяло, накинула халат на плечи, спустилась вниз, поставила на плиту красный в белых горошках эмалированный чайник. Чаю она не хотела, она не хотела ничего, даже не хотела жить, но надо было как-то двигаться, и что-то делать, чтобы хотя бы движениями заглушить эту дикую боль внутри себя.

Ее мать и бабка приучили вставать рано, в полпятого утра, ее семья всегда держала домашний скот, и птицу, и в это время надо было уже вставать доить корову. Сейчас вставать такой надобности уже не было, в их с мужем крестьянском хозяйстве все было автоматизировано, и дойка проходила в другое время, в шесть часов утра. Все были как замороженные с того момента, когда ее муж привез обратно из города в их просторный и большой дом. Она не могла без содрогания и слез проходить теперь мимо комнаты, в которой они подготовили спальню для маленького: голубые занавески с зайчиками, голубой пушистый ковролин на полу. Врачи советовали линолеум или ламинат, чтобы было удобнее делать влажную уборку, все-таки маленькому ребенку потребуется в спальне чистота! Но они купили какой-то мощный пылесос для влажной уборки, и по этому случаю ей удалось мужа убедить, что малышу будет очень уютно на таком

теплом и пушистом полу, покрытом ковролином. Да уж, такого ужаса — потерять в родах ребенка, никто от нее не ожидал. И как всегда, винила она во всем одну себя. Не надо было туда ехать, надо было рожать в своем районном, маленьком родильном доме. С знакомыми до боли акушерками, которые еще принимали роды у ее матери и старшей сестры. Ей бы сейчас сходить на кладбище к маленькому, уткнуться в могилку лицом, вдоволь поплакать…

Но ей так и не выдали тело ребенка, сказали, что не положено, типа у них какой-то приказ детей, которых мать даже на руках не держала, в одной общей могиле хоронить. Эта мысль ее добила, мало того, что не смогли ее ребеночка сохранить, так еще и похоронили, как собаку… Она прижала к лицу руки, и беззвучно затряслась в рыданиях. Поплакав минут пять, или десять, она почувствовала, что ей стало легче. Со слезами вытекла ее боль. На какое-то время этого хватит. Чай пить она не стала, потихоньку прошла в хлев, там сонно заворочался поросенок, шумно вздохнула корова. Куры, как всегда, с опозданием вскинулись, и захлопали крыльями, виновато кукарекнул проворонивший приход хозяйки молоденький глупый петух.

«Вялый какой-то, хоть и дорогой» — отметила она машинально, за скотиной на крестьянском подворье родителей она ухаживала лет с пяти. Сначала помогала матери, потом старшим сестрам, распорядок в крестьянском хозяйстве был жесткий, ранний подъем, весь день работа по распорядку, и очень рано все ложились спать. Как стемнеет, никаких танцулек, какие танцульки, когда скотины полный сарай. Ей нравилась эта спокойная и неторопливая жизнь, ей не хотелось в город, несколько раз она ездила туда, сначала выбирать платье к выпускному вечеру в школе, потом перед свадьбой, в магазин для молодоженов. В городе она терялась, а здесь расцветала, расправлялась вширь, как распевалась ее душа. Казалось, при такой жизни ей ничто не угрожает, хорошие любящие родители, добрый и работящий муж. Как говориться, от беды не зарекайся…

Автоматическими движениями она наломала хлеба с двух черствых буханок (они с мужем брали в местном магазине засохший хлеб по дешевке), насыпала из мешка отрубей, залила все это водой, отдала поросенку. Поросенок вскинулся, и кинулся активно из миски жрать, вечно голодный. Хотя спросонья еще стоял неуверенно на ногах, шатался. Не зря говорят про лень и аппетит свиней, все так и есть, отметила она.

Кинув корове приличный сноп свежего сена, она взяла с полки рядом пустое ведро, повязала на голову косынку, обтерла вымя влажной тряпкой, села на маленький стульчик и начала

корову доить, оттягивая и сжимая ее соски на вымени внизу. Струйка молока ударила звонко в дно ведра, потом вторая, потом ведро уже начало наполняться. Все было, как всегда. И не так, как раньше, она это чувствовала душой. И ей почему-то было очень жаль поросенка, которого к Новому году должен был зарезать муж…

Прикрыв ведро с молоком заранее припасенной большой и много раз стиранной салфеткой из нескольких слоев марли, она уже было шагнула к выходу, надо было принести молоко на кухню, процедить, разлить по банкам, тщательно проверив, чистые ли они, и сухие ли. Эти банки с молоком в ближайший коттеджный поселок возил продавать на мотоцикле с коляской ее муж. Это давало семье около двух тысяч в день. Скажете, много, но на самом деле и ветеринар, и корма…

Но когда она вошла в кухню, увидела там, кроме матери и бабки какую-то женщина средних лет в белом прозрачном платке. Женщина сидела за столом, и как-то странно вглядывалась в нее, как будто хотела увидеть ее затылок.

— Дочка, познакомься, это тетка Настя, она гадает и видит срытое от людских глаз.

Мать привела все-таки бабку, сдержала слово. Сейчас самое главное, чтобы не проснулся муж, а то он такой скандал устроит..

— Садись, милая, дай посмотрю на тебя. — Голос у Насти был низкий, с придыханием, да и вообще она чем-то была внешне похожа на цыганку. Ладно, пусть. Наверноеэто недолго.

Села.

— Карты подсними — подвинула ей какую-то странную и довольно большую колоду карт Настя.

Она послушно сдвинула стопочку карт.

Настя разложила карты на столе с ловкостью карточного шулера. Смешала, потом разложила опять. Подняла тяжелый взгляд на нее, и сказала странное:

— Деточка, не плач, жив сыночек твой. Жив. Найдешь ты его, но не сейчас, попозже, зимой.

Слова эти поразили, как молнией, всех. Замер даже муж, подслушивающий в дверях, и ни слова никому дурного он не сказал, молча проводил Настю до ее машины, в которой сидел какой-то темноволосый мужчина в вышитой рубашке-косоворотке, видимо, ее муж.

Сумасшедшей назвать гостью ни у кого из присутствующих просто не поворачивался язык.

Она же стояла и не знала, что делать, так и не могла ничего сказать, так она боялась сглазить. Спугнуть эту неожиданную надежду увидеть ребенка, слова «жив сынок, сынок жив»

крутились у нее в голове…

А на кухне плакали мать и бабушка, обнявшись, они плакали горько, и тихо. Настоящее горе давит на сердце, как камень, оно забирает у человека много сил, тут громко не покричишь.

* * *

В морге родильного дома была комната, в которую заходить имел право только один человек. Он не был патологоанатомом, он был завхозом роддома. И он хоронил маленькие тельца, оставшиеся после неудачных родов в одной общей могиле на небольшом кладбище неподалеку. Старостой кладбища работал его младший брат, видимо, поэтому и появилась эта должность, даже во времена СССР были «рабочие моменты», которые официальная медицина старалась тщательно обходить. А уж тогда порядок был в медицине, не чета тому бардаку и беспределу, что сейчас творится. Никто не знал, почему матерям, потерявших ребенка в родах, тельца малышей не выдавали хоронить. Скорее всего, из-за того, что часто мертворожденные дети были с такими сильно заметными врожденными уродствами, что показывать их обычным советским людям не стоило. Ну, есть какие-то рамки в жизни, которые надо было, хотелось соблюдать. Традиция продолжилась и после перестройки, правда тогда были и послабления, желающие похоронить своего ребенка сами, могли это… купить. За небольшую, естественно, цену, и с пожеланием «никому об этом не рассказывать, не говорить». Сейчас все было поставлено на «широкую ногу», его вызвали с пенсии, в возрасте 62 лет, чтобы он делал свое дело, после того, как их районный роддом попал в какую-то областную программу, и они стали направлять женщин в город рожать. Типа там был какой-то центр планирования беременности, который, типа для науки стал брать их районных рожениц и проводить им всестороннее обследование на современных приборах. Взамен тот центр попросил права хоронить на кладбище районного роддома умерших в родах, не выживших детей. Не сказать, что этих детей стало слишком много. Но количество их всегда было примерно одинаковым, и довольно большим, раньше на весь районный центр за год были два, ну три мертворожденных… А тут в месяц привозили от пяти до десяти трупиков… Странно. Хоронить мертвых детей он ходил раз в неделю. Иногда чаще. Сегодня он насчитал шесть трупиков, они лежали рядочком на секционном столе, и были такие жалкие, маленькие и некрасивые, что у него опять привычно сжалось сердце. Он хоть и занимался

непрестижным, и дажев глазах некоторых обывателей, «грязным» делом, но у него, в отличие от многих молодых, на месте оставались и сердце, и душа. Взяв большой, не промокающий специальный пакет с молнией для перевозки трупов, он аккуратно уложил в него младенцев, плотно, одного к другому. Завернул оставшийся свободным край пакета, прилепил скотчем, чтобы не размотался край. Перевязал для крепости еще несколько раз скотчем, положил на каталку, открыл тугую дверь, выключил кондиционер (пока не привезут из города следующий трупик, он не будет нужен), и покатил каталку через черный ход к своей цельнометаллической, повидавшей много чего на свете «Буханке». И даже если присмотреться и к пакету, и к машине, никто со стороны, даже внимательно наблюдающий за ним в это время, ни за что бы не смог догадаться, что очередная транспортировка, перевозкачерного блестящего пакета пожилым мужчиной в этой потрепанной автомашине — очередной похоронный, скорбный, тайный рейс. Уже находясь за рулем в дороге, он машинально отметил, что мертвые детки опять были похожи друг на друга, один в один. На кладбище все прошло быстро и по-деловому, на входе в кладбищенские ворота его уже ждал брат, молча махнул в правую сторону рукой, это означало, что надо ехать по правой дороге внутри кладбища. Неподалеку от входа была выкопана небольшая могила, меньше, чем обычно, но такой же, как на стандартных похоронах, глубины. Двое рабочих, непонятного возраста и внешности, помогли вытащить пакет с младенцами из машины, положили аккуратно его на дно могилы, и быстро закопали, за каких-то пять минут. Могилу делать не стали, сравняли уровень земли с тропинкой. Он расплатился с братом, вытащив пачку подотчетных денег из кармана, молча пожал всем руки, сел и уехал.

По личной же договоренности его начальство со столичными врачами, и с его младшим братом, говорить кому-то, куда закопали пакет с младенцами, даже если бы их всех стали жестоко пытать, было совершенно недопустимо. Он не понимал этого, но оправдывал такие правила возможностью смерти младенцев из-за врачебной ошибки. Но, все-таки, почему они все были на одно лицо?

Может их клонировали неудачно?

* * *

Вопрос, звонить Денису, или не звонить, решился сам собой: в этом месте, где мы находились, не было мобильной связи.

Трудно представить, что подобные места где-то есть, но факт был налицо. Сначала мимо моей каюты (ложась спать, я открыла с утра круглое окошко, иллюминатор, потому что в крошечной комнатке было ужасно душно) пробежал кто-то из молодых сео-туристов, держа трубку мобильного у уха он кричал в нее «Але! Не слышно! Перезвони!». Потом женщина средних лет на палубе приставала то ли к капитану теплохода, то ли к старпому с вопросом:

— Когда будет слышимость по мобильнику?»

Как бы то ни было, звонить мужу или не звонить, было как бы «палкой двух концах», наверняка после моего побега из клиники, за ним установят слежку. И ни ему, ни мне, этого не надо, защиты здесь, как таковой от преступников в белых халатах нет. Ехать в два надежных места, к Славе, или к тетке Татьяне имело смысл только к концу недели, чтобы преследующие меня люди из центра там уже успели побывать, и поняли, что меня там не было, и нет. У Дениса, правда где-то с соседней области жила престарелая тетка, та самая, что связала мне по случаю моей беременности кофту-монстра. Но к ней мне вообще ехать не хотелось, да и как один останется опять наш кот Касьян? Возможно, в моем решении пока побыть был связи, была и некая месть мужу, создавшего моей нелепой госпитализацией в центр патологии беременных лишние риски. И элементарное желание расслабиться, и отдохнуть хотя бы пару дней. До прибытия теплохода в пункт его назначения. Вот приплывем, и будем думать, звонить или не звонить, и куда потом направляться.

Отдых на воде, как оказалось, был делом вполне увлекательным, наверное, я напрасно осознанно отказывалась от круизов по реке всю свою жизнь. Но у меня была свежа в памяти поездка на выпускном после училища, где все перепились на теплоходе порядочно, и кое-кто из наших однокурсников-выпускников со стоматологического факультета даже чуть по этому поводу не утонул. Проплывая на теплоходе, пусть не самом современном и комфортабельном, мимо заросших берегов реки, я чувствовала себя человеком. Не курортной блохой с огромными чемоданами, и необходимостью занимать лежак на пляже у моря в пять утра, а цивилизованным царем природы, который лениво обозревает свои окрестности, неторопливо прогуливается по палубе, наблюдая за природой и погодой. И может в любое время суток прилечь поспать, или спуститься в буфет вкусно покушать. Еда на теплоходе, надо отдать должное, была обычной, столовской, что-то из стандартной серии «а-ля пюре и гуляш». Вина я по понятным причинам не пила, поэтому о качестве спиртных напитков на борту сказать не могла ни слова. Но судя

по пьяным рожицам туристов, «шибал» местный алкоголь по головам крепко. Поскольку уже утром все были пьяненькие, а к вечеру вчера так пару человек с перепоя стандартно рвало за борт с кормы.

Понимая, что мой скудный послебольничный гардеробчик не вписывается в «правильный» образ отдыхающей туристки, и тем более, женщины, девушки, которая путешествует одна по реке, я старалась без лишней нужды из каюты не высовываться. Чуть менее суток я провела на теплоходе, а уже мысли выправились, стали спокойнее, я философски уже смотрела на мир вкруг, и на происходящее со мной в этом мире.

Рано или поздно, так рассуждала я, сотрудники правоохранительных органов должны найти хоть какие-то зацепки за смерть молодого доктора (как жалко-то его!). После этого внимание тех, кто меня преследовал, будет отвлечено на другие, более важные для них проблемы, мне удастся незаметно позвонить Денису, мы с ним скоро встретимся, и по-другому просто быть не может! К окончанию моей беременности всех этих гадов посадят, и мне придется оставлять с кем-то малыша (надо будет вызвать для этого тетку Дениса), чтобы дать свидетельские показания в суде. Ну что я собственно в центре смогла узнать? Что оплодотворение в пробирке, даже в условиях современной медицины — это не всегда приятно, и часто опасно? Так в этом нет ничего из состава преступления. Врачи всегда смогут доказать, что выкидыш, или смерть младенца произошли по естественным причинам, и без врачебной вины «из вне». Хорошо, а подмена младенцев? Есть такое дело, и, учитывая возможности генетической экспертизы, это даже, скорее всего, получится доказать? Так организаторы подобной схемы, как всегда, объявят виноватыми «стрелочников», дежурных нянечек или акушерок, их спроси, они скажут, что деток подменили из жалости, или по неведению. В картах же всех рожениц с мертвыми детишками черным по белому записано, что младенец умер, пойди и что-то другое докажи! В общем, даже при счастливом раскладе, что мне удастся добраться до мужа живой и невредимой, потом благополучно родить ребенка (это при негласной-то круговой поруке медиков в таком городе, как наш), и потом добиться заслуженного и законного наказания для злодеев, что-то тут попаивало ненаучной фантастикой, или жанром «фэнтези», а никак не реальным положением вещей. В лучшем случае меня оставят в покое, хотя и для того, чтобы это случилось, придется, как минимум, в другой город, или в другую область нам переезжать. И если бы мой муженек был хоть каплю умнее, он бы мне никогда не позволил вляпаться в такую вот историю.

Окончательно испортив себе настроение, я решила пойти и покушать, это лично мне помогало сменить грусть на этакий физиологический послеобеденный позитивчик.

Спускаясь осторожно по крутой лестнице в трюм (буфет здесь располагался не на палубе, а в трюме, видимо, по соображениям безопасности для подгулявших и пьяненьких туристов), я обратила внимание, что вчерашняя пара мужчин, споривших около кормы теплохода, опять были вместе, и снова о чем-то нервно говорили. Один отмахивался, второй буквально наскакивал на него. Мужчины были оба с тату на кистях рук, что говорило, как минимум об их бурной и беспорядочной молодости. У одного сверкал ярко передний зуб, как только он открывал трот, и что-то начинал говорить. Второй мужчина слушал его эмоциональные речи с видимым презрением на простодушном лице. Эта парочка явно не была ни писателями, ни кинорежиссерами. Скорее всего, оба относились к так называемым «представителям преступного мира», проще говоря, блатным. В буфете кроме них и меня больше никого не было. Решив, что разворачиваться и уходить прочь еще хуже, таким нелепым поведением я точно внимание лишнее к себе привлеку, я попросила буфетчицу сделать мне чай зеленый, и дать любую булочку посвежее.

— Обедать не будете? У нас в меню борщ по-флотски, — без эмоционально предложила мне она.

— Я попозже борща, пока хочу чаю.

— Булочек нет, есть вафли, и есть шоколад.

— Только чай тогда, если можно.

— С вас двадцать пять рублей. — Автоматически протянув мне стакан зеленого чаю в мельхиоровом подстаканнике, буфетчица как будто сразу забыла про меня, и переключила свое внимание на мужчин.

И, в общем, не случайно, тон общения явно нарастал. Один из мужчин уже почти кричал, второй, отвернувшись от него, казалось, уже не реагировал на сказанное собеседником, и вообще его не слушал. Внезапно нервный мужчина схватил лежащий на столе нож, и полоснул себе по руке, забрызгав кровью лицо второго мужчины. И тут моя профессия взяла верх над предусмотрительностью, и осторожностью, столь необходимыми для моей же безопасности на моем полулегальном положении. Схватив со стола накрахмаленную салфетку, я кинулась к мужчине, быстрым движением обернула салфетку вокруг его запястья, согнула руку в локте, и прижала сгиб руки к плечу, чтобы пережать сосуды и остановить кровотечение. Мужчина не сопротивлялся, видимо вся его решимость ушла на

этот дикий, по моему мнению, поступок. Второй мужик (отдаленно серыми с прищуром глазами похожий на Василия Шукшина, было в его лице что-то приятно-простецкое) взирал при этих моих действиях на меня с явным интересом. Прибежали какие-то люди, я потихоньку отошла, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, первую помощь я человеку оказала, и здесь наверняка должен быть судовой врач, или хотя бы медик. Как оказалось, я ошибалась, на теплоходе, кроме меня, медицинских работников не было. И в связи с этим мне буквально через пару часов поступило интересное предложение: капитан теплохода был готов меня оформить на работу, причем без предоставления хоть каких-то документов. Объяснил он это так, сейчас все равно у них в пароходстве нет никаких зарплат, а вот сенью, когда судно встанет на профилактику, он мне за работу заплатит. А пока я могу кататься с ними по этой реке хоть две недели, а лучше еще месяц. И вы знаете? Я согласилась! А куда мне было деваться?

По этому поводу помощник капитана провел меня в маленький медпункт, где присутствовал столик для перевязок, два стерильных (типа!) бикса, набор допотопных хирургических инструментов времен Первой мировой войны, видимо теплоход закупил их на заводе медицинского оборудования из запасов неликвидной продукции, по прогулочному бартеру. Но все это было лучше, чем ничего. Теперь мне надо было решать вопрос со связью.

Уже вечером, гордо прогуливаясь по палубе теплохода (все-таки я теперь почти что судовой врач! Надо держать теперь лицо и марку!), я встретилась с тем мужчиной, с простым, но волевым лицом, так похожим на артиста и кинорежиссера Василия Шукшина. И он молча пожал мне даже не руку, он взял мертвой хваткой меня за локоть, сильно сжав при этом, и сказал:

— Молодец, девочка. Отличная реакция. Ты врач?

— Медсестра.

— Молодец. — Повторил он еще раз, развернулся и пошел по палубе, как ни в чем не бывало. За ним следом шли два крепких амбала, в светлых костюмных брюках и рубашках. И тут я поняла, что меня похвалил не кто-нибудь, а высокого уровня представитель криминального мира.

«Во вляпалась опять…» — невольно поежилась я. Надо было держаться от этой компании подальше. Но как бы то ни было, я считала сегодняшний день очень удачным. Во-первых, меня взяли на работу, во-вторых не попросили никаких документов. В-третьих, как сотрудник судна, я теперь могла попросить положить остаток денег в каюту капитана теплохода. В сейф, этот вопрос

меня волновал уже вторые сутки немало, потому что, по сути, снаружи моя каюта не запиралась. Крючок согнутый из толстой из поволоки, без особых примет, который открывал дверь в мою каюту, мог быть сделан в любой момент из подходящего по диаметру кусочка стальной проволоки. «Завтра уже буду думать, как связаться с Денисом», решила я, и спокойно легла спать, не ожидая теперь уже от путешествия ничего плохого.

В этот раз меня интуиция не подвела, и остаток пути до пункта прибытия прогулочного теплохода, прошел довольно спокойно.

Главврач сидела и нервно перебирала бумаги на столе. Телефон мужа сбежавшей из генетического центра девчонки прослушивался ее людьми уже два дня. Еще 12 часов и надо будет снимать прослушку. Куда же она делась, эта маленькая тварь? Не может же она ночевать на вокзале, или без денег три дня по стране или их области бегать. Ее служба безопасности под видом сезонных рабочих съездила по двум возможным местам ее пребывания, ни в деревне Озеро, ни в психбольнице для хроников девчонку не видели. «Подумаю об этом потом» — успокоила главврач свои плохие мысли, предчувствие неприятностей всегда проявлялись с ней перекатыванием холодного и неприятного «комка» в районе желудка. Понятное дело, что молодой доктор ей сильно подосрал: заведено уголовное дело, по факту убийства, и хотя само убийство было заказано и выполнено под типичную «бытовуху», она прекрасно знала, что над ее клиникой сгущаются тучи, и причина этого та роженица из области. Кто же знал, что у простой деревенской бабы брат работает в приличных чинах в отделе собственной безопасности. Пусть двоюродный, но все-таки брат. Отсюда и ветер дует, и эта беременная маленькая аферистка, процедурная сестра, попала к ним в центр не просто так, это очевидно. Да и какое ей там нужно обследование, она проверила уже после побега ее карту в женской консультации. Беременность там ранняя, там сроку кот наплакал. Да и никаких указаний на неправильное вынашивание плода не было, и нет.

Надо было работать, не распускаться. Работа всегда помогала ей держать свои нервы в узде. Работа вообще была для нее самым главным делом в ее жизни. Не будет у нее работы — не будет ее самой.

Жизнь продолжается, вон три дамочки после ЭКО на подходе. Кем их подстраховать, на случай, если придется опять ребенка в родах подменять. Из своей области уже нельзя брать, слишком опасно. Надо в другую область позвонить. Ее сокурсник работал в областном Министерстве здравоохранения на юге России.

Наверняка у него есть подходящий «расходный материал»,

будущие мамочки, готовые бесплатно родить в хороших условиях, стояли в очередь, сейчас роды везде платные, а высокий разговор про родовые сертификаты благополучно существовал в отчетности ина бумаге и лоббировался во всех роддомах, без исключения. За роды все равно надо было не бумажку давать, а реальные деньги платить. Она перебрала тонким и гибким пальцем список телефонов в справочнике учреждений здравоохранения России, нашла нужный телефон, продиктовала секретарше по селектору номер, и попросила ее быстро соединить со своим старым знакомым, однокурсником Вовой. Он обещал ее подстраховать, желающих родить бесплатно в хороших условиях, да еще попасть в научный эксперимент, на юге было много, поскольку там традиционно, в отличие от России, местные женщины намного чаще рожали детей. Сейчас было уже не до внешнего сходства, надо было срочно подыскать необходимый материал.

Глава 5

В то утро Марина в первый раз захотела утром встать, раньше просыпаться с утра было для нее сущим мучением, поскольку жизнь после родов для нее не то, чтобы не имела смысла, она боялась каждого наступающего дня, поскольку он мог нести ей новые разочарования в муже, или в ребенке. Но в этот раз она даже сквозь сон нетерпеливо ждала наступления утра: ее муж уехал на пару дней по делам в соседнюю область, и она решила сегодня пойти в генетический центр и заказать процедуру установления родства с ее ребенком. Мужа просить туда сходить было бесполезно, курение гашиша в последнее время делало его каким-то особенно агрессивным, когда вопрос касался ее беременности, родов и малыша. Но она заранее просчитала, что ей могло потребоваться, поэтому в небольшом пакетике лежала между двух дисковых ватных косметических салфеток небольшое количество спермы ее мужа, она запаслась этим ценным биоматериалом в их последнюю ночь любви, и бережно хранила пакетик в холодильнике, между антрекотов из баранины, и пакетов с дорогой дальневосточной семгой. Его волосы с расчески лежали в другом пакетике, муж был редкостным неряхой, и всегда оставлял пучки волос и на расческе, и, что удивительно, на щетке для бороды. Кроме этого у нее были его ногти, и немного волос из подмышек, он недавно попросил ее ему подмышки побрить. Немало удивившись этой просьбе, она подумала, не пахнет ли тут любовным романом на стороне. Но, как всегда, тягостное ощущение от их младенца, спавшего в коляске на балконе, перечеркнуло все ее остальные мысли. Еще неизвестно, когда она мучилась больше, в тщетной попытке забеременеть до этих странных родов, или после родов, после того, как нутряным чутьем почуяла — этот младенец не ее, не их сын. Ну, в общем, решение было принято. Деньги на банковской карточке на оплату генетической экспертизы были заранее отложены, она пропустила целый месяц занятий в фитнесс-центре, и сэкономленной суммы (хорошая фигура после родов была делом недешевым) должно было на оплату генетической экспертизы «с походом» хватить. В последний месяц ей удалось уговорить мужа на няню, он, в общем-то, и не особо возражал, резкие перепады настроения, и набившие уже оскомину ему ее истерики на заданную тему не родства их общего ребенка, его изрядно утомили. Он хотел нормальной семейной жизни, и так ее и не имел, ни до родов, в тщетной попытке родить наследника, ни после, когда у нее началась эта навязчивая идея, что ребенок им не родной. Он,

правда и сам не испытывал особых чувств к малышу в коляске, но думал, что чувства к ребенку появятся в дальнейшем, отца позднее привыкают к детям, когда они становятся более осознанными. Он это давно в интернете читал.

Марина взяла в руки в их просторной прихожей красную сумочку-клатч, вытянутую вдоль, и похожую на ретро-сумки кинозвезд 50-х годов прошлого века, запахнула туго плащик того же алого цвета, затянула на нем кожаный поясок, и, решив прогуляться до остановки, пошла пешком под небольшим дождем. Дома остались няня и мальчик. Няня посмотрела на щуплую Маринину фигурку в окно кухни, и подумала, что ей повезло несказанно, тетка «не от мира сего», совершенно невнимательная к мужу, и это хорошо, значит, не заметит их роман.

Ехать было довольно далеко, Марина давно не ездила на трамвае, и даже не знала точно, сколько сейчас стоит билет. Но быстро сориентировалась, люди давали кондукторше по 20 рублей за проезд, она нашла в кармане мелочь, и, как ей казалось, ничем не выдала своей принадлежности к кругу богатых людей. Хотя одета она была явно не как девушка с местного хлебокомбината.

Задумавшись, она смотрела в окно на улицу, и думала, был ли их ребенок неизбежным исходом этой аферы под названием ЭКО, или ей просто с мужем не повезло?

В центре генетики экспертиза прошла быстро, ее просто попросили открыть пошире рот, взяли из ротовой полости какой-то мазок. От малыша она взяла волосики, срезала с затылка младенческий пушок, и взяла платочек, на который он недавно срыгнул. Выйдя из центра генетики, она приободрилась, скоро все выяснится, уйдут ее сомнения, может на самом деле малыш им с мужем родной, просто она никак не отойдет психологически от этого издевательства, под названием ЭКО. Мало того, что все это было унизительно и больно, это было очень дорого. Мучительный выбор, кого из детей ей выбрать, лишил ее адекватности восприятия реальности. Даже муж стал каким-то нелюбимым, ненавистным, она даже не хотела больше заниматься сексом с ним. Хотя до родов, и до этой искусственной беременности, уж если не во всех отношениях, то в постели им обоим было всегда удивительно гармонично и хорошо. Но, возможно, все сейчас разъяснится, она будет знать, что мальчик им родной, и перестанет его воспринимать, как чужого.

Дома ее хороший настрой быстро улетучился, к ним в гости неожиданно приехала свекровь. Но мало того, что она приехала, не предупредив, так она еще и щебетала с няней на кухне! И даже

учила делать ее какую-то армянскую еду…

Это было уже чересчур, но что она могла поделать?! Он демонстративно ушла в спальню, и легла там спать.

Сон ее был прерывистый и некрепкий. Ей приснилось, что муж, наконец-то ей купил ту машину в салоне, спортивную, красного цвета. Она едет на ней по высокому широкому мосту, машина разгоняется сильнее и сильнее, она газует, и вот уже машина взлетает, и летит над мостом, над рекой, над их, почему-то совсем другим и чужим городом… А в темно-голубых небесных далях, над ее головой, в самом зените, машет ей ручкой и плачет совсем другой, до боли знакомый, родной малыш… Проснувшись, она уже четко знала, какой будет результат у генетической экспертизы. Ей хотелось умереть, и идти немедленно туда, к тому малышу, которого она увидела во сне в небесах. Но с кухни доносился визгливый смех свекрови, она смеялась «заходами», как будто лошадь ржала. И, судя по голосу, там еще была их няня, и басил снисходительно чуть пьяным голосом (он у него всегда чуть садился после приема алкоголя), приехавший неожиданно к вечеру из командировки ее муженек. «Точно заговор против меня. И эта овца туда же. Надо будет уволить ее, придумать предлог, и уволить», она причесалась небрежно, и пошла на кухню, надо было показать всем им, что в этом доме пока еще она хозяйка. Кухня была у них в квартире в конце коридора, и надо было пройти мимо детской, где спал малыш. Она наклонилась над его кроваткой уже безо всякого негатива, и тихонько погладив его по щеке, подумала «где-то плачет горько твоя настоящая мама, бедный малыш»…

* * *

Неприятности сыпались на их центр в последнее время, как из рога изобилия. Неужели это начало конца ее детищу, ее центру, ее личному бизнесу, ее схеме? Вот только что ей позвонил знакомый генетик из центра генетики, и рассказал, что одна из ее мамочек с подменой ребенка сделала (уже сделала!) генетическую экспертизу родства с ребенком. Данные, поданные на экспертизу частными и лицами для установления отцовства и родства, были настолько защищены, что подмена, или удаление агента или материалов экспертизы не могло быть сделана по определению. Что делать? Опять криминал, придется дотошную мамочку убирать. Она наклонилась к селектору и попросила секретаршу вызвать на вечер ее начальника службы безопасности, проще говоря — «крышу». История взаимоотношений у нее с этим

человеком насчитывала уже не один десяток лет. Когда-то они даже были влюблены друг в друга. Но ее родители требовали статусного брака. Его же мать мечтала о более спокойной и управляемой снохе. Он, как послушный сын, женился. На девушке очень похожей на свою «маман» в молодости, и она быстренько родила ему сына. Он работал с утра до ночи сначала в МВД, потом в ФСБ. Из ФСБ он уволился лет пять назад, у них началась антикоррупционная компания, и ему надо было или прекращать «крышевать» те фирмы и фирмочки, которые он набрал, еще работая в МВД, под свою защиту. Или увольняться. Он уволился, и ни разу об этом не пожалел, риска защищать от наездов различных проверяющих структур у него больше не было, а связи в означенных структурах остались. И потом, он никогда не делал ничего просто так, а сейчас, во время повальной демократизации и борьбы с коррупцией в стране, брали все, и брали много. Так что спасение рук утопающих (коммерсантов) впрямую зависело от взносов самих «утопающих». Его делом было только договориться, и передать деньги из рук в руки. Это все. Но то, что в последние несколько месяцев так неудачно складывалась ситуация с этим центром, выходило за привычные рамки его полномочий, и не сиди там, в кресле главного врача, его старая юношеская любовь, не стал бы он заниматься его делами. Но… Он, как ни странно, был весьма сентиментальным. Жене всегда было на него глубоко наплевать, ее тоже выдали замуж, не дав опомниться, ее мать и ее подруга, за почти незнакомого ей сына подруги, а так она все еще вспоминала своего однокурсника по педагогическому техникуму, который теперь заведовал, как назло, в их районе РОНО. В общем, так или иначе, главный врач центра патологии беременности, была ему не совсем чужим человеком. Поэтому, к указанному секретаршей времени он, прихватив в соседнем минимаркете традиционную шоколадку, явился к ней в кабинет. Разговор получился тяжелым, неприятный и сложный вышел разговор. Уходя он уже знал, что будет делать дальше: надо расставаться. Только вот как это сделать? После убийства того доктора он был у нее на плотном крючке.

* * *

Каждое утро у меня теперь было осознанным, и наполненным важными делами. Расписаться в судовом журнале. Проверить всех членов команды на употребление алкоголя, тщательно отследить правильность приготовления пищи, пусть скудной, в буфете и на

камбузе. Сходить по местам общего пользования, посмотреть, как тщательно там убрались. Медицинский работник на теплоходе (впрочем, как и везде), был лицом, облеченным полномочиями, и лицом на судне далеко не последним. Я наслаждалась своей новой работой, как я устала сидеть дома и «шить, вязать, варить варенье», не догадывалась даже я сама. Денежки на побег, переданные мне заботливо добрым моим спасителем, лежали в неприкосновенности в капитанской каюте, и меня грела мысль, что я их не трачу, а, наоборот, к ним добавлю и то, что уже потратила на билет. Потом, когда мне заплатят зарплату. С величиной моей зарплаты, правда, были какие-то непонятки, сколько там ставка медсестры, или врача, мне так и не сказали. К тому же, скорее всего, с меня вычтут что-то за питание, и за проезд. А может, и нет. Пассажира, порезавшего себе руку, уже ссадили на берег. Старпом, молодой парень, его звали Илья, тихонько шепнул мне, что ссора и попытка показательного суицида, были из-за большого карточного долга, и режь, не режь руки, это мужика никак не спасет, его кредитор человек весьма влиятельный, один из акционеров пароходства, такие долги не склонен никому прощать. Мужчина тот мне больше на глаза не попадался, по слухам он глухо пил у себя в каюте «люкс» на верхней палубе теплохода. И оттуда даже в буфет или ресторан не выходил. Впрочем, заведение общепита, под гордым названием «ресторан» напоминало оный только по накрахмаленным салфеткам и столовым приборам, меню там было в точности такое же, как и в буфете, а вообще повторяло с небольшими изысками камбузное меню, что при малом количестве отдыхающих на теплоходе, было весьма логично. Я радовалась, как ребенок, этой возможности прокатиться по большой и широкой реке, и ничего не тратить при этом, и еще в будущем рассчитывать хоть на какую-то заплату за этот отдых, недоступный из-за заоблачных цен на речные круизы, большинству обычных людей. В то же время у меня была прекрасная возможность поразмышлять над делом, из-за которого я опять ударилась в бега. И вот, что я придумала, лежа в каюте темными и влажными речными ночами, когда мягкое и неторопливое скольжение теплохода по воде напоминало сказку, в которую хотелось поверить, сказку о другом мире, в котором у всех все будет непременно хорошо. В моей же истории у меня было несколько непонятных, белых, пятен. Поток рожающих женщин в одной и той же клинике довольно велик. Допустим, половина родов заканчивались подменой младенцев. Откуда врачи центра брали столько аналогичных рожениц? И неужели никто из этих женщин, потеряв ребенка в родах (это по бумагам,

и по словам тамошних врачей), не обращался потом в правоохранительные органы? Сколько должны были стоить эти стволовые клетки, что врачи с центра патологии беременности могли всем проверяющим платить так, чтобы не было проверок? И какое качество было у этих клеток, если значительную часть подросших эмбрионов приходилось менять на здоровых детей? То есть почти все дети после ЭКО имели тот, или иной дефект?

Неужели даже убийство молодого врачав такой вот ситуации останется незамеченным? Есть же какие-то сведения о центре в правоохранительных органах, из-за которых туда меня положил на обследование муж? Когда происходит убийство, тянут все нити, даже те, которые являются так называемой «оперативной информацией», то есть неофициальными сведениями, ничем не подтвержденными на деле. Но ни Денис, ни я, ни доктор, тогда не знали одной маленькой детали, благодаря которой этому центру по документам, в рамках закона, позволялось делать все. Но я не могла этого знать, об этом не знали, как оказалось, даже работающие в этом центре врачи. Вопросы исходов ЭКО охранялись же государственной федеральной программой, видимо что-то подтиралось, а что-то переписывалось, раз отчетность центра не вызывала подозрений у чиновников «наверху». Потому что всем заплатить невозможно, сама идея подпольного бизнеса теряла тогда свой смысл.

Узкими же местами в любой медицинской преступной схеме была, во-первых, отчетность. Подделать многочисленные отчеты, в том числе, и в электронных версиях, было, по моему мнению, невозможно. Тут, главное, как копать. Хоть через больничную кастеляншу, в прошлый раз количество операционного белья в записях-тетрадках в больничной прачечной точно показало, были ли «левые» операции в одной из больниц, или нет. В конце концов, есть какой-то расход инструментов, записи о захоронениях погибших младенцев. Или нет?

Во-вторых, мамочки, оставшиеся без детей, так же могли дать нить для расследования. Скорее всего, Дениса попросили об этом неформальном расследовании какие-то его друзья, которые по роду службы не могли перешагнуть через внутриведомственные распри, и устроить проверку там, где кто-то деятельность медиков уже прикрывал. С этой стороны копать бесполезно, могут убить, как того доктора, это им раз плюнуть. А вот через мамочек поработать можно, только вот где взять их адреса? Жаль, эта мысль мне пришла в голову слишком поздно. Можно было бы того доброго доктора с бородкой попросить. Конечно, на богатых клиенток центра рассчитывать было нечего, замученные длительными процедурами, уставшие от боли и постоянных

моральных унижений (кто хоть раз садился на гинекологическое кресло для осмотра, пусть возразит мне!), не станут никого из врачей обличать, и уже тем более общаться по поводу своих переживаний с обычной милицией. Вопрос же с их могущественными мужьями, видимо, решался врачами центра каким-то другим путем. Раз никто из них ничего не заметил, и не пожаловался? И только когда я уже засыпала, мне в голову вдруг пришла странная мысль, а что если и Денис, и молодой доктор ошибаются, ошибались? Ведь может же быть, что все это, и душераздирающие крики женщин, и их истерики, и моя неожиданная поездка в центр генетики на анализы — совсем не происки убийц в белых халатах, а просто принятая в клинике методика, неудачная, но всего лишь методика? А совсем не криминал? Могло ли быть так, что молодой врач в своих подозрениях ошибался, и его на самом деле убили из-за дорогого мобильника во дворе? Откуда взялись подозрения у моего мужа? Для чего и почему он вдруг предложил мне обследование в этом центре? На все эти вопросы у меня не было ответов. Но плавное покачивание на волнах большой спокойной реки теплохода, на второй палубе которого располагалась крошечная каюта, в которой на койке, крепко привернутой к стене болтами, лежала на чистой простыне я, не предполагала долгих размышлений ночами. И я, потихоньку обдумывая все это, погрузилась в глубокий и спокойный сон.

* * *

Денис сидел за кухонным столом, перед ним на столе лежал листок чистой бумаги. В который раз он обдумывал, не уйти ли с работы, в настоящее время ему мешало и звание и погоны, чтобы реально вмешаться в историю с собственной женой. Ему так и сказал вчера его начальник в кабинете:

— Сиди тихо, жди, пока жена сама не появится, пикнешь, или дернешься с какой инициативой, вылетишь с работы, причем по статье.

— Так точно, — привычно рубанул короткой фразой он в ответ и вышел из кабинета, развернувшись по-военному на каблуках.

Теперь сидел и думал, бросить все и уволиться в запас?

Не вариант, еще сильнее начнут искать Олесю покровители этих медицинских чиновников. Ни сделать-то он ничего пока не мог, и ждать сил уже просто не оставалось. Да и чего ждать?! Появись Олеся дома, вон, что им стоит взорвать газовый вентиль

во дворе — он вместе с распределительной станцией располагался в обычной кирпичной будке, и не охранялся совсем. Все-таки его чины и звания хоть какая-то гарантия от преступного произвола.

В этот момент на его телефон пришла смска — «у меня все хорошо, я в надежном месте, не волнуйся, люблю, целую, жена». Сердце гулко стукнуло в груди, теперь хоть по номеру телефона, явно чужого, и из другой области (он отметил это ментовским взглядом автоматически и почти сразу), удастся понять, где находится, и главное с кем его жена. Но он ошибался, номер был записан на человека, мужчину, 24 лет из соседней области. Выяснить, кто он и где и кем работает, ему пока не удалось. Может, сокурсник Олеськин? Будем надеяться, что все написанное в смске, правда, и у его жены на самом деле все хорошо. А что ему еще оставалось, кроме как надеяться на это? Одно радовало — у кота Касьяна последние три дня был отменный аппетит.

* * *

Игорь находился в последние три недели в странном моральном состоянии. Ему было и тревожно, и стыдно, и приятно. Сердце замирало от новых ощущений, эта няня оказалось интересной штучкой. Тем более, что секс с женой после рождения сына практически сошел на нет, то голова болела, то извините, другое место.

А эта с виду неприметная девушка оказалась очень раскованной в постели, ему и было стыдно, и нет. Стыдно было потому, что он, в общем-то, если и изменял физически Марине, то в общей сауне, с девочками и коллегами с работы, чтобы не прослыть «подкаблучником» и «недотрогой». Но секс с продажными женщинами в бане «по вызову» — это не совсем измена, это секс, типа «за компанию», и для здоровья. Сиделку-няню привела ему за руку его мать, и если бы Марина узнала, то ни за что бы ее к ребенку не взяла, но он скрыл это, непонятно почему, но скрыл. Хотя обычно у него от жены не было секретов. Странно, но секс с няней уменьшил его ежедневную потребность к гашишу, виделись они в частной и небольшой сауне неподалеку от их дома, он не хотел осквернять изменой свою домашнюю постель, и девушка вела себя очень скромно, не требовала большего, не требовала подарков, не требовала ничего. Просто тихо и радостно сияли ее глаза, когда он входил с замиранием сердца в очередной раз в дорогой номер частной сауны. Жена же

за эти три недели еще больше отдалилась от него, жила совершенно отдельно, как бы своей жизнью. Она перестала плакать, как будто, надеялась на то, что скоро случится нечто, что ей и ему наконец-то объяснит, и причину происходящего в их семье, и трудности с их настолько долгожданным, и странно не любимым его матерью, Мариной, ребенком. Он в который раз спрашивал себя, правильно ли поступил, встав на путь ЭКО? Но Марина тогда хотела этой беременности не меньше, чем он сам, если не больше. Значит, все непоправимое, неправильное случилось с ней позже, рожала жена под наркозом, и значит, родовые боли, или присутствие мужа на родах не могли лежать в основе ее неприязни к малышу. Скорее всего, у Марины послеродовая депрессия, это бывает, где-то до года после родов, пока маленький плачущий комочек не становится человечком, который уже общается с мамой, кушает сам и пробует ходить. Но до этого времени еще больше полугода, 10 месяцев, и как их прожить, если паузы в ежедневном общении с женой даже в мелочах уже стали откровенно напрягать? А тут еще мать звонить начала каждый день и трещать без умолку, ни о чем, но постоянно сворачивая на его личную, семейную жизнь. И уже несколько раз ему непрозрачно намекая, что он еще не старый, сын есть, Марина ребенка не любит, значит, при разводе, скорее всего, малыша ему отдаст, а там и женщину хорошую найти будет несложно, он молод, красив и богат, таких, как он, мало, да и вот даже девушка, которая уже с малышом поладила, у нее на примете есть. Что он уже вступил с няней в половую связь, мать как будто не знала. Или знала, но нарочно прикидывалась?

На самом деле, Игорь жену очень любил, и ему было больнее всего, что она не сумела, или не захотела рассказать ему о своих переживаниях, поэтому каждое общение по поводу сына у них выливалось в скандал со слезами. Сам Игорь не чувствовал ни особой тяги, ни нежности к малышу, но он объяснял это тем, что мужчины начинают воспринимать своих наследников, когда они уже подрастают. Так это было, или нет, ему только предстояло узнать. Все последние месяцы, что шла подготовка Марины к родам, и первые месяцы жизни малыша, он начал меньше обращать внимание на свой бизнес, и это, как всегда, ослабило его позиции на существующем рынке, отовсюду повылезали ушлые конкуренты. И если он не выиграет в этом году хотя бы один тендер, бизнес надо будет готовить к продаже, он не сможет долго удерживать его на плаву. Но это не вызывало в нем негативных эмоций, или сожаления. На самом деле он устал, отложенных в банке в оффшоре денег хватит на покупку недвижимости в Испании, или на Майорке, яхту, автомобили для

себя и жены. И немедленно увезти туда Марину с малышом, и посвящать там уже все свое свободное время им. У него еще был в запасе диплом государственного образца, позволяющий заниматься внешним управлениям предприятий, и как-никак два европейских языка, португальский и немецкий, с этим багажом можно было и на работу претендовать в Евросоюзе. И вообще, вдруг Игорь понял, что ему, по большому счету, здесь уже приелось, надоело — практически все. И работа его из последних сил, выматывающая нервы так, что ему иногда хотелось все бросить, и мамаша его радостно-тупая, с ее нескончаемыми нападками на Марину. И няня эта непонятная. То ли няня, то ли девушка по вызову, в сексе она вела себя, как профессионалка, и это немного отталкивало его от их дальнейшего сближения.

Вообще он в последнее время думал, что надо было просто уезжать, бежать на другой конец света, когда они поженились с Мариной, его мать ее так и не приняла. Было ли это правильным, он не мог понять даже сегодня. Но ему было больно, и стыдно, больно от своего постоянного одиночества, и стыдно из-за маленькой, и подлой измены с простенькой и хитрой няней под носом у Марины, перед ней, ничего не подозревающей. Своей законной женой. Или она все-таки догадывалась о чем-то? И именно поэтому в последний месяц отказывала ему в сексе? Все эти размышления не прошли для него даром, в последнее время у него часто стало щемить сердце, и он ехал медленно, чтобы не задеть другие машины. Именно поэтому в двух кварталах от их дома он увидел мать, и их няню, они о чем-то мило говорили, потом мать протянула сверток няне, она быстро спрятала его в сумочку, висевшую у нее на плече. «Мать ей платит, для того, чтобы она спала со мной» — понял Игорь. И эта мысль буквально расплющила его, раздавила, так, что он вынужден был припарковаться и, обмякнув всем телом, он случайно надавил на руль. Машина громко взвыла гудком, мать и няня обернулись, и в глазах обоих он увидел страх. И тогда он все понял, газанул резко с места, приехал домой, ворвался в прихожую, сгреб все вещи няни, выкинул их на лестничную клетку, и закрыл дверь. Сердце его бешено колотилось, он знал, что скажет жене. Марина вышла в коридор. Спросила.

— Что случилось.

— Я уволил няню, не пускай ее на порог, ее наняла моя мать, с непонятной целью, чтобы духу этой швали больше дома не было.

— Да? Я думала, у тебя с ней роман…

— Нет никакого романа, просто ты меня вообще не замечаешь… Марина, я тебя очень люблю.

— Слушай, давай я возьму несколько дней на работе, возьмем с собой малыша, махнем хоть в санаторий, хоть в дом отдыха какой…

— Давай, но только послезавтра, завтра у меня одно дело есть.

— Хорошо… — Он даже не спросил, какое у нее дело, ему гораздо важнее было ее согласие. То, что жена не оттолкнула его, согласилась поехать отдохнуть с ним, вселило в него надежду, что все еще будет в их семье, в их отношениях хорошо. Главное, что он оперативно избавился от няни. Мать точно ей платила, чтобы она с ним спала. Какая тварь! Причем, говоря слово «тварь» он не понимал, кого имел в виду, свою мать, или няню.

Он ждал звонка в дверь еще часа два, н няня так и не появилась. Умная девочка, все поняла быстро, далеко пойдет. Вещи она забрала с площадки, он тихонько открыл дверь, чтобы посмотреть, и их там уже не было.

Зато на его телефон начала трезвонить, как очумелая, его мать. Он не брал трубку, и даже поставил ее номер в «черный список». Они уедут. Побудут вместе какое-то время, а дальше он решит. Он перехитрит судьбу, и сохранит семью, он любит, очень любит Марину. Она привыкнет к малышу, это все эти ЭКО процедуры идиотские измучили их обоих, и еще злость и ненависть к Марине его матери. Как говорят в последнее время по телевизору многочисленные экстрасенсы: «мысли материальны». Ненавистью его матери к его жене, по его мнению, можно было заполнить небольшое озеро. А может и море. А может, и океан.

* * *

Гном сидел на рабочем месте и пытался понять, что и когда пошло не так в его центре. Откуда появились эти роженицы из области, он примерно знал. Схема была старая, и о ней ему рассказывал еще старый преподаватель по акушерству и гинекологии. Милый седой старичок, похожий на Доктора Айболита из детской сказки, тогда сильно напился, вернее они вместе напились. У них тогда в родах умерла внезапно молодая и очень красивая роженица. Она была узкотазая, и ребенок находился в тазовом предлежании, то есть не головкой, а ягодицами вниз в родовых путях, и они с самого начала, боясь, что она сама родить не сможет, предлагали ей ее прокесарить, то есть разрезать живот и вынуть младенца. Но она не соглашалась, она была моделью в местном Доме Моды и боялась, что шрам от операции испортит ее красивый плоский живот. Она отказалась, и

они в итоге ее потеряли. Им ничего не угрожало, его учитель был опытным, и у него в истории болезни молодой женщины была ее расписка о том, что она отказывается от операции кесарева сечения. Но у них у обоих тряслись руки, и болела душа, и тогда, именно тогда его старенький учитель ему сказал, и он это хорошо запомнил:

— В нашей профессии очень тяжело пациентов терять. В хирургии или терапии умирают те, кто уже болел, и часто болел долго. У нас приходит цветущая женщина, на роды, и по идее и по логике должна уйти из роддома такая же цветущая мама, на руках с малышом. И если смерть ее забирает, вот так страшно и нелепо, становится ну очень плохо, и только в такие редкие моменты я очень жалею, что выбрал именно эту специальность.

Вот тогда они и напились, оставшись на повторное дежурство, все равно должны были прийти следователь и патологоанатом, их бы все равно вызвали, да и не спалось дома-то с такой неслыханной бедой на душе.

Вот тогда и рассказал ему учитель про некоторые скрытые моменты в их профессии. В частности, про подмену младенцев в родильных домах. Причины были разные, в некоторых случаях женщины из богатых или статусных семей так просто избавлялись от ненужных младенцев. Этих детей было проще всего отдать на усыновление. Желающих усыновить «приличного ребенка от приличных родителей» было много. Потому что отказниками и тогда, и сейчас, в основном, были дети неблагополучных, или больных матерей. Проституток, или наркоманок.

Второй вариант подмены был еще хитрее, его учитель тогда скорчил страшную рожу и по секрету доверил ему мысль.

— Вот если бы не мать, а ребенок умер, мы могли бы дать из подменных.

— Кто такие «подменные»?

— Это дети, родившиеся у матерей, которые заранее, еще до родов, заранее были настроены оставить своего ребенка в роддоме, отказаться от него. Каждый умный главный врач примерно знает, кто и когда у него будет рожать, и вот такие «подменные дети» на всякий случай» решают очень много вопросов.

— А как по документам?

— Все нормально по документам, идут как умершие в родах. Той — ребенка, а той — неблагополучной — труп. Все шито-крыто. Кто проверит? Никто.

То есть система подмены детей была в их профессии, в их деле и раньше, видимо ее только дополнили, и применили сейчас уже с размахом. Вопрос, как это доказать, и еще так доказать,

чтобы его не убили, как Виталия. Убийц в полиции, конечно, даже при наличии улик и свидетелей, так и не нашли. И не найдут, скорее всего. Мог ли Гном тут что-то изменить? И да, и нет. С Системой ведь не поспоришь. Но он делал свое дело честно, как мог. Некоторым подменял анализы, был у него знакомый лаборант в центре генетики, который вносил в анализы будущих мам маленькие изменения. Такие чист специфические мелочи, что будущие дети, теряли свою актуальность в качестве объектов для последующего забора стволовых клеток для его коллег, и матерям давали возможность спокойно родить, и выписаться с малышом домой, даже при принадлежности матери или отца к редким группам крови. Иногда он сдвигал сроки родов, а иногда потихоньку советовал родне забрать будущую мамочку отсюда. Пока ему удавалось лавировать, замечали это его коллеги, или нет, он не знал. Но до сих пор он работал в центре, и был на хорошем счету у начальства. И девочкой этой медсестрой он все проделал по-умному, и ему вроде пока ничего не угрожало.

* * *

Я все-таки придумала, как послать Денису смс! Попросила у старпома его мобильник! Теперь хотя бы у меня душа была спокойна, на самом деле муж должен понять, что я в порядке. Хотя с его бесконечными заботами о моем «интересном положении», по-моему, голос разума в нем звучал все реже, уступив место некой неизвестной мне доселе истеричности. Мне очень нравилась моя работа на теплоходе, я вообще сильно пожалела, что столько лет просидела в больнице процедурной медсестрой. Пока я была не замужем, что мне не работалось вот на таком тепленьком месте?

И работа, и отдых, в одном флаконе.

Только питание немного надело, ну не могла я каждый день кушать переперченный флотский борщ и слипшиеся макароны по-флотски! Для отдыхающих предполагалось небольшое разнообразие меню, в виде гуляша с пюре и люля-кебабов, больше похожих на пару тощих вытянутых паровых котлет. Но делать было нечего, приходилось кушать без изысков, как все. Вот только отсутствие молока в меню на моем уже почти четвертом месяце беременности немного удручало. Правда, я в целях конспирации никому не сказала о своем «интересном положении». Да и вряд ли бы меня оформили сюда на работу, кто бы еще захотел мне декретные платить. На моем месте любая ушлая и подленькая девица могла при такой беспечности, как отсутствие справки о

состоянии здоровья во время приема на работу до конца фрахта судна (у них это так называлось), выжать декретные деньги с пароходства. Только я этого сделать все равно бы не смогла. Да и не нужны мне эти декретные, у меня муж прилично зарабатывает, хватит и мне, молодой маме, и нашему малышу. На самом деле при переименовании милиции в полицию зарплату сотрудникам и, правда, прибавили. Но и уволили-сократили довольно много сотрудников, Денис говорил, уволили почти треть личного состава. Стала больше зарплата, и соответственно стало намного больше работы, и ответственности за эту работу. Денис все чаще приходил с работы злой, пару раз в сердцах кричал, что уйдет. Уволится, и станет частным охранником, типа уже звали. Ноя точнознала, что мой муж был и станется настоящим героем, а не барским холуем.

Работа охранником или телохранителем у меня почему-то вызывала сравнение со слугой барина. Правда, я не высказывала своего мнения, мой муж и без моих «пяти копеек» сам разберется.

Вчера вышел из запоя тот дядька, криминальный авторитет, мне даже пришлось ставить ему два раза капельницу с глюкозой, так он упился. Лежал он под капельницей спокойно, не хватал, и не ругался, как некоторые. Потом уже в конце второй капельницы, когда я ее сняла, неуклюже погладил меня по голове огромной ладонью, сказав: «Умница, рука легкая какая». Думаю, это было для него редкой похвалой, такой дядька легко «люлей» отвесит, а не комплименты. Наше плавание до пункта назначения круиза вот-вот должно было закончится, отдыхающие на следующий день уже должны сойти на берег, и к нам сядет на борт совсем другая группа. Эти были вполне приличные, тихие учительницы и учителя, а вот кто будет на обратном рейсе?

Радовало, что Денис не прислал старпому на мобильник свое смс и не позвонил, догадался, что этого не надо делать. Только вот что мне делать дальше, с кем поговорить, и как все-таки встретиться с мужем?

Работа у меня была в основном с утра, пищу на весь плавсостав и отдыхающих готовили рано утром, так что после обеда, если никто меня в медпункт не дергал, я отдыхала, лежала в каюте, сидела на удобной скамейке, на корме, кормила засохшим хлебом из столовой, наглых и жирных чаек. Чайки были жадные и очень умные, всегда понимали, куда полетит очередной кусок, но с ними было намного веселее. Вообще мне трудно представить, как люди плавают на таких, или более комфортабельных теплоходах неделями. Водку здесь пить — печень посадишь. Не пить — через три дня от скуки можно озвереть. Зеленых стоянок сейчас, как мне рассказал доверчивый

старпом, не предусмотрено, люди напивались в стельку, и их в итоге приходилось всему экипажу в кустах на берегу дружно искать, задерживая по понятным причинам отплытие, срывая график круиза. Редкие экскурсии по прибрежным городам активно посещались отдыхающими в начале поездки, и сопровождались закупкой сувениров, в конце же поездки, ближе к дому, кошелек почти у всех уже был пустой, и народ просто праздно шатался по палубе, пил горькую, даже старухи, и кормил от скуки чаек.

То ли я расслабилась в процессе отдыха, перемежающегося с нетрудной и приятной моей работой, то ли на самом деле надо было просто подождать, но в голову мне так пока ничего и не приходило, как мне дальше действовать, и куда бежать. И как все-таки в итоге договориться и встретиться с Денисом.

Как ни странно, но случай мне в этом помог. У одного из отдыхающих пропал фотоаппарат из каюты. Не знаю, был ли этот фотоаппарат украден, думаю, дядька его попросту утопил, вчера, когда фотографировал чаек, настолько он был пьяный. Скорее всего, тогда и уронил аппарат за борт. Но сегодня, с утра, чуть протрезвев, он заявил, что у него фотоаппарат украл кто-то из команды. И по этому поводу стоянку на берегу продлили, и к нам пришел следователь из небольшого городка на берегу реки, и начал всех опрашивать. Спрашивал он долго, всех по очереди, вызывал несколько раз, задавал те же самые вопросы, но видимо, я чем-то не понравилась ему, и со мной он беседовал дольше всех. Пришлось сказать про Дениса, а то бы он меня ссадил на берег, да и показывать всем, сколько у меня денег, я посчитала неразумным. Следователь при мне набрал номер моего мужа. Минуту послушал крики на том конце, и передал мне трубку.

— Привет, это я. — Осторожность не помешает, я была немногословна.

— Ты где?

— Мы завтра будем в… — Я назвала город, в котором заканчивался наш рейс.

— Я приеду за тобой.

— Понимаешь, меня попросили поработать тут медсестрой еще неделю, ты прихвати мой диплом, и приезжай через четыре дня в… — тут я назвала еще один прибрежный город, в котором у нас была самая длинная стоянка.

— Я договорюсь насчет каюты, купишь билет уже здесь, на борту, и вместе отдохнем, а потом поедем к тетке.

— Хорошо, договорились. Дай трубку коллеге. — Бас мужа в трубке как будто завял. Скучает, наверное.

Надо ли говорить, что после разговора все подозрения с меня

были сняты, и меня отпустили с миром?

В общем, день удался. Что-то нам завтрашний день принесет? Опасения у меня, как всегда, были не случайны.

* * *

Колдунья поежилась и натянула на плечи шерстяную шаль. Ночью уже из окна тянуло нешуточной прохладой. Скоро осень, вот и закончилось это лето, как и в очередной раз, пролетело незаметно, не оставило следа.

Колдунья сама была с Юга России, но жила на Севере, еще сто километров отъехать, и уже там уже на границе их области начиналась настоящая тайга. Так получилось, так сложилась жизнь, хотя она давно и всем сердцем хотела вернуться обратно, на юг. Возвращаться туда, где она жила, было, в общем-то, сложно и дорого: все соседские дома раскупили выходцы с Кавказа, бежавшие с родных мест во время первой и второй чеченской войны. Чумазые многочисленные дети так утомляли тех ее родственников, что были вынуждены жить там, что она прекрасно понимала, после пятикомнатной квартиры в центре города и раскрученной практики, переехать обратно, «на юга» у нее просто не получится. На исторической родине не было ни жилья, ни работы достойной, а практиковать она там по определению не могла, большинство их соседей на улице теперь мусульмане, а им колдовать «Аллах не велит», все вопросы — в мечеть и к мулле. Значит, вернуться обратно на юг, ей не удастся. Но душа тосковала по югу, душа туда так и рвалась. Стройные вытянутые пирамидальные тополя вдоль дорог, основательные кипарисы в лесах, огромные тисовые деревья. А какие красивые там южные ивы! Здесь такого точно нет. Здесь все просто и скучно: березки, сосны, полно комаров, слепней, мух кусачих, и даже ядовитых змей.

Она пыталась утолить эту тоску поездками на юг, но там ей тоже было неуютно. У родни было шумно и дорого, всем привези подарки, всем помоги деньгами, все, как в старой патриархальной южной семье. Она была старшая сестра всем остальным братьям и сестрам. И это делало ее приезд к родственникам весьма затратным. В санаториях на юге не было родных людей, по которым она скучала, да и работу свою она бросать надолго не привыкла, не могла. Так и мыкалась все лето. Осенью становилось легче, на юге осенью и зимой была противная пора: холодно и сыро, дожди и морось без снега. Все. В общем, у нее шло размеренно и хорошо, если бы не одно обстоятельство. В

центре, куда она привыкла посылать клиенток «за детками» в последние полгода творились просто страшные дела. Во-первых, клиентки все были, как одна, недовольны. Отношение персонала безобразное, грубости постоянные. Дети «какие-то не такие», все говорили в один голос. В чем проблема, она не понимала, директора центра знала давно, правда она не была ее клиенткой, она в магию не верила, и гадать не просила. Они пересеклись один раз, много лет назад, когда у колдуньи в гости приехала беременная племянница с юга, и попросила ее устроить консультацию у местных врачей: на юге медицинское обслуживание было дорогим, и, в общем-то, не особо качественным. Тогда она и пришла в этот центр. Безо всяких протекций, просто по объявлению. В то время медицинские частные центры были редкостью, и племяннице там понравилось, и мальчика она потом родила здорового, правда, не там, в роддоме, куда ее направили из центра тамошние врачи. А вот потом что там произошло, она понять пока не может. И карты говорят странное… Понятно, что как было в старом фильме сказано «карты не милиция, они фамилии не говорят», но часть младенцев шли ей по картам, как мертвые. А другая часть раскладов показывала их как бы подвисшими между двумя мирами. И как это объяснить она не знала, если бы что-то было не так по здоровью с детьми, ее клиентки молчать бы не стали, устроили бы, как минимум, ей сидячую демонстрацию в ее офисе. Нет, не нравились мамашам те детки, это факт, но были все они живы, и, в общем-то, здоровы. Не считая пресловутой гиперактивности. Но сейчас ее практически всем деткам врачи ставят, куда же без нее…

Колдунья села за стол, и раскинула опять карты, взяла другую колоду, дети шли как мертвые, и ей выпадала дорога в казенный дом…

Глава 6

Марина забрала конверт в регистратуре генетического центра, и направилась быстро из холла вон. Неподалеку стояла ее машина, не новая, но очень ухоженная «Тойота Камри». Великовата для нее, но она к ней привыкла, и ей очень нравился ее цвет: слоновая кость, так было написано в паспорте. Конверт она кинула на заднее сиденье, подумала, взяла обратно, и почему-то, автоматически переложила результат экспертизы, не разворачивая его, в бардачок. Он точно знала, что будет в экспертизе, душа ей подсказывала, что ее сомнения относительно ребенка не напрасны, любая мать душой чувствует свое родное дите. Она не ощущала младенца «своим», но как бы то ни было, дело сделано. Уже скоро она покажет эти бумаги мужу, и они уже точно будут решать, что делать, и как жить с этим. Странно, но результаты генетической экспертизы она восприняла с облегчением. По крайней мере, сейчас можно будет попытаться найти настоящих родителей малыша, они-то как обрадуются, ведь похоронили уже своего малютку…

Слезы неожиданно навернулись ей на глаза. «Только не плакать, потекут ресницы!» — она давно собиралась попробовать и удлинить свои ресницы, говорили ей, что можно обойтись без косметики. Она не верила, но мысли о дополнительных усилиях в поддержании ускользающей после родов и переживаний с младенцем ее природной красоты радовали хотя бы ее душу. Нет, непременно надо будет попробовать. Мыслями она опять вернулась к содержимому конверта. Интересно, как теперь поведет себя ее муж? Она пыталась намекать ему, что не чувствует никаких родственных чувств к этому ребенку, но муж ее не слушал и даже из-за этого однажды чуть не поднял руку на нее. Воспоминание об этом было мучительным, тогда она не просто испугалась, ей показалось, что ее жизнь закончилась. На самом деле не надо было тогда так упираться проблему бездетности, и рожать. Надо был жить и наслаждаться жизнью, и друг другом. Что, в общем, они и будут делать в ближайшее время, уверенность, что муж ее не только поймет, но и поддержит, ее не покидала, он же такой справедливый человек. Они вернут мальчика родителям, и заживут как прежде, до всего этого кошмара с ЭКО.

Она автоматически повернула ключ в замке зажигания и не торопясь выехала со стоянки перед Генетическим медицинским центром. Машина шла ровно, в это время и в этой части города движение не было таким, каким стало в последние годы, можно

было расслабиться. И насладиться поездкой в комфортабельной машине за рулем такого красивого и стильного авто. На перекрестке замигал желтый свет, она притормозила, спешить было некуда. В этот момент сбоку на мигающий сигнал светофора вылетел грузовик с заляпанными грязью номерами. И убил ее за какую-то долю секунды. Он разворотил бок ее машины со стороны воительского кресла, и не оставил ей самой никаких шансов. Только голова ее, с рассыпавшимися по рулю иномарки золотисто-русыми волосами спокойно лежала на передней панели авто, сохраняя удивительно невозмутимое и спокойное для случая такой трагической гибели, выражение. Красный плащ ее полностью был забрызган каплями крови, но не видно было на красном ту кровь, она как будто спала за рулем. Свидетелей наезда было много, они и вызвали полицию и ГАИ. Минут 10, не более, и подъехали спасатели, реанимобиль, врачам и фельдшеру реанимационной бригады ничего не оставалось, как констатировать мгновенную смерть. Чуть позже на место происшествия прибыла вызванная сотрудниками ГАИ опергруппа.

Старший следователь районной опергруппы, женщина «далеко за 40», прибывшая на место происшествия вместе с оперативниками и судмедэкспертом, была больна, она с утра не могла согреться, в городе начиналась сезонная эпидемия гриппа. А она, исходя из каких-то своих старых комплексов, никак не могла заставить себя делать прививки от вируса. Сказывался и природный скептицизм, и недоверие к врачам, да и болели ее привитые коллеги, по ее мнению, ничуть не реже, чем она сама. Все дело в климате, климат стал совершенно невыносимым, летом сыро, осенью непролазная грязь и слякоть, солнца нет по нескольку недель, откуда же взяться здоровью. Пресловутый парниковый эффект накрыл шапками углеводородов большие города, смогом закупорил утреннюю прохладу, так что даже форточку открывать уже несколько лет ей не хотелось, проще было включить сплит-систему на стене и увлажнитель воздуха, от которого шли клубы пара, напоминавшего ей старую сказку про старика, джина, и волшебную лампу.

Но на место аварии ехать все-таки пришлось, муж погибшей женщины оказался какой-то неформальной «шишкой», ей уже два раза звонили из районной управы, и она уже пару раз огрызалась в телефон, терпеть не могла любое «позвоночное право».

Водителя грузовика уже задержали на дороге сотрудники ГАИ, и вроде бы уже везли сюда на место аварии. Только женщине за рулем это уже не могло помочь, пока тело вырезали из искореженного автомобиля спасатели, следователь, будучи уже опытным работником правоохранительных органов, открыла

заднюю дверь авто, которая почти не пострадала, и взяла себе в руки сумочку из дорогой кожи. Понятых приглашать она не стала, да и не было такой возможности, свидетели, увидев, что на место происшествия приехала милиция, спасатели и сотрудники ГАИ, как-то очень быстро покинули перекресток. Тут все было понятно, бумажная волокита не щадила никого, а тратить время на подписание протоколов осмотра места происшествия, потом ехать в райотдел, давать показания там, потом идти в суд по повестке, как свидетель. К тому же дорогая иномарка говорила красноречиво и о том, что в семье погибшей женщины не было проблем с деньгами. А у богатых людей такие же богатые враги, и еще непонятно, против кого придется давать свидетельские показания в итоге…

Сумочку она спрятала глубоко под полы пальто, решив произвести ее осмотр уже в кабинете. Хорошо, что в группе был молодой стажер, которому она и поручила заполнять многочисленные бумаги с места осмотра. Местоположение перекрестка, на котором произошла авария, было неподалеку от торгового центра, поэтому сначала сложилось мнение, что дама отъезжала от парковки. Но потом стажер обратил внимание на то, что никаких покупок в машине не было обнаружено. Сумочку следователь придержала у себя под полой пальто, и потом не раз похвалила себя за это.

Несмотря не ее явные протесты при разговоре с начальством, к месту происшествия минут через 30 подъехал дорогой джип, оттуда вышел импозантный мужчина с бородкой. Лица его было не видно, пошел мелкий дождь, но по его походке, по тому, как он пытался открыть дверь авто, в котором лежала его мертвая и изуродованная жена, смерть женщины не была его заказом, а была для него нешуточной трагедией. Много лет следователь работала с людьми, и умела даже по жестам отличать правду от лжи, какой-то неуловимой своей интуицией безошибочно определять, что думает человек, и чего он на самом деле хочет. Этот мужчина был парализован горем, хотя и старался держать себя в руках. Он не плакал, не кричал, что было бы вполне характерным для хозяина второго дорогого авто в семье. Иномарка, на которой приехал, стоила как трехкомнатная квартира в их городе, причем не на окраине его, а в самом центре. Когда изуродованное тело женщины извлекли из разрезанной двери, мужчина закрыл лиц руками, и сильно ссутулившись, пошел к джипу. За ним побрел его водитель, по виду больше похожий на бодигарда, телохранителя. «Лихие 90-е» были уже далеко в прошлом, но этому мужчине, видимо, было чего бояться. Парень, несомненно, был профи, он двигался

бесшумно и плавно, поглядывая одновременно по всем сторонам, в молниеносной ежесекундной готовности прикрыть своего хозяина грудью в случае малейшей опасности. Труп молодой женщины уже упаковали в черный пластиковый пакет санитары, погрузили в труповозку, и увезли. Следователь внимательно прочитала протокол осмотра места происшествия, тщательно записанного старательным стажером, сама поправила записи в нескольких местах, больше для того, чтобы стажер «не зарывался», и слушал старших даже в таком, в общем-то, простом вопросе, как запись с места происшествия. Как всегда у следователя было «в поле», она отвлеклась от простуды, приехала в отдел почти здоровой, напилась фруктового чаю с земляникой (кто бы мог в годы ее юности о таком мечтать!) и приступила к осмотру сумки потерпевшей. Первое, что бросилось следователю в глаза, погибшая женщина почти не пользовалась косметикой, в косметичке у нее лежала почти новая пудреница, и бледно-розовая, почти телесная помада. Но вот что показалось интересным, так это чек оплаты за генетическую экспертизу отцовства и материнства. Поскольку следователь работала очень давно, она решила не давать пока этому чеку «ходу», а сначала во всем внимательно и подробно разобраться. Время показало, как она в этом вопросе казалась права.

* * *

Главный врач центра планирования беременности сидела в своем кабинете, и в задумчивости перебирала документы на столе, которые она должна была подписать для отчета в министерство. В отличие от бюджетных учреждений, платные центры сдавали отчетность реже, а поскольку во всех платных медицинских центрах были на «полшишечки» оформлены чиновники из указанного министерства, отчеты сдавались поверхностно и формально. И хотя повод радоваться у главного врача был, по словам ее друга, позвонившего ей ночью, все прошло хорошо, «без сучка и задоринки», как он выразился, ее что-то напрягало. Она привыкла перебирать внутри себя все возможные наступающие проблемы, но сегодня как будто завесой все покрылось, она так и не смогла понять, что ее тревожит. Возможно, это была сама работа ее центра, когда они открывались, она не думала, не рассчитывала на такой ход событий. Заканчивались одни проблемы, с какой-то из многочисленных рожениц, и начинались новые. Нервы трепали ей постоянно. Но самое главное — не было удовлетворения от своего

труда. Сама по себе процедура ЭКО, будучи давно и хорошо отработанной на разных уровнях отечественной медицины, давала в виде осложнений вполне определенный процент. У нее же последние два года, что ни ЭКО, так осложнение. То ребенок, которого оставили из нескольких зародышей-плодов, и мать доносила его до положенного срока, рождался с синдромом Дауна. Или сама беременность протекала так тяжело, что приходилось даже у благополучных мамочек прерывать беременность. С учетом стоимости самой процедуры прерывание беременности было делом не простым, и всегда касалось вложенных семейной парой денег в ЭКО. В общем, не было и намека на то, что она видела в Москве в профильном институте акушерства, в котором проходила стажировку и последующие специализации. «Что-то мы делаем не то, и не так» — она потянулась к телефонной трубке. Ее знакомый профессор-акушер в Москве был на месте, хотя время было уже к концу рабочего дня. И она, договорившись встрече, облегченно положила трубку, вызвала по селектору секретаршу, и попросила заказать электронный билет до Москвы на вечерний поезд.

В Москве она подышит столичным воздухом, пообщается с коллегами, посоветуется, поговорит со стареньким профессором по душам, и он, конечно, ей даст совет, что нужно изменить в работе ее клиники, чтобы сократить число всевозможных осложнений после ЭКО.

Она так радовалась предстоящей поездке, как нешуточному и дорогому развлечению, которых в ее жизни становилось с каждым годом все меньше и меньше, по мере налаживания ее финансовых и административных дел, что забыла позвонить курирующему их центр полковнику, и проследить, чтобы следствие, куда не нужно, не «полезло». Секретарша взяла билет ей в СВ, в вагон повышенной комфортности, и поездка в Москву обещала быть приятной и легкой. Поезд отправлялся с вокзала поздно вечером, ей надо было купить новое пальто и туфли, чтобы не выглядеть в столице откровенной периферийной замарашкой. С этими приятными мыслями главврач с работы ушла, вызвав через секретаршу служебную машину к запасному входу, чтобыникто из врачей и тем более больных, не видел, что она уходит с работы раньше времени.

* * *

Речные круизы форева! С таким настроением я сходила с трапа приютившего меня кстати судна. Внизу у трапа мялся

потрепанный недельной нервотрепкой Денис. Видимо, сильно волновался, раз выглядел так, что по нему ночью проехал, не снижая скорости, паровой каток.

Но минут через пять его беглого рассказа новостей, мне тоже стало не по себе. Кто знал, чем мое невинное расследование во время обследования выльется нешуточной опасностью, прежде всего для моей семьи, Дениса, меня и малыша, который еще не родился. Денис четко дал мне понять, что на помощь его «конторы» нам рассчитывать не следует. Поэтому, надо было думать, куда нам ехать, чтобы нас не нашли. А таких мест, у меня, и мужа, не бремененных многочисленной родней, было совсем немного. Моя вялая шутка уехать к моим родителям в Африку, не имела успеха, хоть и не была лишена здравого смысла. Причина невозможности уехать была банальна, ни у меня, ни у мужа не было заграничных паспортов. А это значило, что надо было искать другие варианты. Но тут неожиданно наша злодейка-судьба кинула нам спасительный якорь. Моего Дениса кто-то обнял сзади и начал трясти со словами:

— Земеля, братуха! Земеля, ты здесь как?! Я увидела, что Дениса сзади обнял большими руками с пальцами в наколках, и пытается приподнять в воздух больше чем 100 килограмм живого веса мужа тот странный человек, про которого стюард говорил мне, что он криминальный авторитет, местный вор в законе.

Оказалось, что дядька этот симпатичный, давно, еще в армии, служил с моим мужем в «горячей точке». Поэтому мы получили приглашение у него хотя бы недельку на вилле. Он так и сказал «на вилле погостить», как будто речь шла не о дремучей глубинке, а об океанском побережье Мексики, по меньшей мере. Конечно, погостить! От такого приглашениямы с Денисомне смогли отказаться, да и не хотели, если честно, уж очень это приглашение было кстати.

Вилла оказалась трехуровневым бревенчатым теремом, возвышалось это строение над 4-х метровым металлическим забором, располагалось это все на пологом берегу широкой поймы Волги. Вдалеке заросли камышей шевелились под легким ветерком, в этом районе Приволжья было еще тепло, близость к Каспийскому морю давала себя знать. За забором внутри не было, как ни странно никаких излишеств, только ровно подстриженный газон и большая забетонированная автостоянка, на которой стояло четыре, или пять машин. Вход в терем был высокий, крыльцо как в русских народных сказках рубленое. Вообще все дышало спокойствием и уверенностью в завтрашнем дне. Хозяин велел нас проводить в гостевую комнату на последнем этаже, и куда-то пропал. Я вошла в маленькую комнату, буквально

рухнула на кровать, и заснула мертвым сном, недельные нервные переживания этой страшной погони дали себя знать.

Не знаю, сколько времени я проспала, но когда я проснулась, было уже темно, и очень тихо. Даже собака во дворе, огромная азиатская овчарка ни разу не залаяла. В небольшой по сравнению с размерами бревенчатого особняка комнатке был свой санузел, туалет, душевая кабинка, и маленькое биде, поэтому я с явным удовольствием привела себя в порядок: на теплоходе не было возможности помыться, кроме как из раковины в туалете. Сполоснуться в душе оказалось не так просто, я минут пять стояла голая в душевой кабинке, стараясь понять, на какую кнопку надо нажать, чтобы душ включился. Но и этот этап был мной благополучно преодолен, и я, накинув висевший рядом короткий шелковый халатик (Денис, конечно, не привез мне вещей из дома, куда ему догадаться!), спустилась по крутой, но широкой, деревянной лестнице вниз. Внизу я услышала мужские голоса, дверь из холла была распахнута, отблески света на стенах показывали, что там, в гостиной, скорее всего, горел настоящим открытым огнем камин. А около камина, как видно было из проема двери, сидели двое мужчин, и пили. Криминальный авторитет, и мой муж, Денис.

«Ну вот, опять сначала все рассказывать придется про мой побег…» — пришла мне в голову не слишком приятная мысль. Но мужчины у камина говорили не обо мне. Они говорили, как оказалось, о рыбалке! Денис приветливо махнул мне рукой, когда увидел, что я стою за проемом двери. Хозяин дома так же широко и приветливо мне улыбнулся.

— Где такую умницу нашел? Прекрасно знает свою работу, уж я-то знаю.

— На пляже познакомились, случайно.

— Вот повезло. А я так и один, два раза женился, два раза разводился, какие-то дуры мне все время попадались…

— Карма такая… И денег много…

— Много не бывает.

— Это да.

Оба рассмеялись. И потом продолжили разговор. Камин в огромной гостиной потрескивал сгорающими в нем дровами, метались тени по углам, и было так приятно и так непривычно слушать разговоры двух в общем-то сильных и неглупых мужчин не про политику, не про криминальную обстановку, и не про деньги. А про рыбалку, старейшее занятие всех мужчин, со времен «собирательства и охоты». Пили мужчины на удивление не водяру, а красное, и по-моему дорогое вино. Что было совершенно логично, если учитывать последний «пароходный

запой» хозяина дома.

Как я поняла, друг, вернее однополчанин Дениса сам был из этих щедрых на рыбную ловлю мест, и в 90-е смог приватизировать, считай «оттяпать» из госсобственности част поймы Волги и пару местных рядом лежащих озер. Организовал там платную рыбалку, потом дал рекламу, через знакомых и друзей, переместившихся с места жительства у нас на место жительство «туда», в основном в Прибалтику и Германию. И поперли к нему на его озера и пойму Волги рыбаки со всего мира. И даже был организован платный рыболовный Чемпионат…

«Прямо Нью-Васюки в реале» — подумала я, глаза мои слипались, и из-за усталости, и из-за переизбытка свежего воздуха в таком щедром и чистом природном уголке. Поэтому посидев минут 20, я тихо откланялась, и пошла опять наверх, спать.

Когда я утром открыла глаза, то впервые за две последние недели почувствовала крепкую руку на моем плече. Сопел рядом умиротворенный моим присутствием рядом подполковник-муж. Бродить по чужому дому без нег мне не хотелось категорически, поэтому я приняла душ, и стала терпеливо ждать, глядя ему в переносицу, когда Денис проснется. Шутка с пристальным взглядом в переносицу — старая, как мир. Хоть насколько-то чувствительный к энергетическим посылам человек, не сможет при таком спать спокойно и долго. Так и получилось на этот раз, я уложилась в какие-то десять, или пятнадцать минут.

Потом Денис проснулся, мы еще вместе повалялись, потом он долго мылся, в душе, фыркая, как тюлень. Потом, наконец, мы с ним спустились вниз, чтобы позавтракать. Но оказалось, что хозяина дома на месте нет, у него приехали какие-то гости, и он уехал с охранником встречать очередную рыболовную делегацию, то ли в местный аэропорт, который был не так далеко, километров за 30, то ли на железнодорожный вокзал. В общем, в любом случае, как нам ответили люди из обслуги «раньше, чем послеобеда хозяин не вернется». Это значило, что у нас будет время обо всем случившемся со мной, подробно поговорить. Что мы и сделали, сев на лужайке недалеко от дома на модные качели, подальше от любопытных ушей и глаз. Вообще, рассказывала в основном я. У Дениса практически не было новой информации, кроме той, что его начальство повело себя странно, отказавшись ему помогать, и пригрозив увольнением в случае «внештатных действий» по моему вызволению из Центра планирования семьи. Это значило одно, у заведения была хорошая «крыша». Некоторые моменты, о них я говорила довольно долго, в основном, медицинские подробности, мой муж

явно не знал. Некоторые были ему знакомы, о некоторых, судя по лицу, он догадывался сам. Только одну тему мы старательно обходили — где и как мы будем жить, и где я буду рожать. Потому что при таком раскладе возвращаться домой было бы чистым безумием.

— А кот? — задала я вдруг запоздалый вопрос.

— Я отвез его в звериную гостиницу.

— А ему там не будет плохо?

— Будет, не будет, останется живой, и ладно. Потом заберем, я там договор заключил, с разделом об их ответственности за Касьяна.

Это было вполне разумно. Такая красивая здесь была природа, каких-то пятьсот или чуть больше верст, а природа уже южная. Не как у нас. Из деревьев преобладали ивы, и какой-то неизвестный то ли кустарник, то ли дерево полностью заполонил все берега. Из-за забора виллы мы не выходили, но на территории участка была смотровая площадка, с которой было отлично видно, как сидят в лодках, и на специально оборудованных мостках на берегу, частные рыбаки. Судя по добротности дома и забора, по стоимости дорогих автомашин на стоянке, рыболовный бизнес, частный, приносил в карманы хозяина немалый «гешефт».

И как было совершенно логичным в такой обстановке, на обед в меню у нас была уха. Душистая, с плавающей в огромном котелке разномастного вида, маленькой и большой рыбы, уха варилась не на кухне, а на улице, на каком-то странно приспособлении, которое было одновременно и печкой, и духовкой, и коптильней, и мангалом. Такое удивительное спокойствие здесь я ощущала, просто передать нельзя.

Хозяин не спрашивал нас ни о чем, как быто мы приехали к нему надолго, но меня все равно волновал тот же самый вопрос — как и где мы будем жить с мужем до моих родов, и в каком учреждении я буду все-таки через несколько месяцев рожать? Правда, Денис, насколько я могла понять, не сказал хозяину виллы о моем «интересном положении», и это значило только одно — рассчитывать с мужем в этом вопросе мы могли только на самих себя. Надо было что-то срочно придумать, но придумывать не хотелось потому что тогда надо было бы срочно покидать этот милый и уютный рыболовный мирок.

* * *

Выйдя из вагона СВ, она поежилась, поезда, даже с очень дорогими билетами, приходили в столицу «ни свет, ни заря».

Косность в расписании поездов даже от тщательно осовремененных железных дорого просто ее добивала. Неужели нельзя было сделать хоть один рейс, приходящий в столицу в десять, или хотя бы в девять утра?

Холодок пронизывал насквозь, и еще задувало сильно из подземного перехода, ведущего к ближайшей к вокзалу станции московского метро. Ехать в институт сейчас было бесполезно, там приходят на работу значительно позже, в настоящее время. Еще не был 7 утра, там кроме дежурного персонала, никого нет. Значит, надо было искать кафе, с хорошим туалетом и приличной кормежкой. Москва за последние два года изменилась так, как будто старую Москву унесли куда-то инопланетяне, поменялся полностью внешний вид не только самого города, но и транспортных привычных развязок. Были снесены несколько знаковых старых строений, на их месте было построено «черт-те что», какие-то лабазы, типа офисные и торговые центры. И, по сути, сейчас надо было или ехать на Пушкинскую в круглосуточный Макдональдс, или искать что-то непроверенное около вокзала, рискуя нарваться на пирожки с котятами. Или на стряпню без санитарного разрешения очередных выходцев из бывшего СССР, купившего пищевой бизнес без согласования с санитарной службой и прочими инстанциями. Таких мест она побаивалась и никогда там не ела. Макдональд же на Пушкинской, по ее памяти, был закрыт еще весной, по непонятной причине. Оставалось только идти в комнату ожидания на вокзале или вокзальный ресторан. Но туда ей тоже не хотелось, поэтому она взяла такси до Воробьевых гор, и просто прокатилась туда, где была последний раз два десятка лет назад. С Воробьевых гор она, как ни странно, Москву узнала, полностью город свои очертания не изменил. Стирание же «лица» в районе «трех вокзалов» она объяснила себе переизбытком инвесторов, желающих тусоваться в местах большого скопления людей, и никак не иначе.

Институт располагался не в самом центре и не на окраине. Это сейчас этот район можно было уже отнести к элитным, а когда она проходила там первую специализацию, это был обычный «пролетарский» район. Но здание института оставалось прежним, старым, что было весьма логичным. Внаучные исследования на тему акушерства и гинекологии нации, в отличие от привокзальных кафешек и торговых центров, никто из денежных инвесторов вкладываться здесь не спешил. Пока она шла от метро к главному входу, прошло еще больше пятнадцати минут, поэтому она набрала мобильный телефон своего научного руководителя, профессора, просто обаятельного и старого врача.

Он обрадовался ее звонку, как ребенок, даже спустился за ней в лифте, чтобы встретить ее лично в холле на первом этаже. Впрочем, это была необходимость, встретить ее лично. Единственное что изменилось с последнего приезда, всех в институт пропускали только по пластиковым пропускам, которые надо было засунуть как проездные метро в железные турникеты. В общем, на охрану денег не жалели, в отличие т фасада института. Ну и дела… Профессор на сегодняшний момент был единственным человеком, которого она искренне ценила, и любила. Он много сделал для нее, он вылепил ее как специалиста, заразив любовью к ее специальности.

Она бы никогда так и не стала «писькиным доктором», она терпеть не могла женщин, тем более беременных, если бы не личное обаяние и талант врача этого человека, акушера старой закалки. Настоящего врача и человека, выдающегося теоретика и практика акушерства и гинекологии. Просто доброго и честного врача.

И всегда ей было стыдно только в его присутствии, как будто своими делами в центре, она предавала лично его самого. Но как бы то ни было, разговор ей предстоял долгий, поэтому билет она взяла на самый последний поезд из Москвы. К своему стыду у нее не было в Москве ни друзей, ни знакомых, а ночевать в гостинице она почему-то с юности не могла. Но вот дверь кабинета руководители института распахнута перед ней его заботливой старческой рукой, покрытой точечками пигментных пятен, больше говоривших о реальном возрасте старика-профессора, чем его моложавое и улыбчивое лицо. Минут через десять, допив ароматный каппучино из кофемашины необычной формы, и по-видимому, неслыханной стоимости (профессор всегда был сибаритом), она начала свой рассказ. Они говорили долго, очень долго, в перерывах ее монолога, когда она уставала, старенький профессор водил ее по отделениям. Ей даже пришлось переодеться в операционную одежду, почему-то она была бордового цвета, с какими-то нелепыми зайчиками и мишками на шапочке. Конечно, аппаратура здесь была по последнему слову техники, особенно выгодно отличалась диагностическая, мониторинговая, и лабораторная. Сразу было видно — Министерство на аппаратуру для флагмана российского акушерства не жалеет ничего. Она забрала, едва глянув в них, те брошюрки, которые ей дал профессор, думать купить такое оборудование было не зачем, денег в ее центре все равно нет. Все уходило по «нужным людям» и на оплату ее «доверенных людей». Тот же доктор обошелся ей как две французские кюветы для новорожденных. Задушила бы его, гада, да что же ей желать

теперь. И крутилась у нее почти весь оставшийся день на уме глупая поговорка «коготок увяз, всей птичке пропасть»…

После отъезда его бывшей студентки в ее город, старому профессору целый день было как-то не по себе. Отчасти потому, что, рассказывая о достижениях своего центра в области ЭКО он лукавил, что понятно, поскольку дети из пробирки никогда и никому не доставались легко. Но в этом направлении медицинской науки творились на самом деле странные вещи: нигде, ни в чем, и никогда в медицине так не продвигался, не тиражировался медицинский метод, имевший столько спорных моментов и серьезных осложнений. Нигде и нив какой другой методике так старательно не замалчивались множественные отклонения в здоровье полученных методами ЭКО и ИКСИ деток. Профессор сам боялся ответить себе честно на этот вопрос, хотя подозревал кое-что. Первое, конечно, это деньги, стоимость одной процедуры была сопоставима только со стоимостью высокотехнологичной операции на сердце, а до получения результата таких процедур могло понадобиться от трех до десяти. И за каждый женщина, желающая получить ребенка подобным способом, платила деньги. Второй момент, это было вообще чудовищно, но профессор подозревал, что методы зачатия в пробирке поддерживались повсеместно именно по второй причине: стволовые клетки от эмбрионов, которых зачали под наблюдением врачей, и от обследованных родителей, могли быть получены только при редукции, устранении лишних эмбрионов, не случайно срок этого действа по умолчанию сместился с первого триместра беременности на конец второго или начала третьего, тут уже как повезет. Была еще одна причина, но он, старый профессор, положивший всю свою жизнь на алтарь женского здоровья, не хотел об этом даже думать, старательно гнал эту чудовищную мысль от себя…

Медсестра уже понимала, что в центре работать ей осталось совсем недолго, она обладала звериной интуицией, и знала, что с ней вот-вот разделаются. Мысль эта не огорчала ее, она сама была такой, и любому могла всадить нож в спину, только надо было выбрать жертву, и момент, чтобы хоть что-то из этого нападения лично для себя извлечь. Но сама она не могла решить, как ей действовать в этой ситуации, чтобы последнее слово осталось за ней. Из центра она вообще давно уже собиралась уйти, ее откровенно раздражало там все, и начальство, которое относилось к ней не так, как бы ей хотелось, и дети, и беременные эти тетки противные. Но ей хотелось, уходя, поставить жирную точку, восклицательный знак, чтобы все поняли, кто она, и какого ценного работника они потеряли.

Главную врачиху она тоже не любила, и боялась. Потому что понимала, они одного поля ягоды, такие не остановятся ни перед чем. Так что уходя, надо было покончить с главной, одним ударом, и поставить в своей карьере даже не точку, жирный восклицательный знак.

Поэтому она решила посоветоваться с человеком, которому верила больше всего на свете, вернее с человеком, которому она верила на этом свете — одному. Он выслушал ее очень внимательно, почертил что-то задумчиво на листке бумаги шариковой ручкой, помолчал. И сказал ей два слова:

— Ты убей ребенка. Любого ребенка.

Но так чтобы вся ответственность в этом легла на главврача.

Она помолчала, прокручивая его предложение внутри себя, она никогда не была особо разговорчивой, потом поблагодарила его, прижавшись к тылу его теплой ладони всем лицом, резко повернулась и пошла домой. Надо было все тщательно обдумать.

* * *

Расследование ДТП продолжалось полным ходом, вопреки ожиданиям никто «сверху» и не думал вмешиваться в ход следствия, и уже тем более мешать. Что говорило о полной невиновности мужа погибшей в этом страшном и нелепом ДТП. Водитель грузовика, доставленный сначала в отдел, потом взятый под стражу, старательно изображал незнание русского языка. Поняв, что от него что-то добиться будет сложно, видимо парень имел основания упорно молчать, следователь оставила его в покое на несколько дней, не вызывая на допрос, ни спрашивая ни о чем. Иногда вот такая ее позиция развязывала самый упрямые языки. Но в этот раз все было иначе, утром парня нашли повесившимся в одиночной камере СИЗО. Он разорвал на лоскутки свои брюки, и сплел из них подобие веревки, или шнура. И повесился на фрамуге форточки.

Эту линию можно было бы оставить, но природное упрямство следователя не давало ей это сделать. Она послала запрос по месту жительства парня, в одну из бывших союзных республик. И ответ подтвердил ее подозрения, ДТП не было случайностью, на парне, дома «висел» уже несколько лет большой кредит. Который кто-то пожелавший остаться неизвестным, погасил за него как раз в тот день, что случилось ДТП. Банк, в котором водитель брал кредит, был иностранным и попробовать получить оттуда какие-то данные о гасителе кредита, можно было только, отправив запрос в Интерпол. Что было, по ее опыту долго и совершенно

бесперспективно. Похоже, ее отделу грози очередной «висяк», что было само по себе неприятно, и грозило снижением выплат в следующем месяце, причем всем. «Хозрасчет, мать его..» подумала следователь, и решила начать разрабатывать след по генетической экспертизе. Делать ей это ох, как не хотелось, просто она знала, что на нее будут тут же сильно давить. Поэтому пока оставила дело без дополнения, а расследованием судьбе генетической экспертизы отцовства и материнства, решила заняться пока полуофициально, то есть без бумажек разрешительных, пока так. Но попробовав получить хоть какие-то сведения по установлению отцовства, и по тем причинам заставившим молодую женщину сделать это, она наткнулась на четкий отказ. Поэтому, по старой привычке, следователь решила не биться головой в закрытую дверь, а поискать, где рожала погибшая в ДТП женщина. И для этого ей понадобился ее муж. Утром следующего дня к ней в кабинет зашел мужчина, и она удивленно отметила, как же он постарел, съежился и сгорбился. Алкоголем от него не пахло, сегодня был третий день с момента ДТП, значит, сегодня женщину должны похоронить.

— Скажите, похороны будут сегодня — спросила его следователь, пропустив умышленно неуместный в этом случае «доброе утро» или «добрый день».

— Да, в 14.00. Вынос из квартиры. — Наивный, неужели он думает, что она туда пойдет. С детства следователь не мгла терпеть похороны, ей всегда там становилось почему-то нехорошо.

— Вы хороните, или кремируете?

— Хороним, у нас есть уже место на кладбище, там похоронен мой отец.

— Примите мои соболезнования — следователь как будто только опомнилась, и сказала обычную в таких случаях фразу.

— С кем остался малыш?

— С моей матерью. — По напряженному выражению лица, тема эта мужу покойной была неприятна.

— У меня к вам неожиданный разговор. Ваша жена перед смертью забрала из центра медицинской генетики результат экспертизы на установление материнства и отцовства. Вы можете предположить, что ее заставило пойти на этот шаг. И главное — Вы об этом знали?

— Не знал, но догадывался. Она не признавала ребенка своим, считала, что его, ребенка, подменили там, где она рожала.

— А где она рожала?

— В центре планирования семьи. Я сам, если честно, ничего толком не знаю. ЭКО мы делали за границей, а рожали здесь.

— Понятно. Я не буду вас задерживать сегодня, у вас тяжелый день, вы мне позвоните, через несколько дней, если что-то вспомните еще, и мы договоримся встретиться. А я пока про этот центр справки наведу. Вот, прочитайте и подпишите на каждой страницу «с моих слов написано верно, мной прочитано» и поставьте подпись.

Мужчина все сделал, и так же горбясь, вышел из кабинета, тихо, но плотно прикрыв за собой дверь.

Ниточка повела к центру планирования семьи, и, глянув в базу данных, она поняла, что, кажется, здесь чутье ее не подвело, тут была зацепка. И не одна. В последние полгода их начальники озаботились созданием единой компьютерной базы по происшествиям. Набрав название клиники, она увидела, что в разных районах города и области за последние несколько лет были зарегистрированы обращения граждан, в основном это были мамочки, рожавшие в центре, и все вопросы касались или смерти младенцев в родах. Или недоказанной подмене детей. На изучение этих подробностей нужно было время. Она позвонила по внутреннему номеру, и попросила, чтобы сбором информации по заявлениям этим занялся ее стажер.

Анализ заявлений граждан, в основном это были женщины, потерявшие ребенка, но несколько заявлений было от их родственников, ее озадачили немало. Видимо, у центра была «волосатая лапа» сверху, поскольку уж что-то, а с проверками разного толка сейчас в практической медицине все обстояло хорошо. Проверяли и отдел защиты прав застрахованных ФОМСа, и адвокаты по первому заявлению в суд. Правда, практически все заявители в данном случае были неимущими, и траты на адвоката и суд, судя по всему, были явно не для них. Но подкопаться сейчас под эту «кухню» у нее не получится, круговая порука в медицинских кругах еще та. Поэтому она отложила эти бумаги на время, и села закрывать дело, по причине повесившегося виновника ДТП, отказную писать. Заняться этим центром она планировала чуть позже, пусть все уляжется, недельку-другую, а она пока еще дополнительные данные наберет про них.

* * *

Возврат домой из столицы морально придавил ее сильно. В Москве она ощущала себя свободной, и какой-то другой. Здесь же, дома, все было по-прежнему, вялые и капризные женщины в отделении, сотрудники, одни из которых норовили вцепиться ей в

спину (в горло побоялись бы), другие преданно заглядывали в глаза. Ее тошнило и от тех, и от этих. И как бы ей не было тяжело, она решила именно сегодня, в день зарплаты, провести совещание, причем расширенное, пригласив туда и средний медперсонал, и охрану центра. Собирались все долго, то одно мешало, то другое. Но когда за последним, вошедшим в ее кабинет охранником, захлопнулась дверь, она, помолчав какую-то минуту, сказала:

— Ну, вот что, дорогие друзья. У нас теперь начинается новая жизнь. С сегодняшнего дня мы меняем манеру работы. Была я вчера в Москве…

Рассказывая последние новости, привезенные из столицы, она внимательно вглядывалась в лица людей, пытаясь определить, кто из них предатель, крыса. Но так и не могла заметить ничего, корме большой заинтересованности ее рассказом. «А может тот доктор был один?» — подумала она. Такое тоже было вполне возможно, странный мальчишка был, не от мира сего. Вот только ей еще очень не нравилась ухмылка на лице ее доверенной медсестры, «для особых поручений». Но тут, возможно, работа и не при чем. Девочка ловит подружек в ночных клубах, и вообще понять, что на уме этих нетрадиционно ориентированных личностей, ей было всегда не просто. Она отказывалась понимать, как могут лечь в постель женщина с женщиной, или мужчина с мужчиной. Закончив свой рассказ о достижениях столичной медицины, и продолжая очень внимательно за всеми наблюдать, она предложила высказаться все по очереди, и записать с их слов, какое новое оборудование в центр они хотели бы купить. Она все пожелания тут же записала, и распустила домой окрыленный народ. Теперь надо было думать, где взять на все это денег. Но коллективу надо был обязательно «пилюлю подсластить», потому что по результатам совещания, она точно решила уволить несколько сотрудников. Первую — медсестру для «особых поручений», хватит с нее уже. Только перед увольнением она должна будет выполнить специальное задание, она уже решила, кого уберет ее руками, чтобы больше не связываться по таким делам со своим старым другом из «бывших», себе дороже… .

Вторым надо было срочно уволить верзилу-охранника, который отпустил, а вернее упустил девчонку. Третьей была только что устроившаяся в центр медсестра, хотя за ней не было ничего замечено, и нравилась она ей (но как говорят «береженого - Бог бережет»)… Она просто по логике предположила, что ей после убийства доктора, и после внезапного бегства медсестры беременной, жены того майора из милиции, легко соответствующие органы могли в коллектив своего человечка

«внедрить» под видом нового сотрудника. Вообще настроения в коллективе в последнее время были, мягко говоря, тревожные, это было вполне понятно.

И еще ей надо было позвонить любовнику — чиновнику, когда все сотрудники разойдутся по домам, чтобы не было лишних «глаз» и «ушей», чтобы он озаботился поиском новых инвесторов для их центра. Без денег, как без рук, в таком деле как у них, что-то дальше делать просто невозможно, надо срочно вытягивать ситуацию с осложнениями после ЭКО на другой уровень, хотя бы приблизительно приближенный к тому, как она видела в Москве. Ну а пока все потихоньку расходились по домам, она села писать список необходимого, чтобы сразу своему другу из областного министерства его в руки дать. И писать надо было «с походом», все равно он что-то вычеркнет, пусть хоть что-то ей с министерства и без денег даст. А то деньги из ее рук брать все горазды, а вот их зарабатывать почему-то должна одна она.

* * *

Похороны в современной жизни — дело очень морально затратное и дорогое. Впрочем, огромное количество необходимых хлопот как-то отвлекало от скорбных мыслей о такой неожиданной ранней потере любимого человека, его жены. Выбор места похорон на кладбище не стоял, отец его был похоронен на самом дорогом и престижном кладбище города, и тогда мать предусмотрительно огородила места побольше, «для себя». А получилось, что не для матери понадобилось место, а для Марины…

Игорь старался не ходить на похороны ни к кому, почему-то помещение в ящик недавно живого человека, засыпание его цветами, речи друзей и знакомых, которых иногда вспомнить-то было нельзя, все это вызывало у него душевное отторжение. Ну а когда уже в яму, в могилу, спускали закрытый гроб, и по какой-то чудовищной традиции (непонятно, кто ее придумал), люди на похоронах, близкие, знакомые, друзья начинали кидать землю и монеты на крышку гроба… Это казалось ему примерно таким же кощунством, как сожжение на костре живого человека. К сожалению, выбор был невелик, или кремация, или обычные похороны. Кремация проходила в соседнем городке, только там областные власти нашли землю под крематорий. А может быть построили именно в этом районном городке большой области крематорий потому, что там, в городе, еще со времен СССР, было много химических заводов, трубой больше — трубой меньше,

никто не заметит… Он не рассматривал кремацию, как вариант погребения, потому что при жизни Марина очень боялась огня, хотя само по себе, судя по рекламному ролику, выложенному на сайте крематория, все там походило ну очень достойно и прилично.

Но главное в выборе способа похорон Марины стало все-таки то, что Игорь вычитал в интернете, оказывается прах усопших никто по сожжении конкретногопокойника в урны не раскладывал, да и сделать это, с учетом особенностей конструкции печи, было технически невозможно: прах раскладывали по урнам и выдавали родне только в конце смены, а это значит, что в урне под видом праха его любимой жены мог находиться прах какого-то другого покойника…

Поэтому он принял решение жену хоронить, но постарался, чтобы людей, приглашенных на похороны было поменьше, и помощника, занимающегося организацией похорон, попросил провести все побыстрее, и не так помпезно.

Проснувшись утром с больной головой, Игорь с трудом понимал, как он доживет до конца этого дня. Сама по себе подготовка даже традиционных похорон была так же ужасна и утомительна. Надо было выбрать гроб, и определиться с церемонией… Выбирал гроб сначала охранник, потом он, все-таки сам по его просьбе, подъехал в похоронное бюро. Марину, лежащую под землей в этом, пусть роскошном, но зловещем, несмотря на дороговизну, деревянном ящике, он по-прежнему, как ни старался, представить не мог. Тело жены пока еще было в морге, они что-то там сначала брали для проведения судебно-медицинской экспертизы (хотя сразу было понятно, что умерла она от черепно-мозговой травмы, удар пришелся как раз в самую тонкую часть ее височной кости), потом санитары должны были привести в порядок лицо и волосы, причесать и загримировать. Но, по словам патологоанатома, у нее, уже после вскрытия, брали какие-то пробы, крови, и чего-то еще, типа, не была ли она в наркотическом опьянении, и не отравил ли кто-то ее. «Необходимая формальность» так и крутились слова в его голове. Не-обхо-димая-фор-ма-ль-ность. Растягивая эти слова, он почти уже перестал улавливать их смысл. Гроб в похоронном бюро они с охранником выбрали темный, полированный, из красного дерева, с мягкими атласными подушками внутри, очень дорогой. Венки на продажу были все какие-то убогие, и Игорь просто много цветов, гвоздик и лилий, в корзинах заказал. Тащить любимой жене на могилу какие-то жуткие проволочные венки, и уж тем более писать на траурных лентах «дорогой жене от любящего мужа» — этого кощунства он и представить себе не мог. Уж

придет кто-то на похороны со «своим» венком, так пускай уже, сами ей на могилу и положат. Но он такое убожество уродливоеприобретать не станет никогда. Работница похоронного бюро уговорила его купить скромные тапки, а он сначала собирался похоронить Марину в любимых туфлях на высоких каблуках. Туфли эти, правда, после родов, она так и не носила, боялась упасть из-за тонкой шпильки каблуков. Но ему сказали, что в модельных туфлях никого не хоронят. И почему-то сотрудница похоронного бюро его тут же предупредила, что женщину, оказывается, надо хоронить в платье, но без нижнего белья, без трусов. Почему так надо, он так и не понял.

Гроб из похоронного бюро по его просьбе отвезли сразу в морг, там Марину санитары морга должны были одеть, и накрасить ей лицо. При всей любви к своей покойной жене, он бы не смог и пальцем дотронуться до ее мертвого тела, чтобы хоть как-то попытаться ее одеть. За час до выноса тела в их дворе у подъезда стали собираться его сослуживцы, из родни на похороны должна была прийти только его мать. Няни на похоронах он так и не заметил, впрочем, этого и следовало ожидать. Сама процедура похорон прошла как-то мимо его внимания, он сначала автоматически шел за гробом, пока его не погрузили в похоронный катафалк, потом сел в свою машину, и странно быстро заснул, увидев во сне Марину. Она улыбалась ему, спокойная и красивая…

Когда он проснулся, минут через десять, то сразу понял, что это к нему во сне, таком коротком и быстром, приходила прощаться Маринина душа.

Он был не в состоянии за чем-то следить и что-то организовывать на кладбище, и в который раз похвалил себя за предусмотрительность, что он именно похоронной конторе за ведение самой церемонии заплатил. Все прошло быстро и четко, правда, он почему-то заупрямился, и не стал Марину отпевать. Во-первых, потому, что сам в Бога не особо верил. Во-вторых, потому что в Бога не верила она сама. Мать его, конечно, немного поворчала, но потом уехала на его машине, сидеть дома с малышом. А он уже на поминках, перед тем, как выпить, не чокаясь, внутри себя дал себе слово, найти родителей сына, вернее не сына, а того малыша, которого им с женой отдали медики, под видом их родного ребенка. Не будь всего этого, жена бы его была сейчас жива. Неправильное решение, неверные поступки, только сейчас он задумался над фразой «ничего нельзя вернуть». Водка его привычно расслабила, ему стало тепло, и как-то все безразлично. Игорь с трудом понимал, как приедет домой и останется там с малышом один. Поэтому он решил, пока не

прошло девять дней с момента смерти Марины, он как-нибудь соберется, настроится, и потерпит дома свою мать. Пусть поживет несколько дней у него, и повозится с ребенком. Самому ему было больно даже видеть этого ни в чем не повинного, в общем-то, малыша.

Приехав домой с похорон, он закрылся на балконе, и попробовал закурить гашиш. Его затошнило, тут же и резко, и он понял, что с этой привычкой покончено навсегда.

Вечером они посидели вместе на кухне, вдвоем с матерью, она тихо плакала, ничего ему не объясняя, и не говоря. И он, по-своему, как-то по-мужски понял, что мать много раз думала, даже хотела, чтобы он развелся с Мариной, или овдовел. И это ему было особенно неприятно, потому что только сейчас, когда над лицом жены, захлопнулась уже навсегда крышка дорогого гроба, он понял, что теперь на всю жизнь остался совершенно один. Мать, предавшего его любовь, его глубокие чувства к Марине, он не простит никогда. А малыш этот ему совсем чужой. Он уже успел дать денег вездесущему охраннику, и тот еще на второй день после смерти жены положил ему на стол в кабинете дубликат генетической экспертизы, где четко, черным по белому было написано, что Марина мальчику не мать, и он, Игорь, ему не отец. Но делиться со следствием этой бумагой он не торопился, у каждого своя работа, и свои задачи, пусть попробуют сами что-то достать и узнать.

Ему же было важнее сделать так, чтобы никому, по сути, не нужный в их семье, маленький ребенок, обрел, наконец, свой законный дом.

* * *

Патологоанатом выключила лампу на столе, поднялась из-за стола, машинально пригладила волосы, и подойдя к холодильнику, открыла дверцу, внимательно осмотрев содержимое, поняла, что есть она на работе точно не будет.

Доклад на научную конференцию по внутриутробным порокам развития детей после экстракорпорального оплодотворения она почти закончила. Но что с этим делать? Еще когда ее туда пригласили, вручив на совещании билет участника и фирменный пластиковый бейджик, ей тонко намекнули, что количество случаев тяжелой патологии младенцев не должно превышать определенный, «спущенный сверху» процент. Дабы не отпугнуть тех, кто решился продолжить свой род, и получить потомство этим повсеместно разрекламированным и

поддерживаемым с самого «верха» методом. Получилось, что истинные данные она предоставить не могла, а с тем, что у нее было на руках пытаться изобразить, что «все хорошо» в данной сфере, по крайней мере в их области, не стоило даже и пытаться. На самом деле организация самой процедуры, поддержка во время беременности и родовспоможения, в их области была на высоте. Но что это меняло? Огромное количество, как поздних, так и ранних осложнений у плода, не поддавалось описанию, особенно за два последние года.

Поскольку ее муж был переводчиком, и знал три языка, она попросила поискать первоисточники по данной проблеме на зарубежных медицинских сайтах. И ничего там не нашла, видимо за границей эта тема так же была под запретом. Отсюда шел простой вывод: кому-то нужно было тиражировать ЭКО, и представлять его с наилучшей точки зрения. Но вот кому и зачем? Все ведь очевидно, спорить с судьбой — пустое дело. И она много раз за годы своей работы в этом убеждалась.

Во время вскрытия трупа в медицинском учреждении патологоанатом обычно обнаруживает кучу не связанных с диагнозом и причиной смерти «находок». И все эти находки говорят об одном: рулит жизнью человека и решает ее исход не материальная сфера. Тогда что?

Она вспомнила только несколько случаев за последний год уникальных посмертных находок. У человека 70 лет, погибшего от желудочного кровотечения при язвенной болезни желудка, был на сердце не один рубец от инфаркта, а несколько, да еще и трансмуральных, то есть поражение кровеносной системы сердца вызвало обширный некроз сердечной стенки. И судя по виду самих рубцов, это было давно, несколько лет назад, как минимум. Тогда как этот человек жил?

В другом случае, при вскрытии пожилой женщины она обнаружила полностью непроходимые сосуды нижних конечностей. Женщина умерла от инсульта, в неврологическом отделении, и ни одного симптома поражения сосудов у нее не было отмечено. Причем принимал ее в приемном покое хороший врач, и он утверждал уверенно, что у пациентки не было при поступлении ни перемежающейся хромоты, ни варикоза. Тогда, при таких сосудах, как проходила к тканям кровь? И подобных случаев в практике патологоанатома было много.

То есть тотальное невезение, и огромное количество осложненных а часто и тяжело больных детей после ЭКО могло объясняться либо погрешностями в самой процедуре, либо оборудованием. Либо причинами, лежащими за пределами реальной действительности. Поскольку она в Бога не верила, при

ее профессии трудно было верить в чье-то присутствие «свыше», поскольку уж слишком много творилось несправедливостей, с ее точки зрения, эта причина ей не рассматривалась, а лежала как бы за рамками. Тогда что? И самое главное, как писать доклад, какие туда вписывать осложнения и ставить проценты? И самое главное — кому это будет нужно, и зачем вообще нужно писать доклад при сокрытии реальных, достоверных данных?

* * *

В отделении для новорожденных было тихо. Заняты были четыре кюветы из восьми, но так было всегда, здесь не рожали слишком часто и много детей в отделении не было никогда, все-таки площадь самого помещения, в котором располагался центр, было весьма ограниченным. А значит и количество пациенток в нем, не могло быть большим, по определению.

Соня дежурила в ночь в отделении новорожденных не в первый раз, и уже знала, что поспать вряд ли удастся. Не потому, что маленькие детки были особо беспокойными. Слишком велика была ответственность на медперсонале, потому что в центре мало кто рожал «за просто так». Все пациентки, за редким исключением, были женами или очень богатых бизнесменов, или чиновников, тщательно скрывавших свои реальные доходы, но от этого не становившихся менее придирчивыми к медицинским сестрам, и врачам. Неонатолог в центре, конечно, тоже был, и он дежурил, и он, за редким исключением, когда в родильной проводилась генеральная уборка, оставался в центре на каждую ночь. То кого-то надо было выхаживать из недоношенных, то состояние ребенка внушало опасений, то этого требовала очередная истеричка, богатенькая мамочка.

Сегодня родов в центре не было, и неонатолог где-то спал, то ли в ординаторской, то ли в медсестринской, толи в какой-то свободной элитной палате: большинство еще не родивших женщин, чье состояние не внушало опасения, уходили домой до родов практически каждую ночь.

Соня была не замужем, и парня у нее не было, поэтому она и устроилась работать нянечкой в этот центр. Но со временем, а работала она здесь уже почти год, она по-человечески привязалась к этим маленьким деткам, и все время думала, какая у них сложится жизнь. Удачная она будет, или нет, будет ли ребенок окружен любовью и заботой. Будет ли он здоровым, и адекватным, в конце концов.

Отказников, обычных для рядового родильного дома, в

центре не было никогда. Все детки так, или иначе были пристроены, именно поэтому она и устроилась работать сюда. Но все равно, она не могла понять, что именно, но работа здесь ей не нравилась, казалась какой-то неестественной, показной.

Отвлекали детки, и радовала зарплата, она по сравнению с обычным уровнем медиков была просто сказочной. Но Соню не покидало ощущение, что вот-вот и на этой работе ее ожидает какой-то неприятный подвох.

Сонина мама была из многодетной семьи, но сама родила только Соню, и всегда ей говорила: «Не смей плодить нищету!» Соня сама пока еще не задумывалась о ребенке, мать и отец жили в райцентре, километрах в 200 ниже по реке, и доехать, вернее доплыть до их поселка можно было или на теплоходе, или на Метеоре. Раньше еще ходили прогулочные пароходики, с кукольными палубами, и колесом на боку. Сейчас рейсов стало намного меньше, а добираться, когда заканчивался сезон навигации, вообще было за гранью реального, дорога хоть и нанесена была на карту, но реально ее не было практически никакой. Зато родители в отрыве от цивилизации не были подвержены обычным переживаниям жителей больших городов. Отец уволился из машинного депо железной дороги, по сокращению, ему дали неплохие подъемные, и они с матерью купили домик с пасекой, за бесценок, поскольку в том районе не было дачников, и все продавалось по сказочно низкой цене. Поселок их стоял на берегу притока Волги, узкой и мутной речушки с неожиданно большой глубиной посредине, и быстрым течением. Тонули на этой речке много, в основном дети и подростки. Соня не умела плавать, поэтому, когда гостила у родителей, купаться не ходила никогда. Да и мать с отцом были так ее приезду рады, что не отпускали никуда от себя.

Воспоминания о лете ее расслабили, она подошла к чайнику, налила в стакан с недопитым чаем теплой воды, покрутила в стакане ложечкой тихонько, чтобы деток не разбудить. Ничего, всего несколько месяцев, скоро опять навигация откроется, и тогда она поедет к родителям, все-таки на майские праздники все гуляют две недели уже который год.

Тихонько звякнул сигнал на ее телефоне, напомнивший, что малышам надо померять температуру, и проверить, как подается в кюветы дыхательная смесь. Все детки сегодня были в полном порядке, никто не плакал, не капризничал, все тихонько спали. Порадовавшись, как тихо сегодня проходит дежурство, Соня выполнила все предписания и прилегла на диван. Спать она, конечно, не собиралась, но раз так все хорошо и спокойно, так почему бы ей хотя бы полчасика не подремать?

Зашедший в кабинет через час неонатолог обнаружил Соню спящей. А вот один из детей, находившийся в последней кювете, был уже холодным, синим, и судя по температуре кожи, уже давно не дышал. То, как в это отделение час назад прокралась сотрудница отделения патологии беременных, побыла там пару минут и вышла, никто не видел, камер в отделении не было. А если бы и были камеры, так кто бы их стал смотреть?

Ее вызвали на ковер в департамент. Она понимала, что причина традиционной «пропесочки» — умерший внезапно младенец, такого никогда в акушерстве не оставляли без внимания, еще с ее студенческой скамьи. Хотя при выборе, кого спасать, мать, или ребенка, всегда стояли приоритеты спасти мать, гибель новорожденного всегда сопровождалась кучей нервов и комиссий, жалоб и заявлений в правоохранительные органы. Так были устроены люди, без работников центра они не получили бы долгожданную беременность никогда, а получив ребенка, и какое-то осложнение в связи с этим, винили опять-таки сотрудников центра, в общем-то хороших, квалифицированных врачей. Она понимала, что с момента убийства врача из ее центра прошло совсем немного времени, даже дело еще не успели передать следователю, наверняка еще у дознавателя в районном отделе «висит». И внезапная смерть младенца на вторые сутки после родов в ее центре обойдутся ей весьма дорого. Ну что же, она была готова к этому. Во-первых, в этом случае ни ее вины, ни вины ее сотрудников нет. Заспавшуюся лентяйку надо будет уволить, хотя если бы эта дуреха не спала и подняла оперативно тревогу, по поводу состояния младенца, еще неизвестно, чем бы все кончилось. По понятной причине работать в центре могли только проверенные по сто раз люди, а таких было раз-два и обчелся, поэтому классные спецы не могли дежурить все время. А этот дежурный неонатолог был так себе, причем еще и «позвоночный», чей-то, с такого не спросишь толком, и работать не заставишь хорошо.

Конечно, все это было очень неприятно, но в чем-то эта ситуация «прикрывала» случай с доктором. Да и родители были не такими уже и статусными, что-то там средненькое, из торгашей. В общем, надо было настраиваться на «показательную порку», она задержалась перед дверями департамента, поправила прическу (уже полгода как она подстриглась коротко, и все еще не могла к этому привыкнуть) и зашла внутрь.

Она ожидала чего угодно, выговора, даже увольнения. Но такой истерики, которую ей устроил тот, кто по сути, был с ней «в доле» и этот ее центр со схемами «прикрывал», она не могла даже представить. Небольшие, модного фасона, узенькие его очки

запотели, он бегал по кабинету, орал, брызгал слюной до тез пор, пока она сам не подошла к нему, жестко взяла за лацканы пиджака, подвинула к себе его так близко, что было видно, как бьется на виске у него пульсирующий кровеносный сосуд, и сказала тихо, но жестко:

— А ну, прекратите истерику. Что случилось?

Слова эти и действия, как ни странно, вызвали противоположный эффект, и чиновник обмяк, и успокоился. Сел в кресло, промокнул вспотевший лоб («Какая же он крыса вонючая, как я могла с ним спать?!»), и сказал:

— Я не знаю, что мне делать, нас застукали.

А вот это было уже совсем плохо.

Глава 7

Наше пребывание в качестве этом волшебном доме, и не менее удивительном краю, на берегу широкой большой реки, продолжалось уже вторую неделю. Денис с хозяином дома уже несколько раз ездили на рыбалку, привозя домой каких-то совершенно невиданных, необыкновенных, но очень вкусных рыб. Я отсыпалась, малыш во мне рос, что было хорошо заметно по сильно увеличившемуся животу. Впрочем, чувствовала я себя прекрасно, и из-за ощущения полной безопасности (ну почему мой муж мент, а не криминальный авторитет), и из-за прекрасной атмосферы экологически правильно построенного бревенчатого дома. Кроме избы-пятистенки с низкими потолками, в деревне, в гостях у тетки Татьяны, я в деревянных домах долго никогда не жила. Но пятистенка с низкими потолками, и в общем-то убогий деревенский быт меня никогда не привлекал. А вот такой терем-теремок построить, и жить в нем, как в сказке, припеваючи, как там писали «добра наживать», так это мечта, правда с нашими зарплатами — мечта недостижимая.

Прислуги в этом доме, как таковой не было, из посторонних только мы с Денисом, охранники и помощник хозяина, все мужчины.

Готовили еду в этом доме только хозяин и его помощник, других к еде он не подпускал. Еда была простой и без наворотов, каша, по утрам, уха или бульон на обед, мясо или речная рыба на гриле на ужин. Со мной хозяин здоровался, кивал, но не разговаривал, не общался. По-моему, ему было неприятно, что я оказалась женой его сослуживца.

Я наблюдала за мужем и хозяином, мне было очень интересно, а почему у однополчанина Дениса не было семьи, или ходя бы подруги? Чем обидели его женщины? Я специально, когда гуляла по дому, старалась найти хоть какое-то присутствие женщины — хотя бы матери, если не жены. Но не было никакого следа женского пребывания в этих стенах, ни салфеток, ни занавесок, ни зеркал и женских вещей в туалетной комнате, сауне и душевой кабине. Это меня почему-то занимало, хотя причину этого интереса я сама не могла понять. Хозяин был спокойным, рассудительным и непьющим, за исключением двух, или трех раз, когда они с Денисом «обмывали» сначала их службу, потом дважды свой улов. Хотя хозяин за все эти две недели ни разу не напился! Как подменили, в карты не играл, водку не пил, только вино, и совсем немного. Держался или на силе воли, или таблетки какие стал дома принимать.

А вот Денис мой пару раз нажрался в «зюзю», видимо сказалось волнение последнего месяца и сильные переживания за меня. Но я не обижалась, хотя к пьяным всегда относилась с большой нетерпимостью. Вообще эта история меня сильно поменяла. Мое «геройство» в истории с незаконной пересадкой органов казалось мне сейчас непродуманным и наивным. А ведь это случилось всего каких-то пару лет назад. Сейчас все выглядело намного опаснее и страшнее. Во-первых, из-за того, что та преступная схема «работала» на людях уже мертвых (за редким исключением, но в основном на мертвых, уже умерших). А история, в которую я попала сейчас, уже не по своей наивности и глупости, а по милости Дениса, уже касалась не только людей живых, но и самого дорого, что может быть в жизни любой семьи — деток. И сколько их, таких схем, придумали в других областях медицины, куда я еще не успела влезть? Один Бог знает…

Осложнения в медицине существовали всегда, как же без этого, и так же давно люди привыкли врачей и медсестер благодарить, дарить подарки, давать деньги. Но создавать внутри медицины преступные и страшные схемы заработка денег, такое я видела раньше только в американских триллерах, и никогда не считала правдой. Замечательный метод, разработанный учеными для того, чтобы решить проблему женского бесплодия, был поставлен на поток в преступной цепочке обогащения. И это было страшно, наше бегство, с учетом профессии мужа, и его звания и должности — было страшно. И еще более страшным казался этот райский уголок, в котором хозяин — криминальный авторитет.

Хотя я прекрасно понимала, что ярлыки вешать на людей нельзя, любой человек не виноват в том, что с ним происходит. Могла я тогда, когда скрывалась от банды «врачей — потрошителей» умереть? А оказаться в сумасшедшем доме, где не было бы моего знакомого, который главный врач — могла? Могла! И никто не будь у меня муж ментом мне не помог бы тогда, и уж тем более не поверил. Так и тут, после службы в «горячей точке» у хозяина дома могло что-то пойти не так. Но я даже не могла предположить, что на самом деле у него в жизни случилось. Историю эту грустную мне рассказал Денис, все было очень просто, и очень страшно. После возвращения из армии, друг его женился, девушку он давно любил, она ждала его из армии, его соседка. Через год у них родилась дочь, хорошенькая кроха с голубыми глазами. Он повез семью к родителям, в другой район, и их машину, старенькую девятку, протаранил большой джип на дороге. За рулем сидел мажор - чей-то сынок. Денис сказал, что сын кого-то из больших чинов военных, здесь неподалеку был крупный военный полигон. Дочка и жена умерли

сразу, другу Дениса стеклами сильно побило лицо, один глаз почти перестал видеть. А пьяному сынку-мажору, который их убил, не сделали даже обычную экспертизу на алкоголь, и отпустили. Оставшись один, а года после возвращения из «горячей точки» не прошло, хозяин не стал ходит в прокуратуру, к следователям, что-то доказывать. Он просто выследил и застрелил сынка-мажора, когда он выходил пьяный из ночного клуба, и садился в машину. Его арестовали, дали семь лет, друзья и сослуживцы, кто был в теме этой истории, с характеристиками постарались. К тому же у него за «горячую точку» был орден и медаль. А сынок большого военного начальника имел несколько задержаний за наркотики и изнасилование. Правда, потом все потерпевшие заявления забирали, а свидетели куда-то испарялись. Сев на зону, он там оброс знакомствами, вышел по амнистии через пять лет, построил этот домик, и организовал на реке частную рыбалку. Дочь и жену он так забыть и не смог, в доме не было ни одной их фотографии. Так и жил, посередине между законом и беззаконием, бобылем. И несмотря на все это, становился мне все более симптичен.

* * *

Гном долго думал, прежде чем решиться на этот шаг, он хорошо понимал, что ему придется уйти из акушерства, и скорее всего из медицины. Предательства, а он собирался совершить именно предательство по отношению к своим коллегам, в медицине не прощали. Даже если человек потом, после обращения в официальные органы, имея связи, становился начальником, он все равно был всю оставшуюся карьеру изгоем. Но ситуация была патовая, Гном прекрасно понимал, что творится в центре, причем дела шли все хуже, нормальных детей после ЭКО рождалось все меньше, и он связывал это даже не с каким-то злым умыслом своих коллег, который несомненно присутствовал, более того, хорошо оплачивался самой «схемой», а тем неизбежным халатным отношением, которое появлялось на фоне любой платной медицинской схемы, да еще за гранью законности. Вложения в последствия медицинских процедур, особенно таких сложных и высокоточных, как ЭКО, обеспечивалось не только, и не столько профессиональными навыками, сколько душевными усилиями, энергетиков работающих медицинских сестер, и врачей. А тут все было из рук вон плохо, во-первых, контингент лечившихся женщин в отделении, да и во всем центре, был избалованным, резким,

капризным. Во-вторых, социальное неравенство присутствовало практически у всех, женщины были ну очень богатые, а их мужья очень влиятельные. Работай врачи с обычным контингентом в рядовом родильном доме, они бы хотя бы в 5 случаев из десяти не сравнивали бы не в свою пользу тот уровень жизни, который им обеспечивала медицинская профессия, даже в рамках частной медицины. Слишком резким был диапазон возможностей у «богатеньких буратино», и у них, трудившихся за зарплату, пусть в три раза превышающую зарплату их коллег из бюджетных учреждений, но не дававшей им и сотой доли тех возможностей, которая была у этих «владельцев заводов, газет, пароходов».

Гном знал, что не найдет себе в городе другой работы. Но у него, честно говоря, было предложение получше, чем остаться здесь работать, и видеть все это безобразие изо дня в день. Потому что все, что происходило на его глазах, можно было только назвать этим словом, и никак иначе. Халатное отношение к женщинам, злость среднего персонала, скрываемая тщательно, но прорывающаяся резко, когда женщина была в зависимом положении или под наркозом. Подмена младенцев, сокрытие следов этой подмены, молодые мамочки, которых по договоренности с главным врачом кто-то присылал на роды из области, и они шли на заклание, хотя ни одной из них не отдали младенца, с радостной улыбкой, считая, что они вытянули свой главный лотерейный билет. Когда рожениц с патологией было слишком много, и ребенка матери можно было отдать, здоровой мамочке вручали больного ребенка, а здоровый малыш отправлялся в богатый дом. И не было возможности что-то доказать, даже в центре медицинской генетики все было схвачено, он прекрасно понял, почему разбилась на машине их пациентка, недалеко от центра установления отцовства. И как всегда никого не найдут. Поэтому Гном твердо решил идти в милицию, вернее даже не в милицию, а в прокуратуру. Причем не просто так, с парадного входа, а у него был хороший знакомый — прокурор, его одноклассник. И на удивление очень порядочный человек.

* * *

На столе у следователя лежали бумаги, это были показания водителя грузовика, который врезался в машину Марины. Показаниями эти полупустые листки бумаги можно было назвать с большой натяжкой, поскольку водитель, во-первых, почти не знал русский язык, во-вторых не хотел говорить о том дорожном

происшествии, вообще. Молодой парень, со странным именем Фархад, уроженец Таджикистана, там же проживает его семья, мать Фируза, отец Джамал, брат Садек, приехал в их город, чтобы помочь своему троюродному брату торговать на рынке. Рынок к тому времени закрыли на реконструкцию, и у него не было денег даже на обратный билет, поэтому он и пошел работать разнорабочим на стройку. На стройке он поработал три месяца, и как-то однажды, когда заболел водитель бульдозера, а надо было срочно копать котлован, сел за руль бульдозера. И после этого уже работал сначала на бульдозере, потом на автомашине. Возил груз, практически без дополнительной оплаты, всего за несколько сотен рублей в день, которые традиционно зарабатывали на этой стройке мигранты из Средней Азии. Потом он попал в переплет, в драку, его и других рабочих, отметелили то ли местные фашики, то ли бомжи. Он попал в больницу с черепно-мозговой травмой, долго лечился, потом опять вышел на стройку — все. В тот день, когда произошло автотранспортное происшествие, он ездил на строительную базу за блоками для фундамента, но их почему-то на базе не загрузил, и вместо этого на светофоре врезался в автомобиль Марины. Почему он не загрузил бетонные блоки, а поехал пустой, водитель грузовика не отвечал, молчал, как будто не понимает. Анализы на наркотики и спайсы, то, что объяснило бы его странное поведение, были на странность, отрицательными. Получалось, что кто-то его попросил наехать на авто Марины. Но кто? По опыту она знала, что в подобных делах рано или поздно происходит прорыв. Случайный, не запланированный. Кто-то обязательно ошибется, сделает что-то не так, и они получат необходимые сведения. Надо было только подождать. В этот момент раздался телефонный звонок, звонили из соседнего райотдела, в связи с уголовным делом убитого во дворе доктора, работавшего в том же центре, где рожала ребенка Марина. Еще до того, как в поднятой трубке раздался голос, следователь поняла, что вот оно: пошло…

Поймали группу подростков, которые напились пьяные, потом попросили закурить, потом били, и убили во дворе его дома молодого доктора из центра планирования семьи. Обычная история, а изобличил этих малолетних мерзавцев тот дорогой мобильный телефон, который и был основной причиной нападения на доктора (когда начальник службы безопасности подъезжал в ту вонючую и убогую тренажерку, единственной причиной натравить толпу малолеток на интеллигентного и худенького врача был как раз его дорогой Айфон), но вопрос в том, что наигравшись с дорогой техникой, подростки решили телефон продать, так как родители одного из пацанов заметили

дорогую игрушку у него в руках, и стали задавать слишком много вопросов. Скупщики же краденого на местном рынке радиоаппаратуры четко знали свое место и роль: те телефоны, на которые официальных заявлений от граждан не поступало, они спокойно пускали в оборот. А вот телефоны более дорогие, и уже тем более за которыми тянулся уголовный «висяк» в виде грабежа или убийства, тут сотрудничество с органами местного правопорядка было у местных толкачей поставлено на «широкую ногу», и чуть ли не правильно идеологически обосновано. Правда, все это тянулось долго, следователь получил материал не сразу, а недели через две, потом все проверяли, потом искали в базе похожие случаи. Но совпадение, или нет, доктор, убитый, работал в том же Центре планирования семьи, в котором процедуру ЭКО делала Марина, которая погибла от внезапного наезда грузовой машины… А это наводило на вполне определенную мысль: в этом центре творилось что-то странное и страшное, поскольку убийство доктора само по себе было происшествием из ряда вон выходящим. И тут еще внезапная гибель жены богатого бизнесмена, которую ну никак, как бы не хотелось, не получится «замолчать». Или отписаться. Обычная розыскная работа шла своим чередом, и очень скоро на столе следователя по особо опасным лежало личное дело уволившегося в свое время во время партийных после-горбачевских «чисток» из УВД начальника службы безопасности того медицинского центра. Телефон мобильный начальника ставим на прослушку, делаем запрос в КУГИ на приобретение указанным лицом дорогой недвижимости за последние годы… Повестку тому, кто сдавал телефон доктора в скупку, для дачи (пока свидетельских!) показаний… Телефон из скупки, естественно, на техническую экспертизу, вдруг стерли не все файлы…

Как бы не ругали их систему некоторые «говоруны», но розыскное дело работало, и работало вполне неплохо.

* * *

Начальник службы безопасности медицинского центра, а если говорить попросту — старый друг главного врача, сидел в своем рабочем кабинете. Перед ним, на столе лежал заряженный пистолет. Решение было принято в тот день, когда следователь из районного отдела милиции нашла грузовик, убивший молодую женщину около центра генетики в ее машине, и сумела вычислить где живет водитель, мигрант из Средней Азии, которому пришлось дать в долг крупную сумму, чтобы он

совершил наезд на дорогую машину с женщиной внутри, около центра.

Честно говоря, он такого от старой почти бабки-следователя не ожидал, сейчас все относились к розыскной работе спустя рукава. А эта, видимо, была из тех, кто еще начинал работать при Советском Союзе. Как он ее не разглядел… Умирать очень не хотелось, но у него не было другого выхода: в последние пару месяцев все складывалось очень плохо, центр планирования семьи, который он курировал, больше по старой памяти, нежели из-за денег, было решено или закрыть, или перепрофилировать, посадив в кресло главврача там совсем другого человека. Он не мог по определению на уровне своих связей и прихватов свою старую знакомую в ее делах и схемах защитить. А предать ее — для него значило потерять лицо. И это была первая причина достать из сейфа купленный когда-то у барыг на черном оружейном рынке маленький пистолет, со спиленным номером. Вторая причина был, как уже упоминалось, водитель-таджик, которого арестовала дотошная бабка-следователь. Третья причина, и он не хотел ее даже называть, внутри себя, чтобы не добить себя сейчас морально, поскольку для того, что он задумал совершить, требовалось все-таки немалое самообладание, и выдержка, как бы не пытались повесить на самоубийц ярлык слабаков и психопатов, он-то хорошо знал, что только человек с сильной волей способен отбросить табурет, надев петлю на шею, или спустить курок пистолета, когда дуло у виска. Так вот, третья причина, но она была первой, это его четвертая, молодая жена, которую он буквально позавчера уличил в неверности. Он не был ревнив, но, когда он понял, что жена его ему изменяет, и, главное, с кем, он был просто раздавлен, морально уничтожен. Все, что он делал в свои пятьдесят за последние пять лет он делал для нее, в надежде наконец-то обрести личное счастье. Деревенская девчушка, с которой он случайно познакомился в электричке, потом одел-обул, выучил, купил машину дорогую, потом вложил все деньги, которые получал за крышевание фирм, фирмочек, и бизнесменов ей в бизнес — частный спа-центр, чтобы только его малышка была при деле, счастлива и довольна. Он думал, что крестьянские корни его молодой жены, а ей не исполнилось еще и тридцать, заставят ее ценить все, что он для нее сделал. Но он ошибался. Яблочко от яблони… Она изменяла ему, благо в том своем частном спа-центре было много комнат, много возможностей. Он, когда еще только делал ремонт в помещении под спа-центр для любимой женушки, поддавшись скорее многолетней привычке всегда контролировать положение, и всегда обо всех все знать, сам лично смонтировал тайную

систему наблюдения практически за всеми помещениями, и оснастил веб-камеры такой сложной и современной электроникой, что мог в любое время посмотреть, где, в каком помещении, и чем занимался конкретный человек, не прибегая к ежедневным личным утомительным просмотрам. Некоторые моменты в поведении жены навели его на мысль об измене. Он просто захотел это проверить, но то, что он увидел, просто опрокинуло его. Жена оказывала интим-услуги в том спа-центре, причем спаривалась она с тем, кто ей платил. То есть тот спа-центр, который он построил для своей малышки, ее стараниями превратился в обычный бордель. А он, несмотря на множественные преступления, все-таки считал себя офицером. И поэтому оставив необходимые распоряжения и посмертную записку, он без раздумий и сожаления, нажал на курок.

* * *

Алину выписывали из роддома. По этому поводу она раскрутила мужа на новые сережки с бриллиантами. Не то чтобы она любила золото носить, наоборот, ей всегда казалось, что с золотушками в толпе может что-то случится. А просто чтобы увеличить «заначку» в ювелирной шкатулке. В общем, когда они подъехали на набережную, и позвонили Алине, она с малышом уже была почти готова. В этом Центре, так же, как и в обычных родильных домах, мамочек провожали чуть ли не всем коллективом. Цветы, коробки конфет медсестрам и врачам — тут уже откупался зять. Они с мужем подошли, и заглянули в голубое кружевное одеялко, где спал младенец. «Вроде так ничего, с виду, русский, не скажешь, что непохож на зятя» — вздохнула она про себя, с облегчением.

Дома у зятя их с Алиной и ребенком уже ждали новые родственники. Когда дорогой лимузин (зять захотел именно лимузин, придурок) остановился около кованых раздвижных ворот особняка, на высокое крыльцо, как царь, дома вышел отец зятя, с большим букетом цветов. Рядом стояла свекровь Алины и подсвечивала мужу заискивающей улыбкой.

Зять, в желтом пиджачке и узких брючках, выскочил, как швейцар подобострастно открыл заднюю дверь лимузина, подал руку жене. Она, напряженно улыбаясь, как сквозь сильную боль, подала ему руку, прижимая другой рукой к себе голубой конверт, в котором находился новорожденный мальчик, наследник, продолжение их рода, и стараясь не упасть с картинной вымученной улыбкой вылезла из авто. Алина была очень

бледной, поскольку ей всего несколько дней назад по версии матери, и тех сотрудников, которые принимали участие в операции обретения их семьей наследника и ребенка, делали кесарево сечение (а на самом деле просто взяли кровь в большом количестве, чтобы сымитировать операционную кровопотерю). Мальчика родила в соседней палате деревенская наивная женщина, которую вытащили в центр для обследования и типа участия в какой-то научной программе. Простушка уже, горько рыдая, отчалила домой, к себе в деревню, коровам хвосты крутить. А ее сынок, живой и здоровый, должен был теперь жить в их семье, прикрывая ранние грешки ее дочери, и физиологическую неспособность ее зятя завести здоровых детей. Конечно, ее ничуть не радовала перспектива растить чужого, да еще крестьянского сынка. Но по-другому сделать было просто нельзя, ей это объяснила ее подруга-гадалка. Любая женщина, живущая в городе, имеет свое окружение, связи, друзей, может пожаловаться на потерю ребенка, куда-то обратиться с жалобой. Крестьяне не жалуются никому и никогда, да еще через год-два наверняка родят другого. А у этого мальчугана будет совсем другая жизнь. Она даже пустила сентиментальную слезу, вспомнив повесть Марка Твена «Принц и нищий»…

Заграничное обучение, лучшее окружение, статусный брак, заводы, пароходы… И все потому, что ее засранка тогда не смогла себя сберечь.

Только вот этого мальчишку чужого ей надо еще постараться полюбить, и как это сделать, она пока не придумала, понятия «кровь», «порода» для нее были и оставались определяющими в жизни. Правда, у некоторых «кровь», и «породу» заменяли деньги, когда сумма этих денег достигала определенной величины. Но ведь здесь, в случае Алины, денег-то не было, наоборот, им с мужем пришлось отдать за всю эту хитрую схему огромную сумму, практически все, что они накопили за годы его бизнеса.

Свекра Алины она уже ненавидела, и из-за финансовых потерь «по-наду», и из-за зятя, его тупого сынка. Надо же, такой сноб! И понимание того, что им с мужем, сколько не рви задницы на британский флаг, но достичь такого уровня жизни, как у семьи зятя, просто не получится, усугубляло ее отношение.

Их с мужем так и не приняли на равных в этой семейке даже после законного брака Алины. А чем им гордиться, так вообще непонятно, ее муж, и она, сделали свой уровень жизни практически с самого нуля, с самого начала. А у свекра Алины работал в райисполкоме то ли дядя, то ли брат, и ему должность досталась на тарелке с голубой каемкой. Сказать, что она жалела с выбором мужа для старшей дочери — значило ничего не

сказать. Она уже проклинала себя за это. Новая родня оказалась редкостными крохоборами, хамами и ханжами. Алине в этой семье было плохо, зять тайком курил травку, много пил дорогого пива, и совершенно ее дочерью, как женщиной, не интересовался. Как будто поставленный штамп в паспорте однажды и навсегда решил все проблемы, закрыл все его потребности касательно женской ласки. Единственное, чего у семьи зятя было не отнять, так это карты вип-покупателя со скидкой от всевозможных торговых центров, куда вся семья ходила по субботам и закупала себе шмотье. Это несомненно, был приятный бонус, карты лежали в вазочке на столе в гостиной, и любой, кто приходил в дом родителей мужа Алины, мог ими воспользоваться. Да и с кем ее дочери жить? Вокруг одни оборванцы-голодранцы…

Ну, как-нибудь все утрясется, решила она, может мальчик, малыш, долгожданный сын расположит сердца родственников к ее Алине.

Алина в машине сидела молча, неестественно вытянув спину, так и не улыбнувшись ни разу, пока они ехали домой от частного центра. Когда они подъехали, и она увидела свекра и свекровь, ее лицо искривилось неприятной плачущей гримасой. Обкуренный зять в настроении молодой мамы, своей жены ничего не замечал, он болтал всю дорогу про какой-то новый фильм на английском. «Хоть бы его отправили за границу работать, там не будешь пить и курить» — эта мысль давно не давала ей покоя. Другая мысль, которая часто приходила ей в голову, а вдруг ее зять разобьется на машине, или примет не те таблетки. Но с учетом особенностей семьи зятя, она не могла быть уверена, что это будет лучше для ее дочери, для Алины. Малыш, кстати, всю дорогу непрерывно и надсадно орал, и Алина ей сказала еще в палате, то же самое было с первого дня после родов. «Чувствует он, что Алина не его мать?» — на этот вопрос она не могла даже себе ответить. В общем, такой ровный и логичный план замужества ее дочери, завел ее семью явно куда-то не туда.

Комната для дочери и сына уже была готова, увешанная какими-то нелепыми полупрозрачными балдахинами, и оригами — птичками из бумаги, она напоминала скорее декорацию какого-то шоу, чем спальню. Но родители зятя стояли в дверях, и видно было, что им хотелось признания и славы за декорирование этого «уютного гнездышка». Срочно пришлось изображать восхищение, цокать языками на восточный манер, разводить широко руками, приговаривая «Какая красота!» Она видела, что Алине очень хочется, чтобы все ушли. Поэтому постаралась быстренько увести всех в гостиную, где зять тут же подсел к огромной бутылке коньяка, и занялся любимым делом

— поглощением ее содержимого. Отец его тоже уже был навеселе, мать не пила ничего из-за тяжелого сахарного диабета. Выпили, закусили бутербродами с соленой рыбкой и икрой, и она решила тихонько посмотреть, как там малыш, и Алина. За дверью было тихо, в приоткрытую дверь она увидела, что дочь лежала на кровати неподвижно. «Пусть поспит», подумала она, спустилась в гостиную, посидела там еще минут пять, и торопливо откланялась, ей очень хотелось домой, почему-то даже воздух в доме родителей зятя был таким густым и вязким, что ей было трудно дышать. Впрочем, уже на следующий день пришло объяснение этому.

Утром ей позвонил рыдающий зять, и сообщил, что Алина отравилась таблетками. Насмерть отравилась. А малыш жив. Она покормила его, на ночь, смесью из бутылочки, своего молока у нее не было, и зять это воспринял, как должное, а потом приняла большую дозу снотворного, которое открыто лежало на кухне, поскольку отец зятя страдал много лет бессонницей.

* * *

Еще одно происшествие, случившееся в зоне интересов «Медицинского центра по планированию семьи», уже практически все расставило на свои места. Следователь сидела, и перекладывала на столе в разном порядке бумажки. Вот на одной написано «самоубийство молодой матери», на другом «водитель грузовика», на третьем «Марина», на следующем «генетическая экспертиза», далее шли «убийство молодого доктора из центра», «самоубийство друга главного врача», «самоубийство таджика-водителя грузовика», который заутюжил машину Марины…

В этот момент открылась дверь, и дознаватель положил на стол стопку бумаг: заявления матерей, рожавших в центре, у которых умер, и не был им выдан для похорон, ребенок. Таких заявлений она насчитала восемь, впрочем, это был только их район. Что-то будет потом, когда получится копнуть поглубже?

Одна фамилия привлекла ее внимание, похоже родственница сотрудника Управления, из отдела собственной безопасности, фамилия, кстати, была очень редкая. И хотя начальство не приветствовало контакты со смежниками, тем более из ФСБ, она подняла трубку, и набрала телефон дежурного.

Через час (какое совпадение, коллега не был занят) она сидела и слушала все то, что Матвей когда-то начал рассказывать, но так и не до рассказал Денису.

* * *

Нам позвонили вечером, на телефон Дениса, я не знаю, кто это был, но новости, видимо случились неожиданные. «Надо возвращаться» сказал твердо муж, и мы пошли наверх в свою комнату собираться. Надо сказать, что за две с половиной недели в гостях я располнела так, что не могла уже надеть ни одной своей вещи, в которых приехала, что было ожидаемо. Поэтому всего два дня назад мой муж Денис и его криминальный друг повезли в приказном порядке меня на межрайонную ярмарку, где потратили кучу времени и средств, но запихнули меня-таки в одежду для беременных. Огромные до колен саморегулирующиеся бриджи-комбинезон, практически один в один, как в мультике у Карлсона, только без пропеллера сзади. Красивое платье до пят «а-ля крестьянка», все в ромашках и розочках, с бантом, который при утягивании сзади превращал балдахин в некое подобие вечернего туалета. Шляпу, похожую на те, в которых страдали два века назад тургеневские девушки. Пижаму, в синих почему-то сердечках, с длинными и широкими шароварами. Юбку, вразлет, как у цыганок у вокзала, с такими же летящими оборками, но не грязную. И еще много-много приятных мелочей уже для нашего маленького. Так что получился приличного размера саквояж, когда мы все это в него упихали. Хозяин еще подарил Денису какой-то дорогущий спиннинг, и набор блесен, так кажется назывались эти сверкающие, как игрушечные, рыбки. Ехать решили послезавтра, как раз должен был прийти теплоход, который бы так же, рекой довез нас до родного города. А пока решили уехать на пару дней с палатками (очень хотелось) и порыбачить на катамаранах в пойме реки. Хотя Денис и ворчал, что не это не будет полезно, я все-таки напросилась.

Рыбалка не для женщин, так считает подавляющее большинство мужчин, но это совсем не так, поверьте. Особенно если не с удочкой на берегу реки сидеть, а ставить сети, при этом рассекая водную гладь на катамаране. Казалось мы попали в какой-то антиутопический фильм, поскольку кроме камышей, воды — сверху было только сине-фиолетовое небо. Этот камышовый рай радовал нас и утром, и вечером, когда довольные уловом мужики варили на костре уху. Тишина и покой разливались над миром, казалось нет ни бед, ни болезней, ни войн, есть только три составляющие Мироздания — шуршащие камыши, темная вода, и небо над головой. Падали на голову метеориты, оставляя на небе волокнистый след своего хвоста от загаданных чьих-то чужих желаний. Денис даже спел, плохо

попадая в аккорды на старенькой гитаре, и я дала слово себе — заставлять его петь для малыша, когда он родится, а можно и до родов. Красивое крупное лицо хозяина, принимавшего нас здесь, по странной случайности криминального авторитета, и в общем, отличного парня, странно бликовало под всполохами костра, и он от этого походил на Мефистофеля. Странно, когда мы плыли вместе на теплоходе, у меня было ощущение, что я ему нравилась, а сейчас он только здоровался со мной и желал спокойной ночи. Но как бы то ни было, благодаря, или вопреки судьбе, мы с Денисом провели здесь неожиданный и очень приятный отпуск.

Я смотрела на собравшихся у костра мужчин, и думала о странностях и совпадениях жизни. Служили вместе, потом пути разошлись, один стал служить закону, второй стал криминальным авторитетом. А в общем-то обоих связывало не только то время, когда они служили в одной части, а еще что-то неуловимое, правильное, мужское. От воинов-викингов, от путешественников и исследователей, которые живут вне времени, и вне политики. Живут и делают что-то — потому что надо сделать, а не потому что хотят благодарности, или лавров. Помогают не потому, что хотят быть награжденными, а потому что не могут пройти мимо очередной несправедливости. И как бы кто не пытался развалить наш мир, эти мужчины сделать этого никому не позволят. Даже если будут стоять по разные стороны баррикад, один вор в законе, а второй командир спецназа. Единое целое, мужская порядочность и честь была в обоих, и в каждом из них это проявлялось по-разному. И что же получается тогда, что главное — человек, сам человек, а все остальное — условности внешнего мира? Тут я заснула, мне снился наш с Денисом малыш, он смеялся, и протягивал ко мне руки.

Вопреки ожиданиям, которые все-таки волновали меня где-то в глубине души, рыбалка закончилась без происшествий. Мы приехали домой, еще раз сходили на берег реки, и дали хозяину слово, когда подрастет малыш еще раз к нему приехать. Потом на следующее утро пришел наш теплоход, я запомнила только сходни, по которым зашла на борт, пока внизу Денис тряс руку однополчанина, и все продолжал его благодарить, и за отпуск, и за то, что за мной в поездке присматривал. Небольшая каюта, графин с чистой водой, дыхание реки за бортом, все это уже было… Тихо и размеренно, в этот раз против течения реки, медленно мы плыли домой, уже втроем, при этом надеясь только на хорошее.

Мы плыли, и не знали, что ночью после нашего отплытия друга Дениса в его доме застрелили какие-то гастролеры.

Застрелили и угнали его дорогой джип, который приметили на последней международной рыбалке, которую он организовывал.

* * *

Она вошла в свой процедурный кабинет, выложила ампулы на тумбочку. Она знала, у нее нет права на ошибку, если она сделает что-то не так, главная уже не простит ее, и будут проблемы. О величине этих проблем она могла судить, когда ходила на похороны коллеги, убитого во дворе хулиганами. А ей так не хотелось повторять судьбу этого мальчишки, она только вот достигла определенного уровня своей жизни, и ей так хочется еще много чего: и собственную машину с откидным верхом, и небольшой, но приличный особняк в пригороде, она уже подсчитала, что еще полгода ее неправедных денег за дела, которые она делала в Центре, и у нее будет необходимая сумма… Значит, надо все сделать четко и быстро. Гном, так звали дежурного врача, обычно после обхода ходит на кухню Центра, и снимает там пробу с больничной еды. А потом ложится и отдыхает пару часов на третьем этаже, в ординаторской одного из отделений Центра.

Именно в это время он и должен умереть, чтобы его никто не хватился, а у нее останется время доехать домой, чтобы обеспечить себе алиби. Они долго думали с главным врачом, что именно ему вколоть, и решили сделать Гному (он же предатель!) укол, сильно урежающий пульс, и еще добавить в шприц сильное снотворное. Она вышла из кабинета, и присела на посту медсестры, шел как раз пересменок, и это бы не вызвало подозрений. Шприц со смертельным содержимым лежал у нее в нагрудном кармане халата, рядом с авторучкой, которую она и хотела вытащить сначала, попросив Гнома расписать ей на листке бумаге схему принятия оральных контрацептивов для себя, любимой. Гном же не знал, не мог знать наверняка, что она давно уже не спит с мужчинами, а получает удовольствие только от женщин, да еще и в определенных обстоятельствах. Это воспоминание заставило ее сладко зажмуриться, и она даже потеряла несколько минут времени, когда перед ее внутренним взором встала перетянутая шарфом тонкая девичья шейка… Потом она встала, но видимо так в себя и не пришла до конца, потому что не заметила, что в кабинете что-то изменилось. И осознала, что все, все пропало только когда на ее руках защелкнулись наручники.

* * *

Игорь ехал в своей огромной машине по этому проселку, и думал, что надо валить из этой страны. Сколько усилий, это же не Еврейская автономная область, не Мухосранск на Курилах, в конце-то концов. Это его область, и вот эта жидкая грязь — реальность, от которой он был давно оторван. Джип тяжело и надсадно гудел подвеской, преодолевая очередную грязевую хлябь, водитель про себя ругался матом. Но ехать было не так далеко, он посмотрел по навигатору, всего 18 километров от асфальтированной дороги. Вдали показались сложенные стога сена, и деревянный длинный забор какого-то фермерского хозяйства, в которое они ехали. В этот момент у Игоря защемило сердце, он понял, что его цель — близка. А раз цель близка, скоро закончится этот мучительный этап жизни. И начнется новый, в котором пока была пустота, и он даже не мог предположить, чем эту пустоту заполнить. На сиденье рядом с ним лежала папка с бумагами, первая из которых было то заключение генетической экспертизы, из-за которого погибла его жена, Марина. Он много раз проговаривал внутри себя этот разговор, и все равно волновался. Волновался? Он вдруг понял, что это чувство не приходило к нему давно. Он уже давно ни о чем не волновался. А тут, при том, что он перед этими людьми не был ни в чем виноват, ему было волнительно. И страшно. Забор закончился, большие ворота были открыты, внутри двора стоял старый трактор. Надо, это надо сделать, сказал он себе, и открыл дверь машины.

Странная картина, на пороге большой рубленной пятистенной избы неподвижно стояли три человека. Парень, лет 30, женщина молодая с сильно испуганным лицом, и пожилая женщина. Он даже не заметил, как они появились на крыльце, он шел к ним, и знал, что это настоящие родители его сына. И бабушка, скорее всего, или тетка. Они молча стояли. Он подошел, и ни слова не говоря протянул мужчине конверт с бумагами. Руки у мужчины затряслись, и он чуть не уронил конверт себе под ноги, к заляпанным грязью и куриным пометом сапогам. Но Игорь подхватил конверт, и сказал, нет, выдавил из себя всего три слова, в которые, наверное, не верил никто из тех троих, обращаясь к мужчине:

— Ваш сын жив.

И потом добавил еще три:

— В роддоме перепутали…

Молодая женщина молча поползла вниз по деревянной стене. Пожилая подхватила ее под локоть, не дала упасть, закрыла рот

платком, при этомзубами закусив угол платка, чтобы не закричать или не заплакать. А мужчина, молодой мужчина открыто плакал, как ребенок, плакал, не стесняясь этих слез, и тряс головой, как будто хотел стряхнуть с себя все то горе, что было в их семье с момента родов, но делал это как-то робко, тихонько, вполсилы, боясьсвоей слабостью и слезами смыть, прогнать, спугнуть это неожиданное счастливое наваждение.

Потом они сидели за длинным струганым деревянным столом, и пили самогон, и даже, неожиданно для всех, напоили в хлам его водителя. Пили молча, то ли поминки, то ли праздник, не разобрать, он закусывал квашенной капустой, не скороспелкой, которую продавали на местных рынках, а настоящей квашенной капустой, деревенской, из настоящей бочки, сам видел эту бочку на кухне, рядом с печкой русской и второпях поставленной газовой плитой: этот район совсем недавно газифицировали. Он ел квашенную капусту, и понимал, что ничего вкуснее этой капусты и мутноватой самогонки, и пирога из печки, толщиной с ладонь, посыпанного по верху мятой в пюре картошкой и сыром, он не ел никогда. Он ел и думал, что вот здесь, за этим столом, в этом дворе, с курами и собаками, в непролазной грязи сельской местности идет, катится, течет настоящая жизнь, реальная жизнь, про которую в городе давно забыли. Конечно, здесь не было элитных школ, здесь не было интернета, но его мальчик, его не родной сын, родился в этом доме, и должен был жить здесь вместе с родителями. Родится и жить, вырасти среди этих широких полей, перелесков, кататься с подростками на мотоцикле, закончить сельскую школу, потом сходить в армию, вернуться домой, потом жениться, родить своих детей, продолжить дело своего отца, и своего деда, здесь воспитать своих внуков…

У проблемы подмены детей в роддоме была еще одна сторона, о которой не хотелось думать, детей выдирали из их реальной настоящей судьбы, выбирая им новых родителей только по толщине их кошелька. И в этом было что-то не менее чудовищное, чем в самом бизнесе на детях, и на возможности бездетных женщин обрести долгожданный детей путем оплодотворения в пробирке.

Они почти не говорили с родственниками сына в этот приезд, договорились только с мужем молодой женщины, что они приедут посмотреть на малыша в следующие выходные, когда жена и теща хоть немного оправятся. «Чтобы слезами младенца не залить», как метко выразилась бабушка, вытерев наконец слезы. «Не дураки, и не быдло» отметил про себя Игорь, уже уезжая. Но это было слабое утешение, поскольку мальчик был

единственным, что связывало его с покойной женой. И еще предстояла куча бумажной волокиты. Поскольку мальчик числился на нем, и как-то надо было передавать его биологическим родителям. А потом, уже после всего, ехать, валить, бежать из города, и из страны.

Как там писал классик сто пятьдесят лет назад? «Карету мне, карету!»

Он представлял, пока ехал домой, он ясно видел, трясясь в своем джипе по этой грязи, по сельской разбитой дороге в свою городскую квартиру, свою будущую, совсем другую жизнь. Теплое море, красные аккуратные крыши европейских домиков на склонах, узкую и крутую тропинку в скалах, поросших травой, он будет ждать момента, когда к нему через год, или два, приедет сын, и СЕМЬЯ, его семья, с их ОБЩИМ сыном, в тот коттедж в Черногорию, который он купил сразу после смерти Марины. И ему было теперь ради чего жить, и к чему стремиться.

Жизнь неожиданно обретала смысл, приобретением большего, после страшной потери.

* * *

Вода в ванной была голубая, а ей хотелось, чтобы вода была черная. Как та вода, в которой утонул ее Гриша. В Центре хозяйничали следователи, дома у нее шел обыск, а про эту квартиру не знал никто, она встречалась в ней со своими любовниками, иногда скрывалась здесь, чтобы оправиться от бешеного ритма жизни, отоспаться и подумать. Смена обстановки шла всегда на пользу, хотя сама по себе квартирка была убогой. Небольшая однушка, в спальном районе, единственная опция, которую она успела сделать, это ремонт, снеся все стены, и, совместив туалет и ванную, она получила маленькую студию. Ванная была роскошная, почти 2 на 2 метра, над ванной был зеркальный потолок, так ей хотелось расширить пространство. Темный кафель на стенах, белоснежный унитаз, большое зеркало на стене, вот все, что ее окружало. Она попыталась вспомнить, как она дошла до жизни такой, что начала эту аферу с младенцами. Ей хотелось в эти последние минуты пройти свой путь от начала до конца, и самой понять, как из хорошей студентки, отличницы, ответственной и дотошной, она превратилась в преступницу. Она не считала, что совершала преступление, может быть потому, что сама никогда не хотела иметь детей. Она могла бы родить только от Гриши. Те женщины, которые приходили наблюдаться, лечиться и рожать в ее центр,

казались ей в своем стремлении стать матерью любой ценой ограниченными и убогими. На самом деле, у подавляющего большинства женщин, проходящих процедуру ЭКО были мужья, высокий доход, хорошие условия жизни, и возможность делать что хочется, в частности — путешествовать. Но им хотелось обязательно родить! Стать матерью визжащего сопливого комочка. Который еще неизвестно, что мог в жизни натворить, учитывая некоторые особенности образа жизни своих родителей. Когда знакомая гадалка впервые предложила ей попробовать и сделать подмену младенцев в родах, она не поверила, что это может быть так просто. Потом все получилось, как-то очень легко, и все сошло с рук. Потом единичные случаи подмены младенцев в родах заметило ее начальство, и уже с поддержкой вышестоящих структур они расширили и поддержали схему. Потом появились скупщики, которые сулили огромные деньги за абортивный материал на поздних сроках беременности. Потом пришлось покупать помощь тех, кто должен был молчать, платить тем, кто стал невольным свидетелем. Потом, видимо, из-за страха и понимания того, что она в центре большой преступной схемы, как компенсация за подсознательный страх, пришла ненависть и презрение сначала к беременным дамочкам, а потом уже к родившим нормальных и ненормальных, больных детей — послеродовым мамочкам. Так изначальное желание заниматься медициной, делать науку (у нее как раз была тема диссертации по осложнениям ЭКО) превратилось в обратную, и сильную реакцию отторжения. Все, что происходило для появления долгожданных детей, многочисленные процедуры и обследования бездетных женщин, казалось ей искусственным, и ненужным, как насмешка над природой самого человека. А тут еще и знание статистики, что получается в итоге в плане здоровья тех детей, которые зачаты в пробирке. Наверно, вот в это время, когда ее сознание бунтовало, но она еще была, оставалась врачом, родилась эта реакция отторжения. А то, что не любишь, и не считаешь привлекательным, имеющим хоть какой-то смысл — зачем это идеализировать? Это надо использовать в своих целях. Хотели ребенка? Получите! Уж своего, не своего, вам-то какая разница. Она жалела только об одном, что она приблизила к себе эту крысу, медицинскую сестру, которая с охотой ее же и подставила. Понятно, что ей не страшно ничего, такие, как она цветут и пахнут на зоне… Она подумала, прибавила напор горячей воды, взяла в руки длинное лезвие. Этой бритвой брился еще ее дед. Пора было идти. К Грише.

Эпилог

Был ранний март, висели низкие тучи над городом, дул ветер. Но в воздухе уже пахло весной. Придет еще зима, вернется, с ее неожиданными метелями, и люди, ругаясь, опять снимут куртки, и залезут в пуховики и пальто. А сегодня было вдруг неожиданно тепло, и снег уже начал таять. Коляска стояла внизу в подъезде, я возражала, но Денис настоял, он купил маленький велосипедный замок, фиксируя за ручку коляску к батарее. Малыш еще спал и тихонько при этом сопел. Я осторожно засунула его в пуховик, который ему еще был далеко на вырост, спустилась вниз, не забыв покормить кота. Касьян сильно сдал, пока мы были в отъезде, и он жил у соседки, видимо решил, что мы его бросили, и это, как ни странно, исправило его мерзкий характер, он по ночам уже больше не орал, не требовал изысканного корма. Я много раз наблюдала уже после родов, как он сидел у кроватки малыша, и не отрываясь смотрел на спящего ребенка. Сначала мы волновались, как бы он не вцепился в сынишку, но только однажды кот закричал, мы с Денисом вбежали в комнату, мальчик практически с родов спал отдельно, и увидели, что наш сынишка перевернулся во сне, уткнувшись носиком в подушку, а обратно повернуться не может. Мы поняли тогда, что наш кот охраняет нашего сына, и больше уже не волновались, и не переживали. Кот был уже взрослым, и в общем, ничем пока не болел, муж работал в своей полиции, я сидела с ребенком.

И это было счастье.